

Федеральное государственное образовательное
бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ: диалектика идеалов и реалии конфронтации

Монография

Под редакцией

*М.Л. Альпидовской, А.Г. Грязновой
О.В. Карамовой, Д.П. Соколова*

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2017

**Federal State – Funded Educational Institution of Higher
Education «Financial University under the Government
of the Russian Federation»**

**GLOBAL ECONOMY IN THE
TWENTY-FIRST CENTURY:
the dialectics of ideals
and the realities of confrontation**

Monograph

Editors

*M.L. Alpidovskaya, A.G. Gryaznova
O.V. Karamova, D.P. Sokolov*

Moscow
2017

УДК 338(08)(470+571)

ББК 65.01–96(2Р)

Г54

Рецензенты:

Л.А. Карасёва, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», д-р экон. наук, проф.,

Е.Е. Николаева, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», д-р экон. наук, доц.

Ответственные редакторы:

М.Л. Альпидовская, д-р экон. наук, доц.,

А.Г. Грязнова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р экон. наук, проф.

Редакционная коллегия:

О.В. Карамова, д-р экон. наук, доц.,

Д.П. Соколов, канд. экон. наук

Г54

Глобальная экономика в XXI веке: диалектика идеалов и реалии конфронтации : кол. авторов ; под ред. М.Л. Альпидовской, А.Г. Грязновой, О.В. Карамовой, Д.П. Соколова. — Москва : РУСАЙНС, 2017. — 154 с.

ISBN 978-5-4365-2194-7

Монография подготовлена по материалам пленарных докладов IV Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности», проведенной 02–03 марта 2017 г. в Финансовом университете, Москва. Монография отражает современные проблемы глобальной «нерегулируемой «неоэкономики»», находящейся сегодня в состоянии перманентного кризиса – кризиса системного, кризиса тотального, кризиса планетарного масштаба. Без научно-практического решения вопроса о новых источниках развития – индустриальных, стабильных, фундаментальных и долгосрочных, без исторического экскурса в недалекое прошлое немислимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны.

Для студентов, аспирантов, научных работников и преподавателей в процессе изучения проблем современной экономики.

УДК 338(08)(470+571)

ББК 65.01–96(2Р)

ISBN 978-5-4365-2194-7

© Коллектив авторов, 2017

© ООО «РУСАЙНС», 2017

Reviewers:

L.A. Karaseva, Doctor of Economic Sciences, Professor (FSBEI of Higher Education “Tver State University”);

E.E. Nikolaeva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (FSBEI of Higher Education “Ivanovo State University”)

Editors:

M.L. Alpidovskaja, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

A.G. Gryaznova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation

Editorial Board:

O.V. Karamova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

D.P. Sokolov, Candidate of Economic Sciences

Global economy in the twenty-first century: the dialectics of ideals and the realities of confrontation : monograph / ed. by M.L. Alpidovskaya, A.G. Gryaznova, O.V. Karamova, D.P. Sokolov. — Moscow : RU-SCIENCE, 2017. — 154 p.

ISBN 978-5-4365-2194-7

A monograph is based on the materials of plenary reports of the IVth international scientific conference “Global economy in the twenty-first century: the dialectics of confrontation and solidarity”, which was held by the Financial University in Moscow, 02–03 March 2017. Monograph reflects the contemporary problems of the global “unregulated “neo-economy”, which is in a state of permanent crisis – systemic crisis, crisis of the total planetary scale. A practical solution of socio-economic problems of our country is unthinkable without scientific and practical approaches to the issue of innovative sources of development: industrial, stable, fundamental and long-term, without historical insight into the recent past.

The monograph is recommended for students, postgraduates, researchers and teachers in the studies of the problems of modern economy.

ISBN 978-5-4365-2194-7

© The Authors, 2017

© ООО «РУСАЙНС», 2017

Оглавление

<i>М.Л. Альпидовская</i> От редакции.....	6
<i>В.Н. Бобков</i> Вызовы неустойчивости занятости для будущего сферы труда.....	8
<i>Ю.Ю. Болдырев</i> Национально и социально ориентированная модель экономики как альтернатива деструктивному паразитизму.....	27
<i>С.С. Губанов</i> Философия развития России в контексте системных ограничений	37
<i>В.В. Кашицын</i> Дилемма перспектив развития российской экономики в транскрипции мирового хозяйства и их системные ограничители	47
<i>Г.Б. Клейнер</i> Системная экономика XXI века: идеал, реальность, программа.....	56
<i>А.В. Кузнецов</i> Ключевая роль России в преобразовании глобальной финансово-экономической парадигмы	67
<i>Р.М. Нуреев</i> Истоки и его последствия	79
<i>Е.Г. Пономарёва</i> «Коллективный» Трамп: Америка в поисках выхода из глобального тупика	97
<i>М.Л. Хазин</i> Слом бреттон-вудской системы как инструмент глобализации. Что дальше?.....	109
<i>К.А. Хубиев, Т.А. Халин</i> Современные тенденции глобального экономического развития.....	117
<i>Г.Н. Цаголов</i> Что бы об этом сказали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин.....	139
Авторский коллектив	152

ОТ РЕДАКЦИИ

«Теория – это когда все известно, но ничего не работает. Практика – это когда все работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает..., и никто не знает почему!».

А. Эйнштейн

«Руководить – это значит не мешать хорошим людям работать».

П. Капица

Предлагаемая вниманию читателя книга основана на материалах пленарных докладов IV-й Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности», прошедшей в ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в марте 2017 года. Монография посвящена одной из актуальных проблем современной мировой экономики и экономики России, в частности, погружившейся в «глобальный океан» глобальной экономики – глобальной «нерегулируемой «неоэкономике», находящейся в состоянии перманентного кризиса – кризиса системного, кризиса тотального, кризиса планетарного масштаба...

Известно, что экономика современной России начиная с 2000-х годов адаптировалась в рамках глобальной социально-экономической системы, главной идеологемой которой и до настоящего времени выступает специфическая вариация пути развития человечества – «постиндустриализм». Сегодня России историей брошен колоссальный вызов. Экономические санкции западной глобальной «неоэкономики», находящейся в состоянии перманентного системного кризиса планетарного масштаба, и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели – реалии современного положения дел настоящей России. Если ответ на этот вызов не будет найден, русская цивилизация может быть уничтожена. Более чем за 1000 лет существования российской государственности все подобные посягательства на её реальность, уникальность, неповторимость и элементарное существование были пресечены.

«Реальность» и рациональность экономики и определённая ограниченность потребления мутировала в виртуальную «хрематистику» и безграничность постмодернистского гедонизма. Перескочив через «гражданское общество» развитого капитализма граждане России оказались в потребительском обществе со всеми вытекающими далеко не столь позитивными последствиями.

В условиях глобальной слепоты – нежелания, а значит и невозможности заметить и увидеть важнейшие исторические вызовы, новые стратегические ориентиры и императивы не могут быть декларированы.

Иначе говоря, ответить на глобальный системный вызов Россия сможет только, вооружившись собственным многовековым наследием противостояния деструктивным тенденциям расчеловечивания глобального социума. Именно поэтому ядром построения социально-экономических отношений XXI века должны стать неразрывные связи солидарности.

Пришло время осознать, что смена парадигмы государственной власти неизбежна. Россия должна уйти от безответственного и асоциального государства. Пришло время прозреть и осмыслить на каком фундаменте строить экономику будущего. Вместе с тем, без научно-практического решения вопроса о новых источниках развития – источниках индустриальных, стабильных, фундаментальных и долгосрочных – немыслимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны.

В этих условиях основанием подобного обсуждения и осмысления стала необходимость реактуализации фундаментальных политико-экономических исследований в области роли и функции государства и гражданского общества в функционировании социально-экономических систем, широкого междисциплинарного обсуждения ключевых проблем современной России в меняющемся мире и выявления идей, моделей и механизмов переориентации национальной экономической политики в сторону новой индустриализации на основе приоритетного развития высокотехнологичного производства, интегрированного с передовыми достижениями науки и образования.

Данная книга освещает проблемы ключевой роли России в преобразовании глобальной финансово-экономической парадигмы, выявляет современные тенденции глобального экономического развития, раскрывает системную сущность экономики XXI века с точки зрения её идеалов и реалий, обозначает философский контент развития России в контексте системных ограничений, находя исторические параллели, предоставляет возможность читателю вместе с авторами докладов найти ответы на вопросы дальнейшего развития социально-экономической системы всего мира в целом и др....

Хотелось бы отметить, что интерпретация ряда теоретических и практических вопросов, предлагаемых в книге для обсуждения, носит дискуссионный характер.

Монография рекомендуется студентам, аспирантам, научным работникам и преподавателям в процессе изучения проблем современной экономики.

М.Л. Альпидовская

Вызовы неустойчивости занятости для будущего сферы труда

Бобков Вячеслав Николаевич

ВЫЗОВЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ ЗАНЯТОСТИ ДЛЯ БУДУЩЕГО СФЕРЫ ТРУДА¹

Капиталистические реформы в России характеризуются наступлением капитала на труд: резко выросло экономическое неравенство и бедность среди семей наёмных работников, зачастую в уродливых формах трансформируется сфера образования, которая готовит будущих специалистов. В федеральных образовательных стандартах вузов упразднено направление подготовки кадров «Экономика труда». Полномочия решать о необходимости выделения профиля в рамках направления «Экономика» или «Управление персоналом» передано ректорам и студентам, что уже привело к сокращению нагрузки по этим дисциплинам и сокращению кафедр экономики труда, свёртыванием подготовки кадров этого профиля.

На протяжении двух лет после начала разработки профессиональных стандартов (2014 год) не разрабатывался стандарт экономиста по труду (специалиста по экономике труда) под предлогом того, что разработан профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом». Таким образом, управление трудом было поставлено над экономикой труда. Хотя в жизни все ровно наоборот. Экономика страны остро нуждается в специалистах по разработке балансов рабочих мест и трудовых ресурсов, по организации новых форм труда, его нормированию, оплате и созданию безопасных условий труда. Потребовались немалые усилия, чтобы под давлением общественности этот стандарт в конце 2016 года начал разрабатываться. И пока ещё неясно, когда и чем будет завершена эта работа, что уже наносит огромный ущерб экономике страны из-за нехватки квалифицированных кадров экономистов по труду.

Международная организация труда (МОТ) в преддверии своего 100-летия (2019 год) в 2015 году опубликовала доклад; «Будущее сферы труда», в котором обратилась ко всем странам – членам этой авторитетной международной организации в течение 2015- 2019 годов обсудить наиболее острые проблемы сферы труда и наметить решения по

¹ Статья публикуется при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения, № 16-18-10140»

их преодолению. В России с опозданием разворачивается работа по обсуждению инициативы этой авторитетной международной организации, хотя в 2016 году уже закончился обозначенный в Докладе первый этап ее реализации. Это, на наш взгляд, не случайность, а лишний раз подтверждает третьестепенную роль, отведённую труду капиталам и сросшимся с ним государственными структурами.

Наоборот, у всех, кто стоит на защите интересов труда, инициатива МОТ укрепляет надежды на международную поддержку в решении множества назревших проблем. В числе наиболее острых в Докладе МОТ поставлен вопрос о рисках замены «...прочных социальных сетей, ...вытекающих из стабильных трудовых отношений, на ... ситуации, в которых отдельные лица теряют социальную идентичность, которую придаёт им труд, становясь изолированными, неуверенными и отчуждёнными в силу своего трудового опыта...». Эти процессы МОТ непосредственно связывает с такими характеристиками экономики и сферы труда как «неформальная экономика», «нестандартные формы труда», распространение гибких, краткосрочных и переходных форм занятости, когда работники будут все более мобильными в пространственном и функциональном отношении. Эти тенденции широко проявляются в России.

Наше осмысление этой проблемы показывает, что у неё имеется две стороны: организационно – техническая и социально – экономическая. С организационно – технической стороны, отмеченные выше процессы в сфере труда, обусловлены научно – техническим прогрессом и структурными изменениями в производстве товаров, услуг и информации, расширением гибкости рынков труда (*labour market flexibility*) и появлением новых форм занятости. Согласно многочисленным прогнозам распространение компьютеризации, 3D технологий и робототехники в среднесрочном -, а тем более, в долгосрочных периодах приведёт к вытеснению традиционных видов деятельности в сферах услуг, продаж, управления и административной работы. В меньшей мере, но существенно скажется на изменении содержания и форм занятости в сферах образования, юриспруденции, коммуникаций, искусства и СМИ. Это отвечает интересам работодателей в той мере, в которой обеспечивает диверсификацию производства и гибкость занятости, а также интересам конкурентоспособных работников.

С социально – экономической стороны, современные формы воспроизводства рабочей силы, обуславливают неустойчивость занятости (*precarity of employment*). – *вынужденное для огромного числа работников сужение сферы занятости на основе официального бессрочного трудового договора со стандартной рабочей неделей.*

В качестве замены этого типа трудовых отношений расширяется занятость на условиях срочных, временных, гражданско-правовых и иных отношений работодателя, и работника, самозанятость и др. формы занятости, которые, в случае несоблюдения баланса интересов, в том числе, с государством, переходят из формальной в неформальную (теневую) занятость. Возрастают предпосылки роста безработицы. Все это ущемляет трудовые и социальные права работников.

По оценкам Росстата доля неформального сектора в общей занятости, находящейся в «тени», за рамками трудового законодательства, составляла в 2015 году 20,5 процента. Начиная с 2014 года, российское Правительство проводит большую работу по т.н. «легализации» неформальной занятости. Однако его усилия, в основном, сосредоточены на решении задачи увеличения сбора страховых и налоговых платежей. Безусловно, выявление дополнительных источников пополнения бюджета имеет большое значение, особенно, в условиях неэффективных пенсионной и налоговых систем. Отдавая должное этим усилиям и некоторым положительным результатам этой работы, надо подчеркнуть, что при ее проведении совсем не делается акцент на решение задач ущемления трудовых и социальных прав работников, обусловленных огромными масштабами неформальной экономики и «нестандартными формами труда. Как раз эти причины и лежат в основе сохранения огромного теневого сектора экономики. Получается по Ходже Насреддину: государство говорит работникам и предпринимателям – «давай» – давайте налоги и страховые платежи, а они не откликаются, продолжают «тонуть», поскольку не доверяют государству. Пора бы государству действовать по-иному и предложить – «на» – вот вам достойные рабочие места и защита трудовых и социальных прав! Тогда люди добровольно перейдут в формальный сектор экономики.

Хотим это особо подчеркнуть: **одной из основных причин сохранения огромных масштабов неформальной занятости в теневом секторе экономики и нежелания работодателей, самозанятых и наёмных работников выходить из «тени» являются огромные масштабы неустойчивости занятости в формальном секторе.** Ниже приведены доказательства, подтверждающие эту гипотезу.

В таблице 1 представлены данные, показывающие, что по типу контрактных соглашений от 9 до 16 процентов занятых в официальной экономике работают на основе устной договорённости без оформления документов, заняты на условиях срочных трудовых или гражданско-правовых договоров, выполняют работу на дому или дистанционно. Две последние формы занятости при условии отработки законодатель-

ной базы позволят обеспечивать все необходимые трудовые и социальные права работников, но в современных условиях все вышеназванные формы занятости являются прекаризованными, т.е. лишают работников возможности получать трудовые и социальные права, обычные в условиях стандартной занятости: либо ущемляют их в продолжительности рабочей недели, либо в отпусках, либо в оплате по больничных листов, а также в обеспечении безопасных условий труда и др.

Таблица 1

Тип контрактного соглашения (найм, основная работа, 2015,%)

№	Содержание	Росстат
1.	Занятость на основе устной договорённости без оформления документов	4,0*/7,3**
2.	Занятость на условиях срочных трудовых договоров	4,0*
3.	Занятость на условиях трудовых договоров о выполнении работы на дому	0,04*
4.	Дистанционная занятость	0,01*
5.	Занятость на условиях гражданско-правовых договоров	0,9*
	Всего	9*/16,3**

Составлена Одинцовой Е.В.

*Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.

**«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>).

В ряде видов экономической деятельности занятость в организациях на основе устной договорённости без оформления документов приобрела наиболее широкие масштабы – в организациях общественного питания (37,5%), в сфере услуг населению (25,0%), рекламе и маркетинге (20,0%), торговле и бытовом обслуживании (15,2%), строительстве (14,5%), операциях с недвижимостью (13,6) и транспорте (11,8%) (Таблица 2)

Ещё более широкие масштабы ущемление трудовых прав работников в формальном секторе экономики приобрело *по условиям труда*. В 2015 году по данным Росстата доля наемных работников с заработной платой ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ) составили 1,4 процента, ниже прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМтр) – 10,7 процента (Таблица 3). Оценки распределения

работников по заработной плате, проведенные во Всероссийском центре уровня жизни, показывают, что доля работников с заработной платой ниже ПМтр. была выше и составляла в 2015 году – 13,3, а в 2016 году – 13,6 процентов.

Таблица 2

Найм без договора по видам экономической деятельности

(основная работа, 2015 г, в% от общего количества занятых в виде деятельности)

№	Содержание	РМЭЗ**
1.	Организации общественного питания	37.5
2.	Услуги населению	25.0
3.	Реклама, маркетинг	20.0
4.	Торговля, бытовое обслуживание	15.2
5.	Строительство	14.5
6.	Операции с недвижимостью	13.6
7.	Транспорт	11.8

Составлена Одинцовой Е.В.

**«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

По оценкам Всероссийского центра уровня жизни только бюджет в три прожиточных минимума позволяет одинокому работнику обеспечить удовлетворение основных минимальных потребностей. Доля работников с заработной платой ниже трёх прожиточных минимумов составляла в 2015 году по оценкам Росстат 63,9 процента. Если в такой семье есть хотя бы один ребёнок, то она практически попадает в разряд низко обеспеченных семей.

По данным последней волны российского мониторинга экономики и здоровья, в 2015 году 17,8 процентов наёмных работников полностью или частично получали неофициальный доход от основной деятельности, задолженность по заработной плате имели 3,5 работников, а уменьшали или сокращали часы работы не по своей инициативе 8,6 процента.

Сферы приложения труда этих работников также известны. Так, в части получения неофициального дохода от основной деятельности, это уже упоминавшиеся организации общественного питания (50%), производители услуг населению (47,6%), торговля и бытовое обслуживание

(34,5%), строительство (32,5%), реклама и маркетинг (25%). По этому параметру прекаризации занятости также выделяются производители информационных технологий (30%), сфера спорта, туризма и развлечений (28,2% от общего числа занятых в них работников) (Таблица 4).

Таблица 3

Условия труда наемных работников в организациях формального сектора экономики [3]

(основная работа, 2015г, % от общего количества занятых)

№	Содержание	Ростат, РМЭЗ**
1.	С начисленной заработной платой менее МРОТ*	1.4
2.	С начисленной заработной платой ниже ПМтр.*	10.7/11,6 ²
3.	С начисленной заработной платой ниже ЗПМ*	63.9
4.	С неофициальным доходом от основной занятости (частично или полностью за последние 30 дней)**	17.8
5.	Имеется задолженность по заработной плате**	3.5
6.	Уменьшали заработную плату или сокращали часы работы не по их по своей инициативе (за последние 12 месяцев)**	8.6

Составлена Одинцовой Е.В.

*Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.

**«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/flms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms>).

Значительные масштабы неустойчивости занятости в формальном секторе экономики характеризуются не только через тип трудовых отношений и ненадлежащие условия труда. Значительная часть работников выражает *неудовлетворённость* своей деятельностью в целом или по отдельным аспектам. Так, в 2015 году по данным РМЭЗ, своей работой в целом (совсем или скорее) были не удовлетворены 11,1 процента занятых на основной работе в организациях, оплатой труда – 38,4, условиями труда – 12,6, возможностями профессионального роста – 24,4 процента (Таблица 5). Последнее расширяет сферу неустойчивости занятости, поскольку характеризует и тех работников, которые имеют стандартные бессрочные трудовые договоры. Это означает, что среди них имеются те, кто не в полной мере реализует свои возможности. Их занятость также является неустойчивой.

² Оценка за 2016 год, полученная во Всероссийском центре уровня жизни.

Таблица 4

**Получатели неофициального дохода
на основной работе по видам деятельности [3]**

(2015г.,% от общего количества наёмных работников)

№	Содержание	РМЭЗ**
1.	Организации общественного питания	50.0
2.	Услуги населению	47.6
3.	Торговля, бытовое обслуживание	34.2
4.	Строительство	32.5
5.	<i>IT, информационные технологии</i>	30.0
6.	<i>Спорт, туризм, развлечения</i>	28.2
7.	Реклама, маркетинг	25.0

Составлена Одинцовой Е.В.

**«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Таблица 5

**Неудовлетворенность наёмных работников основной работой в
организациях [3]**

(2015,% от численности занятых)

№	Содержание	РМЭЗ**
1.	Своей работой в целом (совсем или скорее не удовлетворены)	11.1
2.	Оплатой труда (совсем или скорее не удовлетворены)	38.4
3.	Условиями труда (совсем или скорее не удовлетворены)	12.6
4.	Возможностями профессионального роста (совсем или скорее не удовлетворены)	24.4

Таблица составлена Одинцовой Е.В.

Прекаризация занятости в формальной экономике проявляется также в неустойчивом положении наёмных работников. В 2015 году по данным РМЭЗ доля наёмных работников, обеспокоенных возможной потерей работы, составляла 63,9 процента. Из них 29,5 процента были очень обеспокоены, что характеризует широкие масштабы распространённости среди занятого населения стресса, обусловленные ее неустойчивостью (Таблица 6).

**Занятость с неустойчивым положением наёмных работников
на основной работе в организациях [3]**
(2015 г., % к общему количеству занятых)

№	Содержание	РМЭЗ**
1.	Обеспокоенных (очень или немного обеспокоенных) возможной потерей работы	63.9
в т.ч.:		
1.1.	Очень обеспокоенных возможной потерей работы	29.5

Таблица составлена Одиной Е.В.

**«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Сокращение сферы неформальной занятости непосредственно зависит от благоприятности условий, созданных работодателю и работнику в формальном секторе экономики. В нашей стране в формальном секторе экономики условия для честного бизнеса и добросовестных работников не создают у них должных мотивов и стимулов к полной реализации своих возможностей.

До тех пор, пока работники и работодатели, находящиеся в неформальной занятости, не увидят реальной работы по созданию в формальном секторе условий для достойного труда, невозможно успешное решение задачи значительного снижения масштабов неформальной занятости.

Состояние сферы неустойчивости занятости необходимо характеризовать системой статистических индикаторов. Их обоснование и способы измерения должны стать предметом специальных исследований. В числе таких индикаторов считали бы целесообразным использовать ряд индикаторов достойного труда, которые отслеживает Росстат, поскольку они характеризуют масштабы неустойчивости занятости. Их мониторинг позволял бы давать оценку ее динамике и использоваться для выработки мер по снижению ее масштабов. В таблице 7 предлагается перечень этих индикаторов и их значений в 2015 году.

Эти тенденции в полной мере относятся к российскому обществу. Социальная прекаризация, прежде всего, выражается в ограниченности возможностей домохозяйств планировать устойчивую материальную обеспеченность. Это наглядно видно при выявлении основных

социальных группы населения с помощью системы нормативных потребительских бюджетов.

Наряду с прожиточным минимумом (БПМ) данная система включает в себя социально – приемлемые (восстановительные) потребительские бюджеты, бюджеты среднего достатка и бюджеты высокого достатка, разработанные для основных социально демографических групп населения. Сравнение с этими социальными стандартами фактических душевых доходов позволяет оценивать доли наиболее нуждающихся, низко-, средне и высокообеспеченных слоёв населения. Данные о социальной структуре российского общества по уровню материальной обеспеченности за 2016 год, полученные во Всероссийском центре уровня жизни, показывают следующее³

Таблица 7

Индикаторы сферы неустойчивости занятости

№	Содержание	Значение 2015 г.
I.	<i>Возможности найти работу</i>	
в т.ч.:		
1.1.	Уровень безработицы (15-72 лет),%	5,6
1.2.	Неформальная занятость (доля неформального сектора в общей занятости),%	20,5
II.	<i>Адекватный заработок и продуктивная занятость</i>	
в т.ч.:		
2.1.	Работающие бедные	10,7
2.2.	Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка),%	27,3
III.	<i>Достойная продолжительность рабочего времени</i>	
в т.ч.:		
3.1.	Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (больше 48 часов в неделю),%-	2.1
3.2.	Доля занятых с недостаточной продолжительностью рабо-	

³ Разработка системы нормативных потребительских бюджетов, адаптированных к условиям рыночной экономики, проводится во Всероссийском центре уровня жизни, начиная с 90-х годов прошлого столетия. На основе системы потребительских бюджетов выделены пять нормативных уровней доходов, а именно: *первый (наиболее низкий) уровень* соответствует бюджету прожиточного минимума, *второй уровень* соответствует социально-приемлемому (восстановительному) потребительскому бюджету, *третий уровень* соответствует потребительскому бюджету среднего достатка, *четвёртый (наиболее высокий) уровень* соответствует потребительскому бюджету высокого достатка. Соотнесение среднедушевых денежных доходов с соответствующими нормативными потребительскими бюджетами позволяет выявлять социальную структуру общества по уровню материальной обеспеченности, оценивать представительство социальных слоёв и социально - экономического неравенство населения по уровню жизни:

№	Содержание	Значение 2015 г.
	чих часов*	
IV.	<i>Труд, который должен быть упразднен</i>	
в т.ч.:		
4.1.	Детский труд (для занятых в возрастной группе 5- 17 лет),%	2,1
V.	<i>Безопасная работа</i>	
в т.ч.:		
5.1.	Уровень производственного травматизма со смертельным исходом (на 100000 работающих),%	6,2
VI	<i>Социальное обеспечение</i>	
в т.ч.:		
	Доля населения, получающая пенсии (трудовые пенсии),%	22,4

*этот индикатор предлагается ввести в статистику

1 группа (с наиболее низким уровнем жизни) со среднедушевыми денежными доходами ниже бюджета прожиточного минимума (ПМ) представляет собой *наиболее нуждающееся население*. Она составляла 13,6% всего населения и выросла по сравнению с 2015 г. (13,3%);

2 группа (с низким уровнем жизни) со среднедушевыми денежными доходами выше бюджета прожиточного минимума, но ниже социально-приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета (ЗПМ) идентифицирует *низко обеспеченное население*⁴. Она составляла 49,5% всего населения (2015 г- 49,7%);

3 группа (с уровнем жизни ниже среднего) со среднедушевыми денежными доходами выше социально-приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета (ЗБПМ), но ниже потребительского бюджета среднего достатка (7БПМ). Она выявляет население, обеспеченное ниже среднего уровня, которое составляло – 29,4% (2015 г- 29,6%);

4 группа (со средним уровнем жизни) со среднедушевыми денежными доходами выше потребительского бюджета среднего достатка (7БПМ), но ниже потребительского бюджета высокого достатка (11

⁴ Прожиточный минимум не позволяет удовлетворять основные минимальные потребности населения. Он представляет такую модель жизни, которая лишает население, имеющие такие доходы, возможности питаться вне дома, пользоваться современными информационно – коммуникационными устройствами (компьютер, интернет, мобильная связь и др.), делать покупки в кредит, иметь небольшие сбережения для непредвиденных расходов. Учёт этих потребностей населения позволил сформировать социально – приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет, который требует доходов в три раза больше, чем прожиточный минимум.

БПМ). В этой группе представлены среднеобеспеченные слои населения, составляющие 5,4% от общей его численности (2015 г.- 5,4%);

5 группа (с высоким уровнем жизни) со среднедушевыми денежными доходами выше потребительского бюджета высокого достатка (11 БПМ). В той группе находится высоко обеспеченное население, составляющее 2.1% (2015 г. – 2,0%)

Из полученных данных вытекает, что наиболее нуждающееся и низко обеспеченные социальные слои составляет, примерно, две трети населения страны. Ещё, примерно, 30% населения относится к промежуточным слоям и, в зависимости от обстоятельств, может пополнить как нижние, так и средние слои населения.

Все это характеризует низкий уровень жизни большинства российского населения и подтверждает, что государственная социальная политика не является эффективной. Доля средне – и высоко обеспеченных социальных слоёв в российском обществе является низкой и составляет менее 10% его общей численности.

Согласно данным Росстата, характеризующим экономическое неравенство, коэффициент Джини и децильный коэффициент фондов по денежным доходам составляли в среднем по Российской Федерации в 2015 году соответственно, 0,412 и 15,6 раза.

Экспертные оценки ВЦУЖ показывают, что при низком представительстве высоко обеспеченных социальных слоёв (2,1%), у них сконцентрирована значительная доля общего объёма доходов (10,1%). В то время как 13,6% наиболее нуждающегося населения располагают лишь 3,1% общего объёма доходов⁵.

Отношение средних доходов в группах с высоким и наиболее низким уровнем жизни (коэффициент, представляющий отношение среднего дохода в группах со среднедушевым доходом более 11 ПМ и менее 1ПМ⁶) в среднем по Российской Федерации был ещё выше и составлял в 2016 году 21,2 раза. Это означает, что экономическое неравенство полярных социальных групп по уровню жизни было в 1,4 раза (примерно, в 1,5 раза) выше, чем оно определено Росстатом через децильный коэффициент фондов. Экономическое неравенство в нашей стране является не просто высоким, а является избыточным как в целом по Российской Федерации, так и в ее регионах, и требует кардинального изменения государственной социальной политики.

Невозможность для широких слоёв населения в условиях широких масштабов неустойчивости занятости планировать и решать долго-

⁵ Экспертные оценки, полученные во ВЦУЖ.

⁶ Введён для оценки экономического неравенства реальных социальных групп Бобковым В.Н.

временные материальные проблемы подтверждается огромными масштабами нерешённости жилищных вопросов. Это выявляется при сравнении фактического обеспечения жилищем с социальными стандартами низкой, средней и высокой жилищной обеспеченности⁷ Ниже представлена следующая группировка российского населения по площади и благоустройству жилища:

1 группа (с наиболее плохими жилищными условиями) – параметры жилищных условий не достигают первого нормативного уровня;

2 группа (с плохими жилищными условиями) – параметры жилищных условий достигают первого нормативного уровня, но не соответствуют второму нормативному уровню;

3 группа (с жилищными условиями ниже средних) – параметры жилищных условий достигают второго нормативного уровня, но не соответствуют третьему нормативному уровню;

4 группа (со средними жилищными условиями) – параметры жилищных условий достигают третьего нормативного уровня, но не соответствуют четвёртому нормативному уровню;

5 группа (с хорошими жилищными условиями) – параметры жилищных условий соответствуют четвёртому нормативному уровню.

Результаты количественного оценивания численности социальных групп российского общества с разным уровнем жилищной обеспеченности в 2015 году являются следующими:

1-ая группа – 33,0% населения; 2-я группа – 28,9%; 3-я группа – 24,8%; 4-ая группа – 11,7%; 5-ая группа – 1,6% населения. Из этого вытекает, что бедность по жилищу в нашей стране является ещё более острой проблемой, чем бедность по текущим денежным доходам. В совокупности два нижних социальных слоя по площади и качеству жилища составляют 58,9% населения страны. Ещё 24,8% населения принадлежат к слоям с жилищной обеспеченностью ниже среднего уровня

⁷ Разработаны во Всероссийском центре уровня жизни. *Первый (наиболее низкий) уровень* – размер общей площади жилого помещения не менее 7 м² на члена домохозяйства, наличие централизованного водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации; *второй уровень* - размер общей площади жилого помещения не менее 18 м² на члена домохозяйства, наличие горячего водоснабжения, централизованного водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации; *третий уровень* - размер общей площади жилого помещения не менее 30 м² на члена домохозяйства, не менее одной комнаты на члена домохозяйства, наличие стационарного телефона, горячего водоснабжения, централизованного водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации; *четвёртый (наиболее высокий) уровень* - размер общей площади жилого помещения не менее 60 м² на члена домохозяйства, не менее одной комнаты на члена домохозяйства, наличие стационарного телефона, горячего водоснабжения, централизованного водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации.

и только 13,3% населения имеют среднюю и хорошую жилищную обеспеченность.

Социально-экономическая структура российского общества, определённая во ВЦУЖ на основе совместного применения нормативных критериев доходов и жилищной обеспеченности, представлена в Таблице 8.

Таблица 8

Социально-экономическая структура российского общества на основе нормативных критериев материальной обеспеченности (2015) г.)

Социально-экономическая группа	Подгруппа на основе соответствия доходов и жилищной обеспеченности нормативным критериям материальной обеспеченности	Доля в общей социально-экономической структуре** (в процентах)	
		Подгруппа	Группа
Группа с наиболее низким уровнем материальной обеспеченности	Нижняя подгруппа: средне-душевые денежные доходы менее бюджета прожиточного минимума; жилищные условия характеризуются как наиболее плохие	6,5	38,0
	Верхняя подгруппа 1: средне-душевые денежные доходы более бюджета прожиточного минимума; жилищные условия характеризуются как наиболее плохие	26,5	
	Верхняя подгруппа 2: средне-душевые денежные доходы менее бюджета прожиточного минимума; жилищные условия характеризуются как плохие, ниже средних, средние, или хорошие	4,9	
Группа с низким уровнем материальной обеспеченности	Нижняя подгруппа: средне-душевые денежные доходы более бюджета прожиточного минимума, но менее социально-приемлемого потребительского бюджета; жилищные условия характеризуются как плохие	21,1	25,4
	Верхняя подгруппа: средне-душевые денежные доходы более социально-приемлемого	4,3	

Социально-экономическая группа	Подгруппа на основе соответствия доходов и жилищной обеспеченности нормативным критериям материальной обеспеченности	Доля в общей социально-экономической структуре** (в процентах)	
		Подгруппа	Группа
	потребительского бюджета; жилищные условия характеризуются как плохие		
Группа с уровнем материальной обеспеченности ниже среднего	Нижняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более бюджета прожиточного минимума, но менее социально-приемлемого потребительского бюджета; жилищные условия характеризуются как ниже средних, средние, или хорошие	27,9	33,4
	Средняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более социально-приемлемого потребительского бюджета, но менее потребительского бюджета среднего достатка; жилищные условия характеризуются как ниже средних	5,3	
	Верхняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более потребительского бюджета среднего достатка; жилищные условия характеризуются как ниже средних	0,2	
Группа со средним уровнем материальной обеспеченности (средние классы по уровню материальной обеспеченности)	Нижняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более социально-приемлемого потребительского бюджета, но менее потребительского бюджета среднего достатка; жилищные условия характеризуются как средние или хорошие	2,8	3,1
	Средняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более потребительского бюджета среднего достатка, но менее потребительского бюджета высокого достатка; жилищные условия характеризуются как средние	0,2	

Социально-экономическая группа	Подгруппа на основе соответствия доходов и жилищной обеспеченности нормативным критериям материальной обеспеченности	Доля в общей социально-экономической структуре** (в процентах)	
		Подгруппа	Группа
	Верхняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более потребительского бюджета высокого достатка; жилищные условия характеризуются как средние	0,1	
Группа с высоким уровнем материальной обеспеченности	Нижняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более потребительского бюджета среднего достатка, но менее потребительского бюджета высокого достатка; жилищные условия характеризуются как хорошие	0,06	0,1
	Верхняя подгруппа: среднедушевые денежные доходы более потребительского бюджета высокого достатка; жилищные условия характеризуются как хорошие	0,06	
Итого			100

Составлена Одинцовой Е.В.

**Рассчитано на основе данных РМЭЗ (24 волна).

Группа с наиболее низким уровнем материальной обеспеченности, которая объединяет тех, чьи среднедушевые денежные доходы и/или жилищные условия не отвечают требованиям нормативных критериев, характеризующих наиболее низкий уровень материальной обеспеченности, составляет в социально-экономической структуре российского общества 38% и является наиболее крупной среди групп, выделенных на основе нормативных критериев доходов и жилищной обеспеченности.

Группа с низким уровнем материальной обеспеченности насчитывает 25,4% в социально-экономической структуре российского общества. Среднедушевые денежные доходы в данной группе варьируют от бюджета прожиточного минимума до социально-приемлемого потребительского бюджета, или превышают данный уровень (доходы характеризуются как низкие, ниже среднего, средние или высокие), при том, что жилищные условия удовлетворяют требованиям только

наиболее низкого (первого) нормативного уровня и характеризуются как плохие.

Группа с уровнем материальной обеспеченности ниже среднего составляет 33,4% в социально-экономической структуре российского общества. Данную группу отличают жилищные условия, характеризующиеся как ниже средних (не достигают третьего нормативного уровня), при среднедушевых денежных доходах выше социально-приемлемого потребительского бюджета (соответствует уровню доходов ниже среднего или выше среднего уровня), а также низкий уровень среднедушевых денежных доходов (от бюджета прожиточного минимума до социально-приемлемого потребительского бюджета) при жилищных условиях, характеризующихся как ниже средних, средние или хорошие.

Наиболее низкое представительство в социально-экономической структуре получили группы со средним и высоким уровнем материальной обеспеченности. Вместе данные группы составляют только 3,2% в структуре российского общества по критериям материальной обеспеченности. При этом группа с высоким уровнем материальной обеспеченности отличается наименьшей долей среди социально-экономических групп и составляет 0,1%. Жилищные условия в данной группе характеризуются как хорошие (соответствуют требованиям четвёртого (наиболее высокого) нормативного уровня), а среднедушевые денежные доходы превышают уровень потребительского бюджета среднего достатка (соответствуют среднему или высокому уровням).

Средние слои в социально-экономической структуре российского общества, определённой по критериям материальной обеспеченности, составили в 2015 г. только 3,1%. В данную группу были включены те домохозяйства, в которых среднедушевые денежные доходы превышают социально-приемлемый потребительский бюджет, а жилищные условия, при этом, являются средними или хорошими. Структурно средние слои, идентифицированные на основе соответствия их материальной обеспеченности нормативным критериям, образуют три подгруппы – нижняя, средняя и верхняя.

Нижняя подгруппа является наиболее крупной внутри средних слоёв (90,3%), а в общей социально-экономической структуре общества она составляет 2,8%. Данную подгруппу характеризуют среднедушевые денежные доходы в диапазоне от социально-приемлемого потребительского бюджета до потребительского бюджета среднего достатка, а также средние или хорошие жилищные условия (отвечают требованиям третьего, или четвёртого (наиболее высокого) нормативного

уровня). Уровень доходов в данной подгруппе характеризуется как ниже среднего, тогда как уровень жилищной обеспеченности соответствует уровню средне- и высоко обеспеченных групп.

Среднюю подгруппу в рамках средних слоёв характеризуют средний уровень жилищной обеспеченности (жилищные условия отвечают требованиям третьего нормативного уровня, но не достигают четвёртого (наиболее высокого) нормативного уровня) при среднедушевых денежных доходах от потребительского бюджета среднего достатка до потребительского бюджета высокого достатка (характеризуется как средний уровень доходов). Жилищные условия и уровень доходов в данной подгруппе соответствуют нормативному уровню, свойственному группам со средним уровнем материальной обеспеченности. Доля рассматриваемой подгруппы в общей социально-экономической структуре общества насчитывает 0,2%, а внутри средних слоёв в целом она составляет 6,4%.

Верхняя подгруппа внутри средних слоёв является самой малочисленной – составляет 3,2% в их общей структуре. Это подгруппа с уровнем доходов, характерным для высокодоходных групп населения (среднедушевые денежные доходы выше потребительского бюджета высокого достатка), и параметрами жилищных условий, не достигающими высокого уровня: жилищные условия, характеризуются как средние, т.е. соответствуют третьему нормативному уровню, но не отвечают требованиям четвёртого (самого высокого) нормативного уровня. В общей социально-экономической структуре общества данная подгруппа насчитывает 0,1%.

Из результатов проведённого анализа вытекает, что социальная структура российского общества по уровню материальной обеспеченности является неблагоприятной и характеризует несправедливое распределение доходов населения в сравнении с системой нормативных потребительских бюджетов и стандартов жилищной обеспеченности. Она выражается в большой доле наиболее нуждающегося и низко обеспеченного населения и очень низкой доле средне и высоко обеспеченного населения.

Такое состояние российского общества по уровню материальной обеспеченности является следствием его капиталистических трансформаций в период первоначального накопления капитала и господства уже сложившейся национальной и транснациональной финансовой олигархии.

Глобальные игроки на рынке труда и капитала, собирающиеся извлечь выгоду и не упустить возможности из ситуаций неустойчивости

занятости и общества, не имеют ограничений. В любое время они могут переместить свою деятельность в связи с открывшимися возможностями и способны выстраивать свой бизнес в самых разных точках мира. Это отличает их от большинства граждан, которые живут, работают и действуют в рамках традиционных национальных институтов.

Незащищённость экономических и социальных прав работников от неустойчивости занятости до сих пор не выдвинута в число приоритетных задач государственной политики. Работникам приходится самостоятельно искать способы экономического и социального выживания в обществе преобладания антагонистических классовых интересов.

Здесь лежит источник неопределённости, преобладающей в современном обществе; большой асимметрии между капиталом, который все более глобализован, и трудом, который, преимущественно, ограничен локальными рамками. Работник привязан к своему окружению, к компании, в которой он работает. Государственные органы обязаны работать и обслуживать свою территорию, в то время как сильные экономические субъекты, имеют гораздо более широкий охват деятельности. По этой причине важно срочно найти правильные решения, направленные на повышение устойчивости управления этими процессами.

С течением времени становится все более и более очевидно, что ключевым подходом к правилам управления является качество системы регулирования, касающееся экономических и социальных отношений (система законов, правил, процедур, договоров, трудовых отношений), способность улучшить качество нормативной системы и адаптировать ее к новым условиям развития.

Говоря о социальных аспектах, мы подразумеваем справедливое распределение ресурсов, включая развитие человеческих ресурсов. Говоря о культурных аспектах, мы имеем в виду когнитивные аспекты людей, их ценности, установки, отношения.

В частности, политика устойчивого развития должна жёстко решать проблемы, такие, как чрезмерная фрагментарность рынка труда и широко распространённая социальная незащищённость, которые представляют истинную угрозу для всего общества в целом. Все это необходимо, чтобы остановить «неустойчивое» развитие, которое продолжалось долгое время, принимая в расчёт проблемы с экономическими показателями (уничтожение человеческих и материальных ресурсов), социальной сплочённостью (увеличение напряжённости между социальными группами), отношениями между гражданами и институтами (отрыв граждан от политики и демократической жизни).

Положительный сдвиг возможен только путём ликвидации характерных связей между процессами производства и распределения богатства. Настоящим вызовом господствующей современной экономической и политической культуре является признание экономической ценности социальных действий. Система социального обеспечения должна представлять собой не просто расходы на общество, но являться основным фактором производства, повышения качества развития и его составляющих, как с точки зрения человека, так и с точки зрения материальных благ.

В этом заключается настоятельная необходимость большой коррекции: в восстановлении основной идеи общего блага, в организации системы управления, которая направлена на содействие развитию сотрудничества, а не на конфронтацию между основными государственными и частными субъектами развития, в связи экономических и социальных преимуществ, в построении более сбалансированных отношений между государственными и частными потребителями. Другими словами, нужен более качественный, а не количественный рост.

Государство должно гарантировать своему обществу устойчивый рост, то есть, рост стабильный, сбалансированный, продолжительный. Для достижения этой цели, оно не должно избегать необходимости уменьшить феномен трудовой и социальной незащищённости, который, по своей природе, скорее всего, может быть причиной разрыва любого консолидированного баланса.

Инструменты сокращения сферы неустойчивости занятости и общества лежат в плоскости использования современных достижений научно – технического прогресса, позволяющих трансформировать общественные отношения в сфере труда в направлении расширения сферы достойного труда, а в деятельности государства и общественных институтов в направлении противодействия давлению капитала на труд, противодействию капиталистической глобализации станаовых обществ.

Национально и социально ориентированная модель экономики как альтернатива деструктивному паразитизму

Болдырев Юрий Юрьевич

НАЦИОНАЛЬНО И СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ДЕСТРУКТИВ- НОМУ ПАРАЗИТИЗМУ⁸

Уважаемый участники, наша Конференция посвящена отношениям солидарности и конфронтации в экономике. И предшествующий моему выступлению доклад о периоде «военного коммунизма»⁹ в революционной России трактуется как пример попытки реализации абсолютно солидарной модели в условиях катастрофической нехватки ресурсов.

Продолжу эту линию – на тему об инструментах экономической политики универсальных и инструментах, имеющих чёткое место, время и основания для применения.

Уже почти два десятка лет назад, точнее, в 1999-м году, довелось мне выступать перед студентами экономического факультета Санкт-Петербургского университета. Времена были с точки зрения идеологии – все ещё воинствующе либеральные. И чувствуется, что нет контакта, студентам что-то не нравится. Затем один, посмелее, задаёт вопрос: «Юрий Юрьевич, так Вы скажите прямо, Вы за рыночную модель экономики или за мобилизационную?».

И контекст понятен: скажешь, что за рыночную – свой, «продвинутый», можно еще попытаться послушать, хотя пока говорит что-то явно не то. Если же за мобилизационную – то что его вообще «ортодокса» слушать... И что в такой ситуации сказать ребятам?

Прошу их проголосовать: кто за рыночную? Все.

А кто за мобилизационную? Никого.

И тогда говорю: «Так я за то, чтобы не получилось у нас так, что хотят все жить – в экономике рыночной, но вынуждены окажутся жить – в мобилизационной».

В результате, все призадумались, и контакт возник.

История представляется мне важной. Не случайно еще в 2003-м году я вынес ее в пред-предисловие к своей первой книге «О бочках

⁸ Текст представлен в авторской редакции.

⁹ См. статью Р.М. Нуреева.

меда и ложках дегтя». Сегодня, спустя полтора десятка лет, в обществе все больше понимания, что каждому инструменту экономической политики – свое место и время. Жить в тотально мобилизационной экономике – не очень комфортно. Так надо стараться до этого и не доводить. Но для этого элементы мобилизации, в том или ином необходимом объеме, должны включаться в сегодняшнюю модель экономики. Сегодня это можно и нужно делать добровольно и частично. В противном случае завтра будем делать уже вынужденно и тотально.

На что же нам нужна мобилизация? На целенаправленное развитие и против разрушающего экономику и общество паразитизма.

Итак, начнём с паразитизма. Несколько примеров.

Ещё в 1990-е годы мне в Счётной палате пришлось заниматься вопросом об эффективности страхования военнослужащих через Военно-страховую компанию. Была проведена работа, аудитор представил на Коллегию отчёт, где сравнивал страхование через эту компанию со страхованием через компании другие. Но на заседании мне пришлось ставить вопрос шире – о неуместности вообще вставлять – не только эту конкретную, но и любую иную частную компанию как, уж извините, элементарную чисто паразитическую «прокладку» между истинным страховщиком – государством и получателем страховой выплаты – пострадавшим от чего-либо военнослужащим. Такая псевдо рыночная «прокладка» ничем не рискует – просто перекладывает государственные деньги из одного кармана в другой, но откусывает от общего ресурса свой немалый кусок.

Прошло время и такая паразитическая система распространена на все здравоохранение, в частности, на систему обязательного медицинского страхования. Ведь единственным истинным страховщиком в системе ОМС является государство. Но государственные деньги искусственно пропускаются через систему псевдо рыночных «прокладок» – частных страховых компаний. Эти «прокладки» ничем не рискуют, но прокручивают государственные деньги, откусывают от них свой кусок.

Сейчас мы говорим только о примерах паразитизма. Подробнее о его деструктивной роли я скажу позже. Но сейчас нельзя не обратить внимание: эти совершенно искусственно внедрённые в систему здравоохранения паразиты – большие специалисты в области организации народного здравоохранения – еще и ...командуют поликлиниками и больницами. В частности, диктуют им, какие анализы и процедуры лишние и даже штрафуют за «необоснованные» назначения...

Аналогичный пример – вся наша система ЖКХ. Выстроена система изначально была как централизованная локальная монополия. Так и

надлежит в этой ситуации государству и местному самоуправлению строго регулировать эти локальные монополии. Вместо этого в систему умудрились вставить те же псевдо рыночные «прокладки» – частные управляющие компании. Чем эти компании отличаются от муниципальных властей? Исключительно возможностью в данном случае абсолютно неуместной так называемой «коммерческой тайны» и пониженной социальной ответственностью. Они и официально называются обществами с ОГРАНИЧЕННОЙ ответственностью. Ответственностью за что? За наше жизнеобеспечение – бесконечно, НЕ ограничено для нас ценное.

Следующий пример – тоже преемственности, однако в чём? В ориентировании и нацеливании всего государственного механизма на мошенничество и паразитизм?!

Итак, в «лихие» 90-е проводили мы в Счетной палате экспертизу (непосредственно мне пришлось это организовывать, и моя подпись стоит под итоговым документом) заключенного Правительством договора о передаче госпакета акций «Газпрома» в доверительное управление.

Прежде всего, по Конституции правительство управляет федеральной собственностью. Не организует управление – тогда можно было бы управление законно и кому-то передать, а непосредственно управляет. Очевидное нарушение требований даже не закона, но Конституции.

Но далее: кому передали в управление? Кому бы вы думали? Самому «Газпрому». То есть, менеджмент «Газпрома» сам управляет, а затем еще и от имени главного акционера – государства проверяет, честно ли и добросовестно ли он управлял. И за эту страшно обременительную работу по осуществлению от имени государства такого «самоконтроля» Газпрому еще и отчислялись немалые деньги от прибыли, приходящейся на госпакет акций, то есть, фактически, из федерального бюджета. Занимались таким «госуправлением», правда, совсем не в пользу государства, ныне покойный Б.Немцов и тогдашний его подчиненный, ныне здравствующий С.Кириенко – именно его подпись стоит под договором. Эта история подробно описана в моей книге «О бочках меда и ложках дегтя» (М., Крымский мост-9Д, 2003).

И вот «лихие» 90-е позади, а «прогресс» ведь не стоит на месте? Успешную (мошенническую по своей сути, но оставшуюся безнаказанной) систему чуть модернизировали и распространили на еще большие масштабы.

Так считается, что в руках государства у нас после последнего (осенью 2016 года) акта приватизации остается чуть более 50% акций «Роснефти».

А на самом деле? Смотрим в реестр и видим, что в руках у государства лишь 0,0...01% акций. А где остальные?

С учетом предыдущего примера из «лихих 90-х», мы видим, что теперь пошли хитрее. Не передают антиконституционно федеральную собственность в доверительное управление, но передают ее вообще в собственность другому субъекту. Те акции «Роснефти», которые у нас считаются принадлежащими России, юридически теперь принадлежат компании «Роснефтегаз». И лишь уже акции «Роснефтегаза» принадлежат России.

Однако зачем такие сложности?

Поясню на еще одном примере из «лихих 90-х».

В 1998-м году мы (тогдашняя, еще независимая от Президента Счетная палата) установили, что одно сравнительно небольшое совместное предприятие «Вьетсовпетро» – по добыче нефти у берегов Вьетнама – дает прибыли в федеральный бюджет больше, чем вся остальная федеральная собственность вместе взятая. Но как так может быть, почему?

Разгадка оказалась простой. Вьетнамская сторона не соглашалась ни приватизировать доли сторон, ни прятать прибыль. Российским властям лишь на этом совместном предприятии категорически просто не удавалось увести прибыль налево или хотя бы временно ее как-то скрыть, припрятать. И потому она прямоком оказалась в нашем федеральном бюджете.

Возвращаемся к современной «Роснефти».

Если бы 50% акций «Роснефти», как до сих пор и думают наивные и доверяющие своей власти граждане России, юридически принадлежали России, то дивиденды на госпакет акций шли бы автоматически куда? В федеральный бюджет. Не платить дивиденды невозможно – там ведь 19,5% акций принадлежат «Бритиш Петролеум», а еще 19,5% – консорциуму компании «Гленкор» и катарского суверенного фонда. То есть, если бы не включение между «Роснефтью» и федеральным бюджетом в качестве «прокладки» компании «Роснефтегаз», все дивиденды, причитающиеся на госпакет акций, шли бы автоматически в федеральный бюджет.

Теперь же эти дивиденды идут куда? Этой самой «прокладке» – «Роснефтегазу», которая, будучи, к тому же компанией уже не настолько открытой (ее акции не котируются на бирже, и потому отчетность нам не видна), затем сама решает, что показать, как уже свою итоговую прибыль. А также какую часть прибыли направить на дивиденды по акциям, то есть, перечислить в федеральный бюджет.

«Роснефтегаз» – не добывает нефть и газ. Это пример фантастически масштабной чисто паразитической «прокладки» между исполнительной властью и бюджетом – с одной стороны, и стратегической федеральной собственностью России – со стороны другой.

И вот теперь еще один важный акцент, стопроцентно роднящий описываемую ситуацию с «лихими 90-ми», демонстрирующий полную преемственность. Формально это уже, конечно, не та ситуация, когда по поручению правительства «Газпром» управлял госпакетом акций самого «Газпрома». Нет, госпакетом акций «Роснефти» теперь руководит формально иной субъект – «Роснефтегаз».

Но вот вопрос: а кто же руководит «Роснефтегазом»?

А руководит «Роснефтегазом» тот же самый человек, что и руководит «Роснефтью».

То есть, надо понимать, до обеда он тщательно и добросовестно, в интересах акционеров, прежде всего, главного собственника – России, руководит «Роснефтью». А после обеда уже от имени России столь же тщательно контролирует, был ли он до обеда исчерпывающе добросовестен.

Можно ли назвать подобную схему минимально цивилизованной и элементарно добросовестной?

И вот теперь обращаю внимание на принципиальную деструктивность выстроенной паразитической модели.

Если даются такие фантастические возможности уводить государственные ресурсы «налево», мимо бюджета, то надо понимать: какую часть рабочего времени руководитель будет тратить на решение вопросов развития производства и его совершенствования, а какую – на увеличение объема ресурсов, уводимых, так или иначе, мимо бюджета?

Ответ, полагаю, очевиден.

Следующий вопрос и масштабный пример.

В своем последнем послании Федеральному Собранию Президент страны нас сильно порадовал. Он сообщил, что совокупная прибыль банковской системы в прошедшем 2016 году составила около 500 млрд. долларов – в четыре раза больше, чем в прошлом году. Но вот можно ли называть как достижение лишь один этот показатель, не называя сразу параллельно никакого иного? Какой показатель в созидательной экономике, если бы речь шла о ней, должен был бы быть впереди? Наверное, сначала – совокупная прибыль реального сектора экономики. И лишь затем – его банковско-финансового обеспечения.

А сколько, какую часть прибыли реального сектора экономики, мы полагаем, было бы справедливо дать и учетчикам, нормировщикам, табельщикам, бухгалтерам? Наверное, процентов 5, не больше?

У нас же все наоборот: у банковско-финансовой инфраструктуры реальной экономики (как бы это должно было определяться) – 500 млрд. руб. прибыли. У совокупного же реального сектора экономики, есть основания полагать, суммарная прибыль стремится к нулю. Во всяком случае, этот показатель Президент не озвучивает – ни с гордостью, ни с печалью. Видимо, не считает существенным...

Важный вопрос: является ли сложившаяся абсурдная ситуация следствием естественной игры стихийных рыночных сил, действия «невидимой руки рынка»?

Ответ: ни в коей мере.

Как человек, непосредственно участвовавший в процессе с 1989 по начало 2001-го года, в том числе, непосредственно моей рукой в 1995-м году писались замечания Совета Федерации на отклоненный тогда нами закон о Центральном банке...

Напомню: первый, выборный Совет Федерации еще тогда, 22 года назад, выступал против этой нынешней антинациональной финансово-банковской системы, оказывающейся на проверку не «кровеносной системой экономики», но механизмом ее удушения, высасывания из реального сектора экономики всех соков и их перенаправления за рубеж или криминального перераспределения между «своими».

...Так вот, как участник событий, свидетельствую: ситуация сверхблагоприятствования финансово-спекулятивному сектору и удушения сектора реального – была создана и ныне поддерживается сугубо искусственно и целенаправленно. Ни о какой «невидимой руки рынка» здесь говорить не приходится.

В принципе, нужно хорошо понимать, что о недопустимости «дирижизма», а также о «невидимой руке рынка», которая заменит собой целенаправленное государственное регулирование, более всего любят говорить те, кто заинтересовано регулировать сам, в своих интересах, но не публично, а скрытно, списывая неблагоприятный для общества результат на некие естественные стихийные силы и неумолимые рыночные законы.

Привожу пример. 1998-й год. Только произошел дефолт. Чрезвычайное совместное заседание: представители Правительства, Центробанка, Счетной палаты, Думы, Совета Федерации. По очереди вносятся предложения, что делать, а затем представители сторон комментируют. Я, как представитель Счетной палаты, вношу свое предложение: немедленно создать гарантированную государством, отдельную от коммерческой банковской системы, систему проведения платежей. И тем самым отделить ныне рухнувшую вместе с банковской системой

систему проведения платежей (которая должна быть абсолютно гарантированной) от всего, что связано с кредитными рисками. Люди, которые платят за ЖКХ, предприятия, которые оплачивают оборудование и комплектующие и выплачивают зарплату и т.п. (то есть, обеспечение производственного процесса), должны быть независимы от рискованной политики тех или иных банков.

Но какова была реакция представителей Правительства?

Представитель Правительства, замминистра финансов Владимир Петров, когда его попросили прокомментировать, ответил, что он вообще не понимает, о чем речь.

Понятно: невозможно в таких головах уложить, что проведение платежей в созидательной экономике должно быть – отдельно, а ростовщичество, даже если оно и допускается, то – уж точно отдельно.

По иронии судьбы на следующий день сообщили, что этого «непонимающего», как проведение платежей может быть отдельно от ростовщичества, заместителя министра финансов арестовали за взятки.

Правда, дело, в конце концов, до надлежащего завершения не довели – замяли.

Возвращаясь к финансово-кредитной и банковской системе.

Центральный банк в нашей стране реализует какую функцию?

Услугу, которую он сам придумал и предлагает, но от которой мы с вами можем и отказаться?

Или же ЦБ реализует базисную функцию государства?

Денежная эмиссия, регулирование денежного обращения, кредитно-денежное регулирование – базисные функции государства. Не я так считаю, но Конституция относит эти вопросы к ведению Российской Федерации.

А возможно ли допускать, чтобы базисные функции государства осуществлял кто-либо иной, нежели органы государственной власти?

Нельзя.

У нас есть Основы конституционного строя – первые главы Конституции. Соответственно, все остальное должно строго соответствовать этим базисным положениям, включая разделение властей.

Применительно к Центральному банку страны хитрые формулировки о том, что это некий субъект с особым статусом и т.п. – это все попытки не мытьем, так катанием создать субъект, реализующий функции государства, но не являющийся при этом ответственным органом государственной власти, вписанным в систему разделения властей – подконтрольным, подотчетным, наказуемым.

Какой при таком подходе можно получить результат?

Исключительно паразитический.

И пример: в 1998 году мы (тогдашняя Счетная палата) установили, что в 1997-м году Центральный банк потратил государственных средств на свое собственное само обеспечение больше, чем вся остальная система государственного управления вместе взятая.

При этом, просто сравните объем и масштаб полномочий и численность сотрудников в Центральном банке и во всей остальной системе государственного управления.

Можно ли подобную, скажем мягко, диспропорцию, трактовать иначе, кроме как возведение в культ государственной политики поощрение паразитизма?

И теперь конструктивная часть.

Важны не отдельные высказанные кем бы то ни было предложения, по изменению этой ситуации и оздоровлению нашего экономического пространства, а, значит, и морального состояния. Важно, что существует альтернативная нынешнему курсу интеллектуальная и организационная среда.

Возникла эта среда как более или менее уже консолидированная, в 2012-м году – из организации «Стоп ВТО». Мы пытались противостоять сдаче страны на крайне неприемлемых условиях, в том числе, по сравнению с условиями для Китая, глобальному транснациональному капиталу. Мы пытались организовать даже референдум по этому вопросу – ведь налицо отказ от полноты суверенитета России по тем вопросам, которые Конституцией прямо отнесены к ведению Российской Федерации. Но под надуманными и неуместными предлогами его запретили. Это уже хорошо известная и подробно описанная история. Множество материалов на эту тему, в том числе, мои статьи, легко найти в сети.

Так вот, в 2013-м году на базе МГУ им. М.В. Ломоносова был организован первый Московский экономический форум – как альтернатива Петербургскому, гайдаровскому и другим форумам с преимущественно финансово-спекулятивной и колониально-сырьевой ориентацией. Наш форум – форум возрождения реального высокотехнологичного производительного сектора экономики. Проводится на основе единства науки вузовской, науки академической и реального сектора экономики.

В этом году (в 2017г.) пройдет юбилейный – уже пятый Форум. Это будет 30-31 марта в Шуваловском корпусе МГУ. Зарегистрироваться надо заранее – на сайте МЭФ.

Важно подчеркнуть: нас постоянно стараются ввести в заблуждение, мол, альтернативы-то нет.

Но альтернатива, безусловно, есть. На протяжении пяти форумов вырабатывается эта самая альтернативная программа.

Перечисляя всего несколько ключевых пунктов этой программы.

1. Отношение к ВТО. В современном мире, где уже даже США все больше осознают, что по прежним, ими же ранее продиктованным миру правилам свободной торговли, теперь уже Китай скоро и США придушит, и, соответственно, где США все более вводят те или иные механизмы ограничения этой свободы торговли и защиты собственного производителя, категорически недопустимо России остаться последней жертвой, святее Папы римского приверженной прежним, изначально для нас крайне невыгодным заклинаниям. Тем более, что и изначально, с нашей точки зрения, присоединение России к этой организации было ошибкой или даже преступлением. Россия должна решительно разорвать с ВТО и создавать собственные механизмы защиты своего внутреннего и регионального (в рамках ЕврАзЭС и т.п.) рынков. Одновременно, не допуская паразитирования на протекции. Должны приниматься долгосрочные – на 15-20 лет – программы защиты внутреннего рынка, с поэтапным на перспективу снижением уровня этой защиты и пресечением всякой возможности паразитирования на любой монополии. Основание для выхода – может быть, в том числе, признание ненадлежащей процедуры решения этого вопроса. Ведь международный договор России – это документ, оформленный аутентично, в том числе, на русском языке. В данном случае основные документы, определяющие существенные условия присоединения, вообще даже не были официально переведены на русский язык.

2. Центральный банк – нормальный орган государственной власти, полностью подконтрольный и подотчетный, а должностные лица – наказуемые, с четким и ясным целеполаганием в интересах развития реального сектора экономики, а не финансовых спекуляций. И – это уже лично моя точка зрения – дело не просто в понижении процентной ставки, но в том, чтобы во главе Центробанка стояли заказчики необходимой нам политики – не финансисты, но представители реального сектора экономики. И вся банковская система – не душитель реального сектора, а инфраструктура для работы реального производства.

3. Налоги. Если совсем кратко, то перенос центра тяжести с налогов на производителей на обложение личных доходов и, главное, сверхдоходов и сверхпотребления. То есть, производитель в реальном секторе должен платить меньше, чем сейчас; низко- и среднедоходные группы населения также не должны пострадать, но особо высокодо-

ходные должны поделиться с обществом – как это и делается во всем развитом мире.

Это, разумеется, не все, а лишь самая минимальная основа. Далее, разумеется, пресечение нынешней «оптимизации» здравоохранения и образования, надлежащее финансирование и сохранение самоуправляемой 300-летней Российской Академии наук и многое другое в деталях.

Подчёркиваю... Сейчас мы не говорим о том, что нужно менять в системе государственного управления, государственного устройства, в системе ответственности власти и т.п. – это отдельные вопросы. Сейчас лишь о том, что альтернатива нынешнему социально-экономическому курсу есть, причем, уже достаточно проработанная. Нет лишь политической воли к реализации.

Что же касается госуправления и даже государственно-политического устройства – это тоже обсуждается, в том числе, на МЭФ. И здесь альтернативные варианты уже достаточно глубоко проработаны. Ведь без этого все наши рассуждения были бы оторваны от реальности и идеалистичны.

Главное. В современных жестко конкурентных условиях в глобальном мире, если мы не найдем способ пресечь дальнейшую деградацию на основе нынешней деструктивно-паразитической социально-экономической системы и не выстроим антипаразитическую солидарную модель созидательной экономики, то мы проиграем навсегда, и нашу землю заселят другие. Этого мы должны не допустить.

**Философия развития России
в контексте системных ограничений**

Губанов Сергей Семёнович¹⁰

**ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ**

Уважаемые коллеги, хотелось бы перейти к проблематике дня сегодняшнего. Вы знаете, что сейчас у нас началась очередная гонка стратегий и программ. Все мы чувствуем, что наша страна находится на поворотном этапе. Россия и впрямь переживает поворотный момент. Естественно, принципиальный вопрос состоит в том, от чего к чему должен быть предстоящий поворот, в чем он, собственно, будет заключаться и какие сферы общества охватит. Охватит ли он только технологии, охватит ли он экономическую систему, или же он охватит вообще все общественное устройство страны?

На наш взгляд, несмотря на вкрапления так называемых очагов развития, страна придавлена отсталостью, обусловленной деиндустриализацией, системными ограничениями, зачастую ложно отождествляемыми со структурными, и системным кризисом. Надо сказать, отечественной истории известны многочисленные интервалы и полосы, когда складывался набор гремучей смеси, в котором передовое беспрецедентно перемешано с отсталым, вследствие чего весьма трудно было разобраться, какое место занимает страна в мировом хозяйстве и по исторической шкале социально-экономического развития. Нередко уже случалось, что Россия имела ростки передового и зачатки будущего, но в то же время – и мертвящие основы настоящего.

К аналогичного рода периодам и относится постсоветский. Действительно, статистические данные, которые мы рассматривали здесь по технологическим укладам, подтверждают факт промежуточного положения нашей страны – ее положения между высшей и низшей стадиями современного развития. Можно привести и другие критерии, скажем, со ссылкой на динамику и удельное число машинных работников. В наших публикациях неоднократно приводились также доля и место России по оснащенности роботами в расчете на 10 тысяч работников (2 против 350-440 у лидеров). Все эти данные согласованно показывают, что Россия находится ныне между высшим и низшим, а

¹⁰ Текст представлен в авторской редакции.

именно – между странами, которые принадлежат к высшей группе, и теми странами, которые находятся далеко позади.

В общем, пореформенная Россия стоит выше низшего и ниже высшего. Такое незавидное положение стало результатом постсоветских реформ, а если говорить со всей прямоотой, то попросту и банально антисоветских реформ. Поэтому, кстати, хотелось бы поддержать тезис коллеги, который выступал передо мной, что искать какой-либо либерализм в постсоветских реформах, по сути диктаторских, может только тот, кто чрезвычайно далек от реальности, или же тот, кто дает пленить себя какими-то чудовищно абсурдными догмами. Нельзя отворачиваться от реалий. Напротив, следует исходить из реалий и их научного осмысления.

Наука занимается не идеологией и отправляется не от идеологии, поскольку имеет строго определенный предмет. Это идеология должна соотноситься с наукой, если не хочет быть идеологией обмана общества. Ученые обязаны прежде всего скрупулезно анализировать социальную действительность во всей полноте присущих ей противоречий, законов, закономерностей, и лишь при обобщении результатов анализа реальной действительности следует смотреть на то, какая методология более адекватна для получения объективных и точных оценок и выводов.

У многих экспертов пока получается в основном наоборот. Но так бывает всегда, когда возникает межумочное положение: в условиях неопределенности и необходимости выбора пути поначалу, как правило, чаще всего мелькают идеологические ярлыки и штампы. Именно такую ситуацию приходится наблюдать в нынешнем процессе стратегирования и программирования.

Фиксируемая повальная подмена науки апологетической идеологией в общем-то обычна перед электоральным циклом, перед президентскими выборами. Понятно само собой, отчего размахивают идеологическими догмами множественные властные кланы и фракции: приближением выборной кампании дан старт перераспределению лоббистских сфер влияния – отсюда и бездумная программно-идеологическая суэта.

Но времена изменились. В последние годы системный кризис вошел в финальную фазу, о чем свидетельствует автономная рецессия. Апологетической идеологией его не преодолеть. Напротив, она только усугубляет и накаляет его проявления. Выход из него способна дать только прогрессивная социально-экономическая система, а переход к

ней требует научно выверенного определения стратегических координат, характера, целей и движущих сил развития.

В подтверждение такой постановки уместно сослаться на наш недавний опыт. У нас, напомним, отнюдь не первый электоральный цикл в постсоветский период, мы уже не раз переживали подобную программную лихорадку. И чем она всякий раз оканчивалась?

Впрочем, вопрос даже не в том, чем закончилось предыдущее стратегическое творчество, предпринятое в угоду олигархической идеологии. Мы хорошо знаем, что «Стратегия-2020», включая и первый ее вариант, и обновленный – оказалась совершенно мертворожденным документом, абсолютной пустышкой. Причем тысячи ученых, приняв всерьез дело обновления, искренне вносили свои знания и данные анализа, свои положения и предложения. Однако в окончательные два тома «Стратегии-2020» ничего дельного не вошло. Ничего. Почему? Потому что дельное разошлось с олигархически-компрадорской идеологией тех, кто возглавлял экспертные группы и руководил ими.

То же самое повторяется теперь. Вновь все ожидания связываются со стратегией развития страны. Правда, монополии на стратегию у ретролибералов сейчас уже вроде как нет. Представители сырьевого, компрадорского капитала утратили ее: открыто оппонировать им взялись представители промышленного капитала, в основном пока малого и среднего. Противоречие между компрадорским капиталом, отстаивающим модель офшоризации национального богатства, и промышленным капиталом, так или иначе заинтересованным в новой индустриализации, отчетливо вышло наружу, стало быть, и в плоскости стратегического видения перспективы развития нашей страны.

Единство теории и стратегии общественного развития видится критерием, обязательным для всех, кто берется за определение пути и способа социально-экономического подъема нашей страны. Однако, к сожалению, указанному принципиальному критерию не удовлетворяют не только ретролибералы, о чем надо сказать без обиняков.

Со стороны промышленного капитала, в частности, в инициативном порядке к работе над стратегией подключился «Столыпинский клуб», сумевший заполучить президентское поручение. И если посмотреть, в числе разработчиков там представлены очень серьезные фигуры – уважаемые и почтенные специалисты. Но, спрашивается, а каков итоговый результат? И чем он отличается от предыдущих, заведомо бесплодных?

Недавно обнародована завершающая версия «Стратегии роста», предлагаемой «Столыпинским клубом». Позволителен простой вопрос,

такой же вопрос, какой адресовался ранее составителям обоих вариантов «Стратегии-2020» – и первого, и второго, обновленного: на основе какой научной парадигмы вы выстраиваете работу над стратегией? Покажите научную парадигму, укажите выявленные закономерности современного социально-экономического развития. В чем и где ключевые закономерности?

Можно сколько угодно говорить, что все мелькает с калейдоскопической быстротой и все стремительно меняется, но стратегии-то выстраиваются с учетом объективных закономерностей и законов, которые отнюдь не мелькают со сверхвысокой частотой и молниеносной быстротой. Что бы и как бы ни крутилось вокруг, но, к примеру, закон технического строения промышленного капитала и его повышения в период кризисов или во время структурного прогресса действует, равно как и масса других экономических законов современности, включая закон вертикальной интеграции, или закон «экономики ТНК».

Так покажите, на основе каких экономических законов вы беретесь выработать стратегию развития страны. Что покажут нам деятели «Столыпинского клуба»? Ничего, никакого научного анализа и никакой научной парадигмы. И что из научно обоснованного покажет группа А. Кудрина? Тоже ничего. А что покажут эксперты, которые занимаются правительственным планом стимулирования экономического роста: какую научную парадигму они взяли за основу? На каких экономических законах собираются базироваться? Да нет у правительственных идеологов ничего, ни грана адекватных представлений о текущих кризисных реалиях. Ничем, кроме идеологической пустышки, они не располагают. Извините, но у правительства тривиально нет объективного анализа ни того, что происходит сейчас в народном хозяйстве, ни тем более того, почему это происходит.

Между тем, в отечественной литературе данные вопросы исчерпывающе освещены. И мало того – автономная рецессия, которую уже годы переживает наша страна и открытая фаза которой, судя по всему, подходит к концу в связи с повышением нефтяных цен в 2016 году почти в два раза, с 30 до 57 долларов за баррель, стала первой рецессией, которая была предсказана заранее – за два года вперед. В подтверждение правомерно сослаться на публикацию в журнале «Экономист» в первом, январском номере за 2012 год. Статья называется «Вероятна ли мировая рецессия-2012?». Там четко сказано, что второй волны мировой рецессии в 2012 году точно не будет, а вот России, наоборот, «светит» автономная рецессия (без рецессии в странах «большой семерки»), и причем более серьезная, чем в 2008 году. Спустя два года

так и произошло. Притом автономная рецессия не преодолена до сих пор.

Как видим, в стране хватает ученых и специалистов, которые владеют верным, научным, причинно-следственным анализом того, что и почему происходит в отечественном хозяйстве. Но не из такого анализа исходят, увы, правительственные и неправительственные разработчики разномастных стратегий и программ.

Как известно, 30-31 марта состоится очередной Московский экономический форум, его устроители выносят на обсуждение аудитории и общественное одобрение проект своей «Стратегии-2025». Спрашивается: а здесь-то какая научная парадигма, на какую магистраль развития нас зовут? Куда мы должны идти и почему? Увы, ни малейшего представления о базисных закономерностях и движущих силах современности здесь тоже нет.

Так что, неужели у нас доньше нет научной парадигмы современного развития? Это не так. Ее не было 15 лет назад, ее не было в период реформ 1990-х годов. Да, следует прямо признать, что в России не было тогда готовой парадигмы развития страны. Но сейчас уже 2017-й год. И надо ответственно сказать, что парадигма развития у России теперь есть, притом парадигма строго научная. Она называется «неоиндустриальная парадигма развития». Если по сути, то это парадигма новой индустриализации – цифровой, наукоемкой и технотронной. Она основана на диалектическом представлении о том, что такое исторический процесс индустриализации, каковы его фазы, законы и тенденции.

Здесь не место детально вдаваться в споры, которые мы ведем с коллегами и в университетских, и в академических центрах страны. Приведем только один показательный пример, причем не станем называть фамилии весьма уважаемых коллег, с которыми, однако, по данному фундаментальному пункту категорически нельзя согласиться. Они считают, что индустриализация сводится к замене ручного труда машинным. Подчеркнем еще раз: ручного труда – машинным. На первый взгляд, в такого рода интерпретации все корректно, таким образом и думали сто лет назад. Но сегодня найти засилье ручного труда все-таки уже сложно. По крайней мере, нельзя сказать, чтобы господствовал ручной труд, даже в нашей экономике, до основания подорванной деиндустриализацией. Как-никак наша экономика остается индустриально-добывающей, а не просто добывающей. Все-таки мы добываем нефть, газ и остальные ресурсы, которые с 1990-х гг. работают на обогащение олигархов, не голыми руками, а с помощью машин.

И что получается при трактовке индустриализации, как замены ручного труда машинным? Поскольку преобладания ручного труда у нас нет, значит индустриализация нам не нужна и ей конец.

Внешне все выглядит вроде бы логично, философски как будто и не подкопаться. На самом же деле перед нами давно устаревшая догма, основанная на абсолютно неверном критерии – на критерии, выработанном в то стародавнее время, когда еще вообще не было электрификации. Тогда только и можно было довольствоваться представлением, будто индустриализация состоит в замене ручного труда машинным. Современный же индустриальный прогресс заключается в совершенно другом. Сегодняшняя индустриализация, инновационная и высокотехнологичная, означает замещение трудоемкого машиноемким и наукоемким. Что это значит? Что один машинный труд заменяется другим, качественно более высоким и передовым.

Знаем ли мы соответствующие тому реальные примеры? Знаем, они у нас на глазах. Так, один обрабатывающий центр заменяет семь универсальных станков. Советский Союз гордился тем, что выпускал в год 220 тыс. универсальных станков, а в условиях второй, технотронной фазы индустриализации, оказывается, уже не надо выпускать их в таком количестве. Вместе с прогрессом вступает в силу диалектика развития, когда количество переходит в качество, и один обрабатывающий центр заменяет семь универсальных станков. Стало быть, вместо 220 тыс. старых станков достаточно около 30 тыс. обрабатывающих центров. Но это значит, что уже не ручной труд меняется машинным, а старый машинный труд заменяется качественно новым, технически более передовым. В таком случае происходит вступление уже в другую фазу индустриализации. Еще пример: в экономике США, по нашим расчетам согласно данным на конец 1990-х гг., одно технотронное или роботизированное рабочее место было эквивалентно пяти электромеханическим.

Замена одного вида машинного труда другим, качественно более высоким, и составляет процесс новой индустриализации – наукоемкой и технотронной. Соответственно, исторический ход индустриализации, как и прогресса в целом, следует рассматривать диалектически, в движении, в переходах от низшего к высшему, от первой фазы ко второй и далее. Первой фазой индустриализации выступила электрификация производительных сил, второй фазой становится их полная автоматизация, с подъемом на технотронный уровень развития.

Можно ли сразу перейти ко второй, технотронной фазе индустриализации, минуя первую? Нет, нельзя, ибо прежде чем автоматизи-

ровать рабочие места, их необходимо электрифицировать. Автоматизации обязательно предшествует электрификация, а значит и переход от ручного труда к машинному. Перед нами две взаимосвязанных фазы одного и того же феномена – индустриального прогресса.

Очевидно, что критерий замены ручного труда машинным справедлив лишь для первой, предыдущей фазы индустриализации, но не применим для второй, цифровой и технотронной.

Нет смысла долго множить аналогичные примеры, поскольку критерий содержательной идентификации новой, цифровой и технотронной индустриализации довольно ясен. При диалектическом взгляде исторический процесс индустриализации насчитывает не одну, как считалось ранее, а ряд этапов, стадий или фаз. Первая фаза, о чем уже сказано, предполагает электрификацию производительных сил, вторая – их автоматизацию и компьютеризацию. Исходя из закономерности движения от низшего к высшему, разговоры о конце индустриализации, о конце индустриального общества попросту беспредметны.

Пресловутая «постиндустриальная» утопия, замешанная на троцкистской идеологии и с легкой руки Л.И. Абалкина прижившаяся в отечественной «неомарксистской» литературе, не выдерживает соприкосновения с неоиндустриальной реальностью наших дней и трещит по швам.

Итак, в России выработана и имеется неоиндустриальная парадигма современного развития. Она обобщает ведущие закономерности и тенденции становления неоиндустриального общества. Формула современного развития в соответствии с названной парадигмой очень простая: вертикальная интеграция собственности и неоиндустриализация производительных сил.

Обратим внимание на то важное обстоятельство, что ключевой элемент здесь не технический и не технологический, а системный, или, если угодно, институциональный. Предпочитая все-таки классические термины, мы ведем речь об экономической системе, адекватной требованиям и закономерностям новой индустриализации, приведенной в соответствие с законом вертикальной интеграции и потому относящейся к классу исторически высших, авангардных. Можно бесконечно мечтать об инновациях и высоких технологиях, но если не будет передовой экономической системы, с вертикально интегрированным организационным строением и межотраслевым взаимодействием, то все мечты окажутся, в терминах метафоричной лексики главы государства, не более чем пустыми «хотелками».

В отрыве от системного вопроса все то, чем занимаются сегодня различные группы разработчиков стратегий и программ, выливается в заполнение бумаги именно всякого рода «хотелками». В новоявленной «Стратегии роста», к примеру, Б. Титов привычно уже обещает 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест. Надо заметить, впервые эта цифра дана нашим журналом еще в 2003 году, правда, она означала 25 млн. не просто высокопроизводительных, а технотронных рабочих мест, т.е. полностью автоматизированных. К 2010 году Б. Титов уверенно овладел ею и, подобно герою «Золотого теленка», преподнес ее на блюдечке В. Путину, заодно с идеей новой индустриализации. Но преподнес то и другое вырванными из неоиндустриальной парадигмы, без экономической системы интегрированного типа, которая идет в одной упряжке с новой индустриализацией. Теперь та же самая ошибка повторяется и в «Стратегии роста», которая по-прежнему игнорирует наличие системных ограничений. Если же действительно брать курс на новую индустриализацию, то надлежит установить вначале новую экономическую систему, приведенную в полное соответствие с законом вертикальной интеграции и прямо рассчитанную на плановое осуществление неоиндустриальной реконструкции нашего народного хозяйства. Подчеркнем: исключительно плановое, а не бесплановое.

Почему системный вопрос стоит в теперешних условиях именно так, а не иначе? Почему невозможно совместить новую индустриализацию с действующей ныне экономической системой? Ответ простой: нынешняя экономическая система подчиняет стратегические ресурсы обогащению олигархов. Целевая функция пореформенной системы жестко ограничена обогащением олигархически-компрадорских кланов, по сути – офшоризацией национального богатства, превращением российской собственности в нероссийскую и даже антироссийскую.

Не беремся рассуждать, как это выглядит с точки зрения классово-структуры общества, но факт в том, что скорость обогащения компрадорской олигархии превышает 50% ВВП в год, ибо она присваивает не только сырьевую, но и все прочие виды ренты – авиационную, торговую, банковскую, бюджетную, инфраструктурную, экспортно-импортную и т.д.

Что остается на развитие страны за вычетом конечного потребления домохозяйств и сектора государственного управления? Инвестиции и капитальные вложения? Нет, остаются только долги – внутренние да внешние.

Отсюда принципиальный вопрос: откуда брать стратегические ресурсы для неоиндустриального подъема России, если сохранять на-

сквозь гнилую кланово-компрадорскую, дезинтегрированную, рентно-ориентированную экономическую систему – заведомо неэффективную и социально несправедливую? Где и у кого брать потребные ресурсы? С нищего и нищающего населения? С пенсионеров? Со школьников и дошколят? Со студентов? С преподавателей? С медиков? С тружеников города и деревни, которые едва сводят концы с концами и живут от зарплаты до зарплаты? С кого, если разработчики стратегий и программ не решаются трогать ни собственность олигархов, ни компрадорскую ренту?

Именно по системному вопросу, именно с данного пункта начинаются метания идеологов «Столыпинского клуба», МЭФ, Торгово-промышленной палаты РФ, ЦБ РФ, Правительства РФ. Они не намерены переключать ресурсы с обогащения олигархов на формирование фонда накопления и капитального развития производительных сил, на повышение технического строения промышленного капитала и роста производительности труда. Вспомнили бы приличия ради хотя бы «неоклассическую» теорему переключения, но нет, даже ее не вспоминают, потому как не стремятся ничего переключать, не желают устранять ни олигархически-компрадорский характер социально-экономической системы пореформенного периода, ни системные ограничения.

Чего же хотят? Каким образом мыслят увеличить норму накопления и объем промышленного кредитования? Одни говорят: давайте устроим эмиссию, примерно на 1,5-3 триллиона рублей в год, уповая на эмиссионно-инвестиционную утопию. Другие призывают к очередному налоговому маневру, впадая в налогово-инвестиционный абсурд. Налоговых маневров и без того хватает. В налоговой сфере доманеврировались уже до того, что с 2013 года эффективность капитальных вложений стала минусовой. Третьи призывают к налоговым льготам, к той же, по сути, налогово-инвестиционной фикции. Как видим, предлагается все что угодно, только не переключение ресурсов на развитие России вместо обогащения олигархических кланов.

В действительности поворотный момент, переживаемый ныне нашей страной, предполагает ответственный системный выбор – выбор прогрессивной социально-экономической системы, открывающей простор для скорейшего подъема России. Настоятельная необходимость и первоочередная задача заключается в том, чтобы избавить философию и стратегию передового, неоиндустриального развития от жестких системных ограничений, порожденных олигархически-компрадорской системой. Выбор в сущности предельно прост: раз России нужна новая, технотронная индустриализация, в чем никаких сомнений нет и

быть не может, то объективно требуется и экономическая система, прямо рассчитанная на успешное осуществление крупномасштабной реконструкции неоиндустриального типа.

Важно понимать: без передовой социально-экономической системы, организованной по закону вертикальной интеграции, все стратегии и программы неминуемо выльются в разного рода безответственные утопии, мифы, сказки и сказочные обещания.

На наш взгляд, негативные последствия бессистемного стратегирования очевидны. Если мы не приводим экономическую систему в соответствие с требованиями новой, наукоемкой и высокотехнологичной индустриализации, тогда страна просто-напросто теряет еще 10-15 лет исторического времени. Но весь вопрос в следующем: позволяет ли внутренняя ситуация и окружающая Россию геополитическая обстановка потерять еще 10-15 лет? Едва ли.

Задачи новой индустриализации масштабны и судьбоносны, а времени на их решение в обрез: таково реальное противоречие текущего момента. Из него должны вытекать не только философские, но весьма прагматичные размышления и действия в общегосударственных интересах.

В завершение хотелось бы призвать внимательнее присмотреться к неоиндустриальной парадигме. В статьях и публикациях журнала «Экономист» с середины 1990-х гг. шло ее обоснование, формирование и обсуждение. Многим целесообразно перелистать соответствующие страницы, ибо сейчас от каждого из ученых и специалистов зависит вклад в выбор прогрессивного пути развития нашей страны.

Если научное сообщество будет консолидировано на базе теоретической парадигмы неоиндустриального развития, то оно внесет неопределимый вклад в разработку социально значимой и действенной стратегии прорыва России на самый передовой этап социально-экономического прогресса.

Дилемма перспектив развития российской экономики в транскрипции мирового хозяйства и их системные ограничители

Кашицын Виктор Валентинович

ДИЛЕММА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ТРАНСКРИПЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И ИХ СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ

Пристально наблюдая всю жизнь за тем как общество в целом, включая научную его часть, воспринимает и трактует гуманитарные науки вообще и экономическую науку в частности, мы всегда были озабочены двойственным её состоянием, пограничным между гуманитарными и естественными науками и двойственностью самих гуманитарных наук, питаемую противоречием основного вопроса философии. Слишком велик соблазн человека и исследователя чуть-чуть сдвинуть центр тяжести восприятия и анализа, тем самым разрубив Гордиев узел противоречий и трудностей в теории и практики.

В первом случае, став естественной наукой экономическая наука становится субъективной и в этом смысле перестает быть наукой, т.к. уйдя от общества, к природе она не приходит, то есть становится зависима от человека. Во втором случае, она проделывает тот же самый кульбит, уходя от общества вместе с другими гуманитарными науками и субъективируясь снова приобретает идеальный производный от человека (Бога) характер.

Поэтому объективизм и его гармония с субъективизмом – вопрос не праздный, центральный, так как является вопросом движения и движителя исследуемого объекта.

Постольку поскольку в капиталистическом способе производства основным движителем и побудительным мотивом любого инварианта развития являются рынки, то механизм их консолидации, вовлечения и формирования выдвигается на первый план в любого рода мирохозяйственной масштабной трансформации. Специфика современного этапа мирохозяйственной трансформации такова, что неуклонное перемещение эпицентра воспроизводства в Азию своим следствием имеет все более прозрачную проблематичность сохранения традиционного контроля данных рынков со стороны развитых стран параллельно с обостряющейся конкуренцией между ними и на собственных национальных рынках. А консолидация и освоение новых рынков, базирующихся на новом шестом технологическом укладе, предполагает сба-

лансированный и прогнозируемый контроль над производством основанном на предыдущих технологических укладах. Вместе с тем распределение производства предыдущих укладов на мирохозяйственной карте таково, что синхронизированный воспроизводственный контроль над ними еще более проблематичен. Мы уже не говорим о проблематике кумулятивного инвестиционного потенциала финансирования форсированного перехода к шестому технологическому укладу.

Между тем выход потенциальных стран лидеров на восходящую траекторию экономического роста в двадцать первом веке базирующегося на шестом технологическом укладе в 2020 году судя по всему войдет в активную фазу. Так что банк лидерства со всеми вытекающими последствиями в распределении богатства в двадцать первом веке возьмет тот мирохозяйственный субъект кто наилучшим образом подготавливается.

Каковы же критерии адекватности качества такой подготовки. Помимо сбалансированности воспроизводства в проекции обозначенных шести укладов необходим устойчивый макроэкономический контроль в наборе семи основных факторов современного производства: земля (природные ресурсы), диверсифицированная высоко квалифицированная рабочая сила, капитал (с ежегодным инвестиционным рычагом минимум в 1 триллион долларов), высокопрофессиональный (патриотичный-порядочный) топ менеджмент, достаточное пространство – время, системный научно-технологический инновационный задел и глобальный конкурентоспособный потенциал военно-стратегического сдерживания.

Если подойти к проблеме стратегического развития с выше обозначенных методологических позиций, то подобные задачи в столь ограниченном горизонте функциональной сбалансированности воспроизводственной системы по плечу могут быть только мощной мирохозяйственной макроэкономической группировке, жестко контролирующей и генерирующей обозначенную взаимосвязь современных факторов воспроизводства одновременно с мощным страновым стержнем кристаллизации данного эффекта лидерства. В силу объективно сложившихся мирохозяйственных реалий, роль подобной страны лидера могут выполнить только три страны: США, Россия и Китай.

Поэтому в данном ключе небезынтесным является распределение производства по сложившимся шести технологическим укладам в XXI веке:

– США: 0% (1й), 3% (2й), 7% (3й), >20% (4й), 60-65% (5й), 5-7% (6й);

- Россия: 0% (1й), 3% (2й), 30% (3й), >50% (4й), 15-25% (5й), 1-2% (6й);
- Китай: 0% (1й), 7% (2й), 20% (3й), >30% (4й), >30% (5й), 3% (6й).

Из приведенных данных видно, что с точки зрения сбалансированности в производстве укладов в наиболее удобной ситуации находится Китай. Но на самом деле не все так просто, так как факторное сочетание обозначенных выше семи факторов в Китае самое уязвимое: земля (природные ресурсы), оборонный потенциал, научно-технический потенциал (новая энергетика и не только), оставляют желать лучшего.

У России самым слабым звеном является «провал» пятого уклада (микроэлектроника), и относительное проседание качества рабочей силы и топ менеджмента. У США в «провале» третий и четвертый уклады (вывод индустриального производства в другие страны).

Имея ввиду априорный императив реального выдвигания России на позиции лидера в данных координатах необходимо констатировать, что проблема пятого уклада может быть решена быстро посредством комбинирования внутренних факторов (ВПК, профессионализация образования) и внешних факторов (втягивание в интеграционную группировку асимметрично Германии, Южной Кореи, Японии, Юго-восточных азиатских «тигров»).

Проблема управления может быть решена теперь уже только посредством кадровой и культурной революции, так как это самое уязвимое российское звено, а время уже почти исчерпано. Во всех звеньях управления без исключения должны оказаться профессионалы, так как кадровый провал здесь получился системный. А придание нового импульса макроэкономической интеграции под влиянием России необходимо в жесткой содержательно-функциональной последовательности (внутренний рынок России, Евразийский союз, БРИКС и т.д.), сочетать с активацией всей сопутствующей инфраструктуры во всем ее факторном многообразии.

Думается, что только в этой транскрипции, методология макроэкономической трансформации способна перевести российскую экономику в формат устойчивого стратегического роста в искомым количественных и качественных аспектах.

Нельзя не отметить, что и взаимодействие России, со своими партнерами-конкурентами в данной методологии обретает так недостающую российской внутренней и внешней экономической политике, сбалансированность, гибкость и маневренность. Это важно еще и по-

тому, что, имея фактически лучший запас козырей, мы почти потеряли самый главный ресурс – время и неуклонно попадаем в позицию аутсайера. Китай на глазах меняет конфигурацию своего производственного роста, стремительно заменяя внешний рынок на внутренний соответствующим балансом спроса и предложения, вкладываясь во внутреннюю инфраструктуру. И теперь уже США активно приступили к подобного рода трансформации своих макроэкономических приоритетов двигаясь к реанимации и активному сбалансированному запуску своего внутреннего рынка. Об этом свидетельствуют логика президентских выборов США и соответствующие политико-экономические приоритеты нового президента США, его администрации и социально-экономическая палитра соответствующих избирателей. Свидетельствуют об этом и те предвыборные обещания и экономические акценты, которые просматриваются в политике администрации в течении последнего месяца. Так то выход США из соглашения в части тихоокеанской зоны свободной торговли, обозначившиеся противоречия в планируемом ранее атлантическом соглашении о зоне свободной торговли, а также стремление нынешней администрации вернуть в функциональное пространство внутреннего рынка Соединенных Штатов выведенные ранее производства третьего и четвертого технологических укладов. Более того, предполагается «реанимация» и вовлечение в хозяйственный оборот даже предприятий и проектов, активирующих производство низких переделов (нефть, газ и прочее).

Одним словом, поставлена цель возвращения американской экономики к былой производственной сбалансированности и доминированию в макроэкономических пропорциях внутреннего рынка как основного источника богатства. А политику фритрейдерства сбалансировать с политикой разумного протекционизма.

Что касается Европейского Союза и его потенциала лидерства в мировом хозяйстве, то здесь все в большей степени проявляется противоречие, базирующееся на достаточно линейной закономерности усиления экономической дифференциации по всему комплексу макроэкономических пропорций, не исключая возникновения и усиления потенциала системной дезинтеграции общего рынка движения основных факторов производства. Поэтому, в силу обозначенных макроэкономических закономерностей и обстоятельств, дезинтеграционные перспективы пока объективно выводят Евросоюз из числа потенциального самостоятельного центра силы и соискания лидерства в мировой экономике. Не исключено, что члены Евросоюза, разойдутся и окажутся участниками интенсивно формируемых иных макроэкономических

группировок. Например, Великобритания похоже все более тяготеет к американской макроэкономической группировке, формируемой вокруг США.

Так что, в этом плане, есть серьезные перспективы и в расширении и углублении интеграции в купе с российской экономикой.

И такие сигналы наблюдаются все чаще. В Европейском Союзе активно сотрудничают с Россией такие страны как Сербия, Венгрия, проявляет интерес Болгария, есть интерес и у развитых стран Евросоюза: Франция, Италия, Германия и т.д. Активизируются Ближний Средний восток в лице Турции, Сирии, Египта, Ливии, Алжира, Марокко, Ирана, Индии, стран Юго-восточной Азии. Проявляют интерес и новые партнеры: Катар, Кувейт, Саудовская Аравия и т.д.

Что же мешает России воспользоваться этим сегодняшним исторически мгновенным трансформационным переломным моментом в соискании мирохозяйственного лидерства на базе разворота её экономики в направлении системного целостного энергичного стратегически обусловленного экономического роста?

Казалось бы, за последние 17 и, особенно, 4-5 лет сделано много в направлении обретения очертаний модельной матрицы развития. Близок к завершению системный процесс восстановления оборонного потенциала. Имеют место элементы реанимации потенциала Дальнего Востока и Северного континентального шельфа, включая Северное побережье (Арктический проект). Культивируется россыпь ТОРов – территорий опережающего развития. Реализуются масштабные функциональные транспортно-инфраструктурные проекты. Обновляется кадровый состав в управлении. Внешняя политика вообще и внешнеэкономическая в частности становится более маневренной, нестандартной и постепенно возвращается к глубинному пониманию национальных интересов, как стратегических, так и тактических, и стремлению им следовать.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что выше обозначенные позиции часто дискретны, эпизодичны, противоречивы и в лучшем случае половинчаты, что не может быть объяснено никаким другим способом, как наличием системных препятствий, в которых все развитийное неумолимо вязнет. И такими системными препятствиями, на наш взгляд, являются как минимум следующие:

– Последовательно деградирующая в течение последних 40 лет индивидуалистическая хаотизация общественного сознания, основанная на вопиющей вулгаризации и упрощении человеческого мировоззрения вкупе с низменными примитивными потребительскими мотива-

ционными предпочтениями. Очевидно, данный феномен имеет непрерывный содержательный, сложный и системный характер и объективно не может быть преодолен панацейным целеуказанием и способом, так как имеет гиперкультурный рефрен. И иррационализация образования вместе с воспитанием в широком смысле здесь скорее не причина, а следствие процесса погружения общества в тьму. Разумеется, данный процесс не мог не реализоваться в адекватных ему формах и прежде всего в философии и экономической науке, которые сами по себе явились заложниками и жертвами этого процесса. Какие бы открытия и озарения, перлы и тексты, достижения и обретения в своей трагической бытийности и служении народу, стране, миру не демонстрировала бы наука, все уходит в песок, в небытие, остается без внимания и игнорируется обществом, сверху донизу, слева направо и наоборот. Более того, классическое фундаментальное знание настойчиво и системно нейтрализуется и изгоняется практически во всех формах научного и образовательного пространства-времени. Примеров здесь море. Чего стоит хотя бы представление об экономике, основанное на неоклассическом монетарном институциональном суржике, помноженное на монопольно-правовую методологию её, экономики, регулирования.

— Отсюда проистекает и устойчивое провисание эффективности пары власти-управления и механизма их реализации. Можно конструировать модели регулирования и управления. Можно все время менять кадры. Можно предпринимать и корректировать прогнозы. Можно выделять ресурсы и контролировать их использование. Но если в эпицентре управления пребывает правовой механизм, рожденный человечеством для коррекции отклонений и уродств, общество, включая экономику и управление, обречены на уродливую бытийность. В эпицентре длительного, устойчивого роста и развития всегда находится самоорганизация, основанная на самоограничении, творческом драйве, питаемых историко-культурным коллективно-ассоциативным ощущением справедливости в обществе. Если это верно, а это верно, для человечества, то для мессианской, в хорошем смысле, России, — это самодовлеющий титановый императив. И государство, тем более российское, ровно настолько будет способным обеспечивать развитие, насколько оно концептуально и функционально конструируется и исходит из данных методологических посылок и на основе них самовоспроизводится.

— В противном случае, не трансформация будет преодолевать препятствия, а наоборот, препятствия будут преодолевать трансформа-

цию. И что бы мы не делали, так то, коромысло левых-правых партий, массовую монопольную чиновничью партию, фронты и кадровые резервы, селигеры, сириусы и прочие территории смысла, результат будет всегда один. Официальная федеральная власть, да и местная иногда тоже, вместе с народом всегда будут заложниками власти серотеневой, управляемой коррупционно-сетевым образом. Что и происходит, судя по всему, последние 40 лет. Сколько бы мы управленцев и их партнеров и на каком бы высоком уровне не привлекали к ответственности, в том числе под домашний арест, с присуждением условных сроков, и какие бы штрафы они не платили, для коррупционной сети это не проблема. Для коррупционной сети проблемой является только сеть профессионалов, так как она самоорганизована на базе общей методологии и в своей бытийности не требует внешнего контроля, творчески самодостаточна и сама себя спокойно контролирует, как на уровне конкретного человека, так и на уровне кодекса профессиональной чести в обществе в целом. Поэтому, только государство, интегрированное с профессионалами, а еще лучше их, профессионалов, государство, генетически может перекинуть роль управления в сторону развития и его удержать. А у профессионалов не профессии и дипломы общие, у них общий язык, мотивация и взгляд на мир, у них общая методология.

— В экономической науке и практике профессиональное реноме проявляется производно от классического знания и его развития, то есть от политической экономии и истории и методологии экономики и самой экономической науки, культивирующих системный, философский подход и восходящих от целого к части и от абстрактного к конкретному. Подход, базирующийся на общественных и экономических закономерностях, имеющих объективный характер, и не отвечающих за тех, кто и как их понимает, что, впрочем, не означает отмены актуальности дилеммы развития самой политической экономии и родственных знаний.

Все остальное это лирика и прикрытие, а объект политической экономии во всей своей системной диалектической «отдохнувшей» мощи, закономерностей и предопределенностей неумолимо восстанавливается и на наших планетарных глазах обретает современные и перспективные столь еще недавно знакомые черты.

И в этом ключе, нельзя не сказать, о перспективах «реанимации» придания нового облика самой экономической науке и соответствующему образованию, так как методология избирательного усеченного преподавания экономических дисциплин все в большей степени ирра-

ционализируется, отрываясь от реальностей трансформации и эволюции объекта экономической науки.

Приоритеты целостности объекта и крайней необходимости возвращения экономических дисциплин в стройную систему политико-экономической сбалансированности объективно становится императивом. Так как, методология экономической науки не может дальше пребывать в разобранном дискретном и эклектичном состоянии. Прогностическую функцию экономическая наука, имея ввиду не только средний и долгосрочный горизонты, стремительно утрачивает и в формате краткосрочного ключа. И это уже тенденция, так как ни одно значимое событие и явление в координатах действующей научной методологии фактически не предсказуемо, что объективно выдвигает даже, крупных игроков в системе современной мирохозяйственной трансформации на периферию событий и переводит их в статус заложников-аутсайдеров. Теряются колоссальные доходы, а накопленное богатство обесценивается. И новые вызовы объективно требуют «реанимации» целостной политико-экономической методологии и возвращения к качественному фундаментальному экономическому образованию. Так что политической экономии так же, как и вполне вероятным новым инвариантам и методологиям, представляющим фундаментальное каузальное знание, альтернативы просто нет.

Без политической экономии любое экономическое знание не инструментально, а эпизодично описательно дискретно бессильно и в лучших своих проявлениях представляет собой не более чем эмпирику, а то и просто фейки.

Разумеется, возвращение к целостному политико-экономическому знанию, задача не простая. Однако, усложнение объекта и очевидное усиление его системности фактически не оставляет научному сообществу другого выбора, так как крайне необходимо возвращаться ко взаимоувязанной смысловой и производной субординации экономических знаний и их «матрешечной» взаимообусловленности. От целого к части, от системы к архитипичному набору элементов и типологии их взаимосвязи, к конкретному экономическому факту, событию, явлению, процессу, самый короткий путь. От эмпирики и хаотического взаимодействия элементов, дорога к смыслу и содержанию как показывает логика эволюции объекта, путь самый длительный и противоречивый. Цена вопроса, колоссальная утрата эффективности и эпохальные потери богатства.

Нельзя не сказать и о крайней необходимости возврата методологии к генетической взаимосвязи политэкономии и философии. По-

жалуй, это главная проблема, так как именно философская понятийно-категориальная база объективно формирует основу политико-экономической методологии и придает всей системе категорий, явлений и закономерностей столь ей недостающую сегодня целостность и причинно-следственную факторную логическую предопределенность.

Разумеется, учитывая ускоряющееся усложнение исследуемого объекта, его все более явный космизм в нашем восприятии, категорически опасно сваливаться в крайности и необходимо аккуратно сочетать в системном анализе материализм с идеализмом, как отражение взаимосвязи пространства-времени, познанного и непознанного, общества и природы. Поэтому, как не существует материальное без идеального, так и смысл не существует без метасмысла.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.
2. Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы: 1950-2013 гг. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2015. – 720 с.
3. Кашицын В.В. Пан-Европейская экономика в свете пан-европейского компромисса // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук имени М.В.Ломоносова, №4, 2017. С.167.
4. Кашицын В.В. Современное российское системное перестроение и внутренний рынок // Российское перестроение: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм / Под ред. Ю.М.Осипова, И.Р.Бугаяна, Е.С.Зотовой. – М; Ростов н/Д. 2017. – 378 с.
5. Рязанов В.Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.
6. Хазин М.Л. Предмет экономической науки и эволюция экономики: реальность и дилемма // Объект, предмет, метод экономической науки и реальность: монография / Под ред. В.В.Кашицына. – Новороссийск: ГМУ им. адм. Ф.Ф.Ушакова, 2014. – 194 с.

Системная экономика XXI века: идеал, реальность, программа

Клейнер Георгий Борисович
СИСТЕМНАЯ ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА:
ИДЕАЛ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОГРАММА

Радикальные преобразования отечественной экономики, пик которых пришелся на последнее десятилетие XX века, поставили перед экономической наукой масштабную задачу: отталкиваясь от сложившиеся в XX веке тенденции, учитывая целевую направленность и реальные последствия трансформаций, определить контуры желаемого будущего отечественной экономики в новом веке, сопоставить его с наиболее значимыми явлениями настоящего и наметить основные траектории развития экономической теории и практики, приближающие экономику к желательному состоянию.

Какую исходную позицию следует избрать для такого рода анализа? Один из вариантов описан в замечательном четверостишии Н. Глазкова: «Век двадцатый, век необычайный. Я на мирзираю из-под столика. Чем он интересней для историка, тем для современника печальней». Взгляд «из-под столика», т.е. с точки зрения подробностей сегодняшнего дня, имеет свои преимущества, основанные на детальности данных. Вместе с тем, как известно из стихов другого замечательного поэта, С. Есенина, «лицом к лицу лица не увидать». Поэтому исследование масштабных межвековых сдвигов следует, как представляется, вести не «из-под столика», а скорее, «с высоты птичьего полета», т.е. научного предвидения, основанного на, обращении к качественным характеристикам экономических явлений, обобщении динамики этапов развития отечественной экономики и общества. Для обобщенной характеристики каждого периода при таком подходе естественно рассмотреть особенности основного самостоятельного актора экономики – структурной единицы организации экономической деятельности. По сути дела, все крупные экономические реформы последних 100 лет в России были связаны именно с изменением состава ключевых экономических акторов, в том числе изменением их масштабов и положения в иерархии уровней управления, с реорганизацией взаимодействия акторов. Мы используем концепцию «типového» (репрезентативного) актора как носителя экономической активности – внутренней энергии, являющейся источником экономической динамики. Ниже мы увидим, что на протяжении XX века масштабы акторов изменялись от макси-

мального (сверхцентрализация) до минимального («атомизация»), и последовательность смены репрезентативных акторов однозначно характеризует социально-экономический уклад в каждом данном периоде. В настоящей работе, подготовленной за счет гранта РФФИ, проект №17-18-00048 (организация – получатель средств – ЦЭМИ РАН), показывается траектория динамики ключевых акторов экономики и делается вывод о приближении периода «системной экономики как экономики, где основными акторами являются разнообразные экономические системы, а институты адаптированы к решению задач обеспечения процессов создания, функционирования, взаимодействия и трансформации социально-экономических систем. Программа развития экономики должна быть системно-ориентированной в том смысле, чтобы решить такие проблемы, как: субъектность и идентификация социально-экономических систем в экономическом и правовом пространстве-времени; таксономия систем, определение факторов развития или торможения экономической деятельности систем; исследование особенностей ценообразования в экономике, где ключевыми акторами служат социально-экономические системы. Таким образом, программа экономического развития в ходе движения к «экономике систем» должна включать развитие и экономической теории, и экономических институтов, и организационно-управленческих механизмов, и особого «системного» мировоззрения.

1. Ключевые акторы российской экономики: история

Преобразования либерализационного характера, проведенные в экономике России на рубеже XX и XXI веков, завершили череду масштабных трансформаций структуры движущих сил и акторов отечественной экономики. К началу 1940-х гг. экономика подошла в состоянии, когда единственной движущей силой и одновременно актором развития было государство, регулирующее все экономические процессы в стране. Это дает основание кратко охарактеризовать данный период (его начало можно условно отнести к 1929 г.) как *экономику государства*). В последующий период, начавшийся в 1950-х гг. роль элементов системы ключевых самостоятельных акторов приняли на себя отраслевые министерства. Возникла *экономика отраслей*, сменившаяся на небольшой период (1957) – 1965 гг. *экономикой регионов*. Возвращенные на административную орбиту отраслевые министерства вскоре уступили роль автономных акторов главкам, а затем всесоюзным промышленным объединениям, отвечавшим за работу подотраслей (или чистых отраслей. Возникшая экономика подотраслей сменилась в начале 1970-х гг. экономикой предприятий (производственных объеди-

нений), чтобы к концу 1980-х смениться *экономикой малых предприятий*. Дальнейшее разукрупнение ключевых акторов к началу 1990-х гг. привело страну в состояние *экономики физических лиц*, когда самостоятельными авторами являлись отдельные индивидуумы – участники экономической деятельности, действующие в собственных личных интересах на свой страх и риск.

Промежуточный итог смены перечисленных социально-экономических укладов – атомизированная «экономика физических лиц».

Экономика физических лиц наиболее интенсивно развивалась в период с середины 1990-х до середины 2000-х гг. В существовавших в это время организационно-технологических условиях. Это привело к потере едва ли не половины валового национального продукта. Минимизация масштаба типового (репрезентативного) самостоятельного актора экономики до отдельного физического лица привела и к сужению пространственного и временного горизонта планирования и развития экономики. Более детальное писание особенностей «экономики физических лиц» можно найти в (Клейнер, 1996, 2004).

Очевидно, что эта стадия является последней на пути минимизации размеров репрезентативного актора и после нее должен наблюдаться «отскок» – начало обратной тенденции укрупнения ключевых акторов.

2. Ключевые акторы российской экономики: реальность

С начала 2000-х годов центральное место в структуре управления предприятиями начинают занимать собственники предприятий. Они оттеснили от принятия стратегических решений «красных директоров», которые частью стали собственниками, частью – «полунаемными» менеджерами. Именно собственники или их консолидированные группы стали играть роль основных акторов экономики (поскольку в собственности одной группы находится зачастую не несколько предприятий, приходится говорить именно об «экономике собственников», а не об «экономике предприятий»).

Наступила стадия «экономики групп собственников». Для этой стадии характерны такие явления, как низкая инвестиционная активность, ориентация предприятий на краткосрочные цели, вывод активов предприятий, снижение конкурентоспособности предприятий ввиду переноса конкуренции между товаропроизводителями из сферы соперничества за потребителя за счет повышения качества и снижения цены в сферу борьбу за личное благорасположение представителей органов власти разных уровней и направлений, включая региональные и муниципальные.

ципальные органы, контролирующие организации, судебные инстанции и т.д. Все это существенно повышает уровень и масштабы коррупции, поскольку ситуации принятия решений сводятся к противостоянию интересов групп физических лиц.

По своим экономическим последствиям данная стадия близка к экономике физических лиц и также носит промежуточный характер. Укрупнение основных акторов и расширение их состава представляется неизбежным.

В целом «экономика групп собственников» способствовала концентрации капитала, усилению расслоения общества, снижению конкурентоспособности предприятий.

В статье (Клейнер, 2004) отмечалось, что к 2000-х гг. экономика физических лиц еще продолжает свое «триумфальное шествие» по экономическому пространству и времени нашей страны. В некоторых аспектах общественно-политической жизни рудименты экономики (а также политики и менеджмента) физических лиц заметны и сейчас, во второй половине 2010-х гг, хотя атомизированная стадия уступила место иному социально-экономическому укладу. Для новой стадии характерна более высокая степень консолидированности участников экономической деятельности.

3. Ключевые акторы отечественной экономики: будущее

Анализ сложившегося уклада отечественной экономики позволяет выявить ряд явлений, указывающих на тенденцию формирования новой структуры экономических акторов. Эта структура стремительно усложняется и диверсифицируется, становится все менее стабильной и предсказуемой. Соответственно усложняются и институты, определяющие протекание процессов производства, распределения, обмена и потребления благ, а также самих благ. Общая причина такого движения связана с так называемым системным расширением понятия агента – закреплением социально-экономических систем как самостоятельных акторов экономики. Эти системы оттесняют на периферию экономической жизни и корпус физических лиц, и популяцию предприятий (фирм).

Анализ текущего состояния и зарождающихся тенденций социально-экономической динамики позволяет сделать следующие выводы о значимости системного видения общественной сферы страны.

1. В ситуациях противостояния интересов хозяйствующих субъектов или физических лиц выигрывает сторона, поддерживаемая более влиятельной социально-экономической или политической системой. В качестве таковых выступают органы власти, крупные корпорации, ре-

лигиозные объединения, политические партии, семейные и иные кланы, сетевые структуры, в том числе – сетевые сообщества и иные социально-экономические системы («крыши»). В связи с этим данную стадию можно было бы назвать также «экономикой крыш»). Таким образом, крупномасштабные системы начинают замещать отдельных участников делового оборота. Нарушается принцип равноправия субъектов экономики и социума. Социально-экономическое пространство становится принципиально гетерогенным.

2. История развития страны в течение минувших 25 лет заставляет говорить о кризисе одного из фундаментальных концептов современной экономики – понятия собственности, как в теоретическом, так и операциональном смыслах. В теоретическом плане понятие собственности потеряло конкретность ввиду недостаточной определенности понятия «субъект собственности. Если речь идет о собственности» применительно к экономическим системам, не обладающим формальной субъектностью юридического или физического лица. В результате формальное право собственности заменяется расплывчатыми традициями и неформальными «понятиями». Необходима концептуализация понятия *системного лица*, т.е. социально-экономической системы как полноценного участника делового оборота, обладающего правами и несущего ответственность.

В практическом плане право собственности из монолитного становится *системным*, т.е. расщепленным на взаимосвязанные правомочия владения, распоряжения, пользования (или более дробную систему). В целом можно говорить о системологии собственности как научно-практическом направлении системного анализа собственности.

3. Принадлежность к определенной социально-экономической системе уже сейчас играет во многих случаях более важную роль, чем функциональные особенности агента. Возможность приобщиться к числу лиц, которым положены скидки при покупке товара, играет в поведении покупателя более важную роль, чем цена товара. Рентоориентированное поведение, столь распространенное в современном обществе, также представляет собой не что иное, как стремление к аффилированности с определенной системой, контролирующей доступ к распределению благ. В данном контексте следует подчеркнуть широкое распространение т.н. клубных благ, т.е. благ, неконкурентные и исключаемые блага, доступные только членам определенных сообществ (см. также концепцию социального кластеризма В.Л. Макарова, Макаров, 2010????). В последнее десятилетие резко возросла роль сетевых благ, т.е. продуктов, потребляемых в комплекте с другими. По-

лезность потребления сетевых благ не убывает, а возрастает по мере увеличения числа пользователей. Клубные, сетевые и подобные типы благ можно объединить в понятии системные блага, понимая под этим ассоциированность с некоторой социально-экономической системой. Возрастание полезности таких благ в экономике свидетельствует о ее приближении к системной экономике XXI века. Проследивая тенденцию «систематизации» экономики, т.е. процесс формирования надфирменных систем, готовых к исполнению роли акторов в экономике, можно вспомнить и создание финансово-промышленных групп, и организацию холдингов, бизнес-ассоциаций, региональных кластеров, создание госкорпораций, восход олигархических межотраслевых бизнес-империй и т.д.4.. В ряде социально-экономических практик персональная ответственность заменяется групповой или системной. Речь идет о практике коллективной ответственности родственников за противоправное поведение одного из членов семьи; в некоторых странах практикуется разрушение семейных жилищ лиц, признаваемых террористами. Да и сам террор основан на «системном расширении» ответственности. К тому же виду действий относится наложение санкций на ту или иную страну в качестве наказания за действия ее отдельных должностных лиц. Принцип персональной ответственности нарушается и в ситуациях наследования, когда, условно говоря, сын (а точнее, группа наследников) отвечает по долгам наследодателя.

Все это в целом говорит о наступлении новой, довольно своеобразной стадии в социально-экономическом развитии страны (подобные явления можно зафиксировать и в других странах) – *экономики социально-экономических систем*, или, более кратко, *системной экономики*.

Своеобразие этой стадии связано с неоднородностью множества социально-экономических систем. Если неоклассическая модель экономики опирается на качественное сходство агентов при количественном различии параметров, то модель системной экономики допускает не только количественное, но и качественное разнообразие акторов. Государство, регион, отрасль, предприятие 0 все эти и иные системы могут в определенных условиях стать самостоятельными акторами экономики.

Если основными самостоятельными актором «экономики физических лиц» являются социальные субъекты – индивидуумы, в «экономика групп собственников» – владельцы или консолидированные группы владельцев производственных активов, то в системной экономике основными акторами становятся формализованные и неформализованные социально-экономические системы – относительно автоном-

ные и устойчивые образования, включающие физические и юридические лица, внутрисистемные институты и регламенты, материальные и нематериальные блага и т.д. В число таких систем входят предприятия, объединения предприятий, отрасли, кластеры, регионы, крупные инвестиционные проекты, сетевые структуры, семейные и родовые кланы и т.п. «Инсайдерами» в таких системах выступают физические лица, аффилированные с данными системами и влияющие на ход и результаты их функционирования.

Популяция социально-экономических систем крайне разнообразна, однако наиболее значимым является разделение систем на четыре группы; системы объектного, проектного, средового и процессного типов (Клейнер, 2013). В связи с этим возникает вопрос о доминирующем типе систем, определяющих развитие экономики. Если доминировать будут проектные (событийные) системы, четко локализованные во времени и в пространстве, то стадия «системной экономики» станет «эпохой перемен». Если доминирующая роль будет отдана средовым системам, не имеющим определенной границы во времени и в пространстве, настанет «эпоха застоя» – период стабилизации общественных отношений. В последнем случае будет наблюдаться наибольший контраст с «экономикой физических лиц». Доминирование объектных систем может быть охарактеризовано как «корпоративная экономика», а доминирование процессных 0 как «экстенсивная экономика».

Следует подчеркнуть: несмотря на то, что социально-экономические системы начинают играть весьма значимую роль в отечественной экономике, ее институциональное сопровождение не позволяет рассматривать современную экономику как системную. Подавляющая часть систем не имеют статуса субъекта экономики. Это относится ко многим проектным системам (благодаря чему появляются фирмы-однодневки); процессные системы, реализующие бизнес-процессы или с распространением новшеств, как правило, не имеют статуса юридического лица (часто применяемое понятие владельца бизнес-процесса имеет метафорический характер и не формализуется; то же самое можно сказать и о большинстве инфраструктурных в широком смысле (средовых) систем, например, об Интернете.

Отметим, что предположение о том, что следующей за «экономикой физических лиц» может стать стадия «экономики предприятий» (см. Клейнер, 2004, 2008???) , не оправдалось. Становления предприятий как самостоятельных, целостных и суверенных в известном смысле субъектов рынка в России не произошло, чему способствовала и неурегулированность проблем взаимоотношений между элитой и об-

ществом, и слабость судебной системы, и шаткость иных институтов защиты прав собственности. Процесс формирования популяции основных акторов экономики пошел в обход нормативно-правового регулирования, через поле неформальных отношений и институтов. Ни «экономика физических лиц», ни «экономика групп собственников» не могли способствовать созданию популяции предприятий как полноценных агентов рынка. В этой ситуации не имеет смысла говорить о полноценной рыночной экономике.

Оценивая результаты функционирования двух перечисленных стадий отечественной экономики, стоит отметить, что одним из общих для этих фаз источником возникновения проблем является отсутствие удовлетворительных механизмов синтеза социальных и экономических факторов развития. Недостаточно четкая структурированность социально-экономического пространства, отсутствие однозначных разграничений между правами и (и ответственностью) для физических должностных лиц (руководителей производства), с одной стороны, и юридических лиц, с другой, не позволяет эффективно осуществлять извлекать синергические эффекты из взаимодействия этих участников социально-экономических систем. Между тем именно социально-экономические системы должны стать ключевыми фигурами в структуре экономического пространства-времени на следующей стадии развития отечественной экономики.

В настоящее время системная структура экономики и общества в целом сложилась, и социально-экономические системы разнообразных масштабов, видов, назначения и локализации заняли место значимых акторов экономики. При этом аффилированность конкретных фирм с той или иной системой порой далеко не очевидна и требует проведения специальных исследований (см., напр., Дзарасов, ???). Тем не менее можно констатировать наличие реальных предпосылок или, можно даже сказать, спроса общества на вхождение страны в фазу «системной экономики». Параллельный процесс протекает и в сфере регулирования экономики: стадия *хаотичного* управления сменяется стадией «ручного» управления, которая после бесплодных пока попыток организации *стратегического* управления приближается к стадии *системного* управления, основанного на учете системных свойств как объектов, так и субъектов управления. Системы, как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые, начинают входить в сферу общественного внимания как важные факторы его функционирования и существенные компоненты социально-экономического ландшафта (заметим появившееся в последние годы выражение «системная оппозиция»).

С точки зрения развития традиционных экономических агентов – предприятий, стадия «системной экономики» обладает определенными достоинствами, а также несет определенные риски. Если в «экономике групп собственников» реакция рынка на действия предприятия в значительной степени зависит от решения более или менее определенной и известной предприятию совокупности собственников и является в значительной мере субъективной, то в системной экономике эта реакция носит более объективный, закономерный характер (например, определяется позицией соответствующего сетевого сообщества). В такой ситуации конкурентоспособность предприятий определяется эффективностью производства и качеством продукции, а не личными связями заинтересованных лиц. Повышение степени структурированности рыночного и административного окружения предприятия позволяет ему существенно расширить временной и пространственный горизонт планирования.

Риски предприятия в системной экономике связаны, в первую очередь, с возрастанием сложности и стоимости маркетинга («системного маркетинга»), в том числе – системного мониторинга рыночного и административного окружения.

В целом, приближение эры «системной экономики» требует существенного повышения качества управления предприятиями, усиления его системности и стратегичности.

С понятием «системность» в социально-экономическом дискурсе ассоциируются такие характеристики, как целостность; непротиворечивость; связность; гармоничность; последовательность; преемственность (многомерная структурированность); устойчивость; иерархичность; субъектность; идентичность и т.п. Соответственно, признаками развитой «системной экономики» как стадии движения реальной экономики служат следующие характеристики:

- целостность экономики как подсистемы общества наряду с такими общественными подсистемами, как социум, государство, бизнес;
- наличие механизмов согласования интересов акторов независимо от их масштабов (в том числе – согласование интересов на базе механизмов многоуровневого стратегического планирования);
- последовательность и непротиворечивость принимаемых на всех иерархических уровнях управленческих решений;
- баланс между разнообразием и однородностью во времени и в пространстве (межпериодная преемственности и межзональная согласованность);

- согласованность критериев социальной справедливости и экономической эффективности, обеспечиваемая механизмами внутри-системной координации в системах с длительным жизненным циклом;
- наличие механизмов идентификации и каталогизации разнообразных социально-экономических систем – реальных и потенциальных акторов экономики и их представительства в структуре выработки, обсуждения и принятия значимых общественных решений;
- легитимизация и формализация в качестве равноправных акторов экономики требуют существенного изменения законодательной и иной нормативной базы. Поскольку акторами могут быть и системы с ограниченной длительностью жизненного цикла, вопрос об ответственности такого актора после окончания цикла за ранее предпринятые действия приобретает особую остроту и требует создания мощной системы страхования систем проектного и процессного типов.

В стадии системной экономики должно измениться содержание одного из основополагающих понятий экономики – понятие собственности. Системное расширение понятия собственности связано с двумя обстоятельствами. Первое состоит в эволюции субъекта собственности. Если в досистемной стадии формальным субъектом собственности является физическое или юридическое лицо, то в системной экономике можно говорить о системной собственности, т.е. отношении между социально-экономическими системами по поводу данного объекта собственности. Поскольку отношения между системами намного разнообразнее, чем отношения между физическими и юридическими лицами, то понятие собственности неизбежно расслаивается на компоненты, соответствующие возможным способам осуществления системам права собственности. Структуризация этих прав превращает собственность в совокупность элементов и связей между ними превращает отношение собственности из монолита в систему и диверсифицирует понятие системной собственности. В экономике групп собственников титул собственности еще рассматривается как монолитный, но предпосылки его расширения уже создаются.

Надо полагать, что реализация подобных требований может быть достигнута лишь на стадии зрелого развития системной экономики. Тем не менее, этот «образ будущего» является закономерной экстраполяцией тенденций, формирующихся уже сейчас.

Предложенная в данной работе типология и концепция динамики социально-экономических укладов существенно отличается от традиционных исследований на данную тему в рамках мейнстрима. Если неоклассическая, институциональная, эволюционная парадигмы в ка-

честве основной единицы анализа рассматривали *организацию*, т.е. группу индивидуумов, объединенных общей целью, то в предложенном подходе основной единицей исследования является социально-экономическая система, включающая не только аффилированных с ней людей, но и внутрисистемные институты, сложившиеся традиции и тенденции, а также материальные и нематериальные блага, связанные с участниками системы определенными отношениями, в том числе отношениями владения, управления, пользования, а также связанные между собой, в том числе в рамках «интернета вещей». Кроме того, организация, как правило, не имеет априорного ограничения по длительности жизненного цикла и обладает вполне определенной пространственной локализацией, в то время как многие системы функционируют в строго определенных временных границах, а другие не имеют локализации ни во времени, ни в пространстве. В целом переход от организаций к системам отражает общую тенденцию расширения горизонта исследований социально-экономических явлений, системного учета факторов и результатов общественных процессов.

Для эффективного функционирования отечественной экономики XXI века как системной экономики уже в *nřib ľub* должны быть приняты меры по разработке новой экономической теории применительно к стадии, когда основным актором экономики становится социально-экономическая система. Системная экономическая теория призвана не только абсорбировать и соответствующим образом модифицировать положения неоклассической теории, кейнсианской теории, политической экономии социализма, институциональной и эволюционной теории, но и операционализировать такие концепты, как системное социально-экономическое мировоззрение, системное управление, системный мониторинг, системная сбалансированность, системная координация, системная оптимизация и т.п. (см. Клейнер, 2015, 2016).

Разумеется, для выполнения масштабной и разнообразной программы перехода к системной экономике необходимы серьезные и скоординированные усилия экономистов, юристов, политиков, управленцев. В ходе этого процесса можно ожидать также и достижения ориентиров повышения степени консолидации российского общества.

Ключевая роль России в преобразовании глобальной финансово-экономической парадигмы

Кузнецов Алексей Владимирович КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ РОССИИ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В глобальной экономике XXI века действуют правила игры, которые позволяют транснациональным корпорациям (ТНК) перераспределять в свою пользу значительную долю ресурсов суверенных государств. Главным субъектом хозяйственных отношений на современном этапе глобализации выступает транснациональный капитал, который не только играет ключевую роль в глобальной цепочке создания добавленной стоимости, но и все активнее подчиняет себе традиционные сферы государственной и социальной политики. Дальнейшая реализация модели глобальной экономики (демократической по форме, но дискриминационной по содержанию) в конечном итоге может привести к ликвидации всех социальных завоеваний человечества и полному отстранению государства от воспроизводственного процесса.

По мнению профессора Гарвардского университета Дэни Родрика, в глобальной экономике существует неразрешимая политическая триллемма, которая заключается в невозможности одновременного достижения трех целей – гиперглобализации, проведения демократической политики и сохранения национального государства. Для достижения любых двух целей третьей целью придется пожертвовать. Истоки трилеммы очевидны – захватив все мировые рынки, капитал, как «самовозрастающая стоимость», достиг пределов своей экспансии. Для его дальнейшей мультипликации необходимо ликвидировать непроизводительные социальные или государственные расходы, соответственно либо осуществив демонтаж социальной системы (отказ от демократической политики), либо передав полномочия регулирования экономикой всемирному правительству (отказ от национальных государств). Возможен и третий вариант – деглобализация – однако для его осуществления необходимо вернуться к ограничению движения транснационального капитала и регулированию валютных курсов, что фактически будет означать конец глобальной экономики.

По сути сегодня реальное участие того или иного государства в процессах глобализации определяется количеством ТНК, находящихся в его юрисдикции. В наиболее репрезентативном рэнкинге издания

Financial Times 500 крупнейших компаний мира по размеру рыночной капитализации в 2015 г. присутствовало всего 5 российских компаний против 209 американских компаний. В 2008 г. российских компаний насчитывалось 13 против 169 компаний из США¹¹. Таким образом, начиная с 2008 г., число российских глобальных ТНК последовательно сокращается, а американских увеличивается.

Масштабы оперирования ТНК действительно достигли колоссальных размеров. По сопоставлению доходов консолидированных бюджетов суверенных государств и выручки корпораций, в 2015 г. из 200 крупнейших экономик мира только 70 были государствами, остальные – ТНК. В период 1990–2015 гг. абсолютный размер добавленной стоимости, произведенной иностранными филиалами ТНК, увеличился в 9 раз (на 897%), их совокупные активы выросли в 27 раз (2717%). Для сравнения, размер мирового ВВП за указанный период возрос в 3 раза (328%), а мировой экспорт товаров и услуг – в 5 раз (482%). В ТНК занято немногим больше 2% мировой рабочей силы, что приводит к колоссальному диспропорциональному распределению финансовых ресурсов.

Например, объем выручки крупнейшей нефтегазовой компании США *Exxon Mobil* в 2015 г. составил 268 млрд. долл., в то время как доходы бюджета суверенного государства Украина равнялись 38.1 млрд. долл. (соотношение 7:1). В то же самое время число занятых в американской корпорации составило 77 тыс. против 42.5 млн. жителей Украины (соотношение 1:566). И хотя с точки зрения методологии данный пример не совсем корректен, тем не менее, он четко демонстрирует сравнительную эффективность (предельную полезность) «человеческого капитала» (т.е. выявляет количество «ненужных людей»). Таким образом, свободное международное движение капиталов ведет к непропорциональному перераспределению богатства от суверенных государств к транснациональным корпорациям.

Главным инструментом глобального неэквивалентного обмена выступает политика заниженного валютного курса. Следует напомнить, что до разрушения СССР соотношение валютного курса советского рубля составляло 60 копеек за 1 доллар США. С тех пор валютный паритет рубля к доллару снизился более чем в 100 раз в ущерб российской экономике (в настоящий момент обменный курс 1 доллара США составляет около 60 российских рублей). Такое занижение курса рубля ведет к тотальной дискриминации российских производителей и

¹¹ FT Global 500. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/1fda5794-169f-11e5-b07f-00144feabdc0>

потребителей, которые несут колоссальные реальные убытки на мировом рынке, с учетом того, что доллар США является основной валютой международных расчетов.

Вопреки тому, что еще в 1970-х гг. доллар утратил официальный статус резервной валюты и соответствующие изменения были внесены в устав МВФ благодаря содействию МВФ и ВПК США доллар по факту превращен в мировые деньги. При этом прерогатива производства долларов как мировой валюты по-прежнему принадлежит исключительно ФРС, находящейся в национальной юрисдикции США. Рубль, несмотря на гигантский экономический потенциал России (включающий первое место в мире по запасу сырьевых ресурсов), не воспринимается мировым сообществом как адекватный эквивалент стоимости данного потенциала (спрос на российский рубль как на валюту для осуществления международных финансовых сделок в 450 раз ниже соответствующего спроса на доллар США).

Таким образом, главным субъектом современной глобальной экономики выступает не человек и даже не государство, а транснациональный капитал. И хотя сам капитал является космополитическим по своей сути, привила его глобального обращения имеют англосаксонское происхождение. Процесс трансформации капитала в главный субъект глобализации происходил в два этапа. Первый этап (1770–1970 гг.) характеризовался революциями в сфере производства и финансов. Родиной обеих революций стала Англия. Промышленная революция позволила впервые объединить мир в единую систему торговли и коммуникаций. Централизация денежно-кредитного обращения (осуществленная с созданием Банка Англии в 1694 г.) поставила государства в прямую зависимость от частных капиталов. Золотой стандарт (впервые введенный в Англии) сделал возможным появление такого понятия как «резервный актив» – универсального средства подведение всех стран мира под единый стандарт регулирования дисбалансов в мировой торговле. Теории свободного рынка А. Смита и Д. Рикардо обосновали преимущества международного разделения труда. Империализм создал прецедент для навязывания правил и внешнего контроля со стороны развитых стран всему остальному миру. Институционально система внешнего управления суверенными государствами была закреплена с появлением международных финансовых организаций (Банка международных расчетов, МВФ, Всемирного банка), учрежденных по инициативе англосаксов. Рынок евродолларов, организованный в Лондоне с 1950-х годов, позволил вывести доллар из сугубо американской юрисдикции, придав ему характер офшорной валюты.

Второй этап глобокапитализма начался в 1980-х годах и продолжается по сей день. Его отличительной чертой является информационная революция, сопровождавшаяся дерегуляцией финансовых рынков, в результате чего были сняты ограничения на международное движение капиталов и упразднен контроль над режимами валютных курсов. Одновременно в Англии была проведена большая приватизация (послужившая примером для других стран мира), вследствие чего ключевые производственные активы перешли в частную собственность. Оффшорные юрисдикции (многие из которых находятся под британским контролем) превратились в мощные перераспределительные центры для глобальных капиталов. Наиболее востребованным в проведении транснациональных сделок на финансовых рынках стало англо-американское общее право. Благодаря англосаксонскому влиянию возникли также и такие современные институты, как международные стандарты финансовой отчетности, государственно-частное партнерство, контр-циклическая политика, таргетирование инфляции, которые последовательно усиливали приоритет частных капиталистических интересов над целями государственного и социального развития. И наконец в 1980-х годах британец Тим Бернес Ли изобрел Всемирную паутину, окончательно лишившую государства контроля в сфере информационной политики¹². При помощи этого виртуального ресурса сегодня осуществляется перестройка глобального человеческого сознания под непротивление глобокапитализму, а по сути *расчеловечиванию* социума.

Все глобальные потоки капитала сходятся и расходятся в международной финансовой системе – основе глобокапитализма. Англосаксонское доминирование в этой системе беспрецедентно. По данным, опубликованным в августе 2016 г., доли США и Великобритании в различных сегментах мирового финансового рынка составляли, соответственно: финтех – стартапы (66% и 10%), частный выпуск акций (66% и 9%), активы хедж-фондов (67% и 10%), управление активами (57% и 6%), инвестиционный банкинг (39% и 5%), рынок акций (52% и 6%), процентные деривативы (23% и 49%), межбанковские кредиты (18% и 20%), морское страхование (6% и 29%), межбанковский валютный рынок (19% и 41%).

¹² Сама технология Интернета, как объединения компьютерных сетей для хранения, передачи и управления электронными данными, была разработана еще в конце 1960-х годов и в США, и в СССР. Однако именно Тимоти Бернерс Ли в 1980-х гг. разработал прототип прикладного уровня передачи данных (HTTP), а также язык разметки гипертекста (HTML), при помощи которых и создается большинство веб-страниц.

В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование “Сеть глобального корпоративного контроля”. Его авторы проанализировали структуру собственности 43 000 транснациональных корпораций и выделили из них супер-группу, состоящую из 147 тесно связанных корпораций, которые контролируют 40% остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 компаний с наивысшим глобальным контролем 27 компаний американские и 7 британские, а возглавила весь список английская компания *Barclays plc*, признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира.

Помимо контроля мирового финансового рынка и ТНК, США имеют наибольшую долю капитала в ведущих межправительственных финансовых организациях: МВФ, Группе Всемирного банка, ЕБРР, Межамериканском банке развития, Азиатском банке развития (одинаковая доля капитала с Японией). США подконтрольны три ведущие рейтинговые агентства мира *Standard and Poor's*, *Moody's*, *Fitch Ratings*. В настоящее время практически ни один потенциальный участник мирового финансового рынка не может получить доступ на рынок капиталов без получения рейтингов от этих агентств, на которые приходится 95% мировых кредитных рейтингов. Доллар по-прежнему остаётся важнейшей валютой цены¹³ во внешнеторговых контрактах и основной валютой расчётов в международной торговле. В долларе также деноминировано более половины мирового рынка долговых ценных бумаг, международных кредитов и депозитов, а также официальных валютных резервов. В свою очередь в Лондоне ежедневно рассчитывается ставка предложения по межбанковским депозитам – ЛИБОР (*London Interbank Offered Rate*), – самая важная ставка в мире международных финансов, на которую ориентированы финансовые продукты общей стоимостью около 800 трлн. долл.

Система капитализма может и отвечает в наибольшей мере несовершенной природе человека, но она является крайне нестабильной. Альтернативой капитализма выступил опыт строительства социализма в СССР, опровергнувший теорию циклического развития экономики. В СССР был поставлен рекорд устойчивого роста, который непрерывно продолжался с 1928 года до начала 1980-х годов со средним темпом в 4,2% в год. Благодаря системе планового хозяйства уже к концу XX века СССР мог бы стать крупнейшей экономикой мира, которая базировалась бы на реальном материальном, а не фиктивном информаци-

¹³ Денежная единица, в которой выражена цена товара во внешнеторговом контракте; называется также валютой сделки.

онно-финансовом производстве. Доказательством этому служили достижения в УССР.

Благодаря синергетическому эффекту советской экономической модели и мобилизации скрытого потенциала русской цивилизации в послевоенный период Украина (до этого не имевшая своей государственности) была превращена в мирового промышленного гиганта. Здесь были построены крупнейшие в мире предприятия (Запорожсталь, Коммунар, Криворожсталь, Азовсталь, Днепрогэс, Харьковский тракторный завод, Луганский паравозостроительный завод и пр.). В 1970 г. удельный вес УССР в народном хозяйстве СССР в среднем по всем отраслям составлял 22,8%. По физическому объему выпуска промышленной продукции в 1970-х годах УССР могла быть условно сопоставима с Францией. В 1980-х годах ООН включила УССР в группу *сверхразвитых* промышленных государств. Украина являлась лидером передовых технологий, в частности в ракетно-космической отрасли, приборостроении, судостроении, электротехнической промышленности, кибернетике. Советская республика обладала третьим ядерным потенциалом в мире. На территории Украины действовало 700 оборонных предприятий, дававших 30% общесоюзного ВПК. Республика была всесоюзной житницей и уникальным морским курортом. За счет присоединения западных областей и передачи Крыма площадь ее территории увеличилась на 136 тыс. кв. км. В 1970 г. национальный доход на душу населения превысил доходы на душу населения Италии. В 1990 г. ВВП на душу населения украинской советской республики все еще на 11% превышал среднемировые показатели.

После разрушения СССР благосостояние Украины резко снизилось. К концу 2016 г. Украина из первой десятки стран по объему промышленного производства переместилась в седьмой десяток (66 место), а по размеру ВВП на душу населения оказалась на 131 месте в мире. Таковы катастрофические последствия интеграции Украины в систему глобокапитализма и перекачивания из этой когда-то образцовой советской республики ресурсов в пользу транснационального капитала.

Ситуация в России пока выглядит лучше, однако снижение мировых цен на энергоносители, введение экономических санкций и девальвация рубля значительно подорвали позиции страны в мировых рейтингах в 2015–2016 гг. Учитывая колоссальную заинтересованность транснационального капитала в усилении эксплуатации России, не исключено дальнейшее снижение веса российского государства на мировой арене. Будучи крупнейшей страной в мире по размеру территории

и запасу сырьевых ресурсов, Россия имеет крайне слабое влияние на правила игры глобальной экономики, являясь ее «добровольным» заложником.

Украина – это зеркало, одинаково хорошо отображающее периоды могущества и беспомощности России. Сегодня отражение в этом зеркале требует от России напряжения всех своих сил для выработки эффективных мер противостояния глобокапитализму. Как показывает опыт Украины, времени для этого осталось немного.

Причины краха советской экономики до сих пор четко не определены, но одна из них заключалась в том, что качество и количество произведенной продукции перестали удовлетворять потребностям большинства населения. В условиях многократно возросших объемов информации учитывать запросы населения в ручном режиме стало просто невозможно. Необходимо было переходить на научный анализ потребностей с широким использованием ЭВМ для обработки информации и уже на его основе планировать производство. Нежелание и неспособность руководства страны осуществить данный непростой переход в конечном итоге привели к краху СССР. Второй причиной дезинтеграции СССР стало несоблюдение главного провозглашенного принципа социализма: «от каждого по способностям, каждому по труду». Перекосы уравниловки привели к тому, что труд рабочих оценивался выше труда инженеров, врачей, ученых и деятелей искусств. Большинство советских граждан получали от системы гораздо больше, чем могли ей дать, в то время как вклад наиболее способных и талантливых людей в развитие народного хозяйства вознаграждался, как правило, по остаточному принципу.

Создание Таможенного союза (ТС) по примеру Европейского Союза (ЕС) не в состоянии само по себе изменить колониальный статус России и других бывших советских республик в глобальной экономике. Необходимо сделать грамотные выводы из печальной участи ЕС, павшего жертвой глобализации. В данной связи важным представляется наблюдение украинского исследователя В.Д. Пихоровича, который, в частности, отмечает: «...нет никакой противоположности между ЕС и ТС, поскольку Россия, точно также, как и ЕС, как и Украина, давно интегрирована в мировую систему капитализма ... функционирующую по закону беспощадной конкуренции ... между монополиями и государствами».

Сегодня нужно твердо осознать, что для противодействия дальнейшему втягиванию России в систему глобокапитализма восстановление интеграционных связей в рамках Евразийского экономического союза является необходимым, но далеко недостаточным условием. Для

сохранения государственности и возрождения целостности русской цивилизации Россия должна идти своим собственным путем развития и отвечать на вызовы глобализации нестандартно, например, используя закрывающие технологии.

В научной литературе термин “закрывающая технология” имеет самые различные интерпретации. В нашем случае под этим термином подразумевается такая система управления народным хозяйством, которая позволяет радикально снизить издержки воспроизводственного процесса за счет изменения целевых установок функционирования социума – от материального (информационного) накопительства (перепроизводства) в сторону всестороннего духовного развития человека (удовлетворения психофизических потребностей) – и достижения на этой основе расширения реального (а не виртуального) жизненного пространства человека.

Успех внедрения закрывающих технологий зависит от того, в какой мере приоритет развития человеческих способностей возьмет вверх над приоритетом развития искусственного интеллекта. Прежде всего, необходимо, чтобы информационные технологии были реально, а не декларативно поставлены на службу человеку. Модель такого перехода была предложена еще в 1970-х годах основателем советской кибернетики академиком АН СССР В.М. Глушковым. Посредством общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством (ОГАС) В.М. Глушков предложил объединить системы управления экономикой с вычислительными системами, чтобы перевести всю существующую экономическую информацию в компьютер для ее обработки в режиме реального времени. Советский ученый связывал возрастающую кризисогенность мировой экономики с появлением с 1930-х годов так называемых *информационных барьеров*, когда товарно-денежные отношения и существующие управленческие иерархии больше не в состоянии были обеспечивать необходимый уровень информации для эффективного управления. Чтобы поддерживать советскую экономику на том уровне эффективности, который был достигнут в 60-е годы, необходимо было все население СССР превратить в бухгалтеров. Суть ОГАС состояла в том, чтобы не использовать отдельные компьютеры на отдельных предприятиях, а создать целостную систему на основе единой государственной сети вычислительных центров, которая бы обеспечивала автоматизированный сбор и обработку экономической информации. По мнению В.М. Глушкова, ОГАС позволял решить эту проблему, однако, на специфической политэкономической основе.

Во-первых, новый уровень управления должен был строиться не на основе товарно-денежных отношений, а на основе научного расчета баланса потребностей в обществе и его членов и ресурсов для их удовлетворения. ОГАС как система управления экономическими процессами должна была быть органически связана с автоматизированными системами управления технологическими процессами.

Во-вторых, целью производства является удовлетворение потребностей как общества в целом, так и отдельных его членов. Таким образом, цели развития общества лежат вне экономики. Экономика только инструмент для достижения целей.

В-третьих, целое имеет приоритет над частями. Частичные цели должны быть подчинены целям глобальным. Общественные интересы должны превалировать над индивидуальными и групповыми. ОГАС предполагает полное раскрытие информации всеми хозяйствующими субъектами и несовместима с монополиями, коммерческой тайной, коммерческими интересами, межфирменной конкуренцией и частной собственностью на средства производства как таковой.

В-четвертых, необходимо построение долгосрочного экономического прогноза развития общества, основанного на обеспечении как материального, так и психологического комфорта. Психологический комфорт играет не менее, а может быть даже более важную роль, чем комфорт материальный. Психологический комфорт включает в себя: чувство удовлетворения от достижения тех или иных общественных или личных идеалов и борьбы за их осуществление, чувство безопасности и уверенности в будущем, возможность удовлетворения естественной любознательности человека и чувство прекрасного в результате развития науки, культуры и средств информации, способов согласования интересов всего общества с интересами отдельных его членов и т.п. По мнению В.М. Глушкова, именно подмена главной цели производства при социализме – создания условий для всестороннего развития человека – целями достижения высоких показателей производства самого по себе, в том числе и таких показателей как рост материального благосостояния граждан, и привела социализм к краху.

Важно осознавать, что в современной экономической системе *объект и субъект* управления поменяли местами. Человек, национальная экономика и национальное общество выступают объектом, подсистемами (секторами) глобального рынка, на котором безраздельно господствует олигополистический транснациональный капитал, подчиненный англо-американскому мир-системному ядру. Цель всестороннего развития человека на основе удовлетворения его материальных и психо-

логических потребностей подменена неограниченной анархией производства и потребления, результатом чего выступают перманентные кризисы товарно-денежного перепроизводства. Автоматизированный субъект управления в виде алгоритмизированной торговли пробрался в самое сердце рыночной экономики – на биржу. Неуправляемые информационные технологии грозят техногенной катастрофой, способной ввергнуть человечество в состояние средневекового варварства.

Евразийское пространство является наименее интегрированным в процессы финансовой глобализации и исторически обладает наиболее сильным иммунитетом против расчеловечивания глобального социума. Возможно, именно поэтому оно наиболее приспособлено для того, чтобы выступить в авангарде возврата мировой цивилизации на траекторию *приоритетного развития человека*, а не искусственного интеллекта.

С проектом ОГАС непосредственно связана другая идея В.М. Глушкова – двухсекторальная система денежного обращения в сфере распределения. Советский ученый учитывал, что для реализации проекта ОГАС необходимо сначала разделить денежное обращение в сфере распределения на два сектора, в одном из которых обращались бы только «честные» деньги, а в другом – все остальные. Для этого он предложил создание специальных банков, на личные счета в которых будут перечисляться деньги только от официальных организаций в виде вознаграждения за труд людей. Снять наличные со счета возможно, но внести наличные – нет. Таким образом, исключается попадание в данный кругооборот заработков частных и сомнительных. Из первого «официального» круга деньги могут попадать во второй круг, достаточно снять часть своего заработка с банковского счета, а вот со второго круга в первый нет. Путем четкого разделения обращения «честных» и «скользких» денег возможно постепенно ликвидировать «теневой» сектор. Регулирования потребления товаров, не являющихся предметом первой необходимости, можно было бы добиться с помощью электронно-вычислительной техники реальных потребностей людей и научного анализа их пожеланий, а также путем создания и развития потребительских ассоциаций по месту жительства. Таким образом, человека можно было бы высвободить из оков потребительского рабства, навязанного рекламодателями.

Алгоритмом перехода средств производства из частной в общественную собственность служит опыт советской индустриализации. Ее основу составляла государственная валютная монополия и двухконтурная система денежного обращения. Государство регулировало обменный курс национальной денежной единицы и полностью контролировало

источники поступления и направления использования валютных средств, не допуская их вовлечения в фиктивную (спекулятивную) экономику, как это происходит сегодня. Экономика разделялась на производство средств производства (группа отраслей А) и производство предметов потребления (группа отраслей Б). Причем наличные расчеты использовались только в сфере производства предметов потребления, в то время как группа отраслей А функционировала исключительно на основе безналичных расчетов. В производстве средств производства деньги выступали условной единицей, с помощью которой происходило распределение ресурсов в экономике, их учет и контроль. Средства производства не имели товарного статуса, не служили предметом свободной купли-продажи, а, следовательно, не могли быть превращены в капитал как средство извлечения прибыли и получения нетрудовых доходов. Такая система позволяла предприятиям фокусироваться на решении реальных производственных проблем (а не фиктивных финансовых). Целью производства было не получение прибыли, а снижение материальных и трудовых затрат на производство единицы продукции, что и позволило СССР создать самодостаточную экономику.

Другим примером закрывающей технологии является реформирование монетарной системы на основе трудовой стоимости товаров. Эта идея предложена шотландским специалистом по информатике П. Кокшоттом и американско-шотландским экономистом Э. Коттреллом. Данная система предполагает передачу государству функций контроля и корректировки объемов производства с целью приведения цен того или иного хозяйствующего субъекта в соответствие с фактическими объемами производства. Эквивалентом зарплаты в модели выступают «трудовые жетоны», которые выплачиваются работающим пропорционально объему выполненного ими труда за вычетом фиксированного налога, необходимого для покрытия расходов на государственные услуги. Самая сложная часть модели – расчет стоимости одного часа труда. Однако благодаря мощности современных компьютеров обновление списка трудовой стоимости товаров становится возможным на ежедневной основе, а подготовка перспективного плана – на еженедельной. Цены на товары устанавливаются в «цифрах трудового времени», что позволяет людям выбирать товары ближе к их настоящей стоимости. Таким образом, выбор потребителей превращается в механизм выдавливания прибыли из системы. Банки перестают быть инструментами для накопления капитала. Эта функция переходит государству через механизм прямого налогообложения. Таким образом, происходит нейтрализация субъекта финансового капитализма.

Глобализация трансформирована из объективного в субъективный процесс. Субъектом глобализации выступает транснациональный финансовый капитал, подконтрольный англо-американскому корпоративному (мир-системному) ядру. Социально-экономический упадок на постсоветском пространстве обусловлен отсутствием эффективных инструментов контроля субъекта глобализации. В информационный век изолироваться от глобализации невозможно, поэтому необходимо создать систему сдерживания субъекта глобализации путем объединения как можно большей территории (Евразийский Союз) и внедрения на этой территории закрывающих технологий. Эти технологии, в силу своих способностей приводить производство в соответствие с потребностями, а цены товаров в соответствие со стоимостью труда, предполагают переход от фиктивных целей глобализации (финансомика, максимизация прибыли) к реальным (всестороннее развитие и удовлетворение потребностей человека).

Доклад хотелось бы закончить словами А. Эйнштейна: «Вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните, то же мышление и тот же подход, который привёл вас к этой проблеме».

Истоки и его последствия

Нуреев Рустем Махмутович ИСТОКИ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Соперничество в капиталистической мир-экономике

В соответствии с концепцией Иммануила Валлерстайна капитализм развивается не как совокупность национальных экономик, а как мировая система¹⁴.

Капиталистическая мир-система (КМС) делится на три зоны: ядро, периферию и субпериферию. Отношения между зонами неравноправны – страны ядра угнетают и эксплуатируют периферию. КМС развивается в едином ритме циклов Н.Д. Кондратьева. Между странами ядра идет борьба за лидерство. Голландия доминировала в XVII в., Великобритания захватило лидерство в XIX в., а после Первой и Второй мировой войны лидерство в XX в. перешло США (см.рис.1).

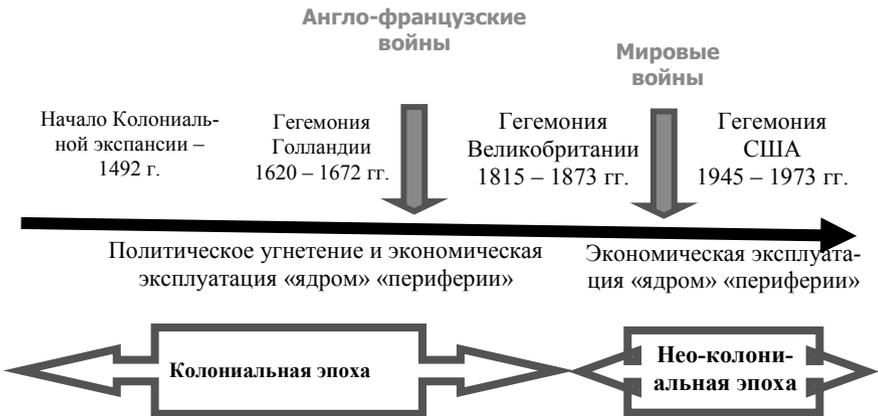


Рис. 1. Эволюция капиталистической мир-экономики в XV–XX вв.

В ходе развития мировой капиталистической системы действует закон неравномерности экономического и политического развития. Его действие особенно ярко проявилось в конце XIX – начале XX века, когда молодые капиталистические страны Германия и США стали развиваться более быстрыми темпами. Темпы роста промышленного произ-

¹⁴ Wallerstein I. The Modern World-System. T. I. 1974; T. II. 1988; T. III. 1989

водства в Германии в 1880-1900 опережали темпы развития Франции более чем в 2 раза и темпы развития Великобритании более чем в 3 раза (см. табл. 1). И хотя в начале XX века они несколько снизились, но по-прежнему были заметно выше, чем в старых центрах капитализма.

Таблица 9

Темпы роста промышленного производства, %

	1860–1880 гг.	1880–1900 гг.	1900–1913 гг.
Великобритания	2,4	1,7	2,2
Франция	2,4	2,4	3,7
Германия	2,7	5,3	4,4

Источник: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998. С. 284.

В результате, по добыче угля Германия догнала Великобританию уже перед Первой мировой войной, а по выплавке стали – превосходила её более чем в 2 раза (см. табл.2). Поскольку молодые капиталистические страны опоздали к разделу мира, стремление осуществить его передел стало одной из главных причин Первой мировой войны.

Таблица 10

Доля стран в мировом производстве и торговле, %

	Добыча угля		Выплавка стали		Мировая торговля	
	1881-1890	1911-1913	1881-1890	1911-1913	1886-1890	1909-1913
Великобритания	39	22	32	10	20	16
Франция	5	3	7	6	11	9
США	26	38	31	42	11	12
Германия	18	20	18	23	12	14

Источник: Новые материалы к работе В.И. Ленина «Империализм...». М., 1935. С.185, 187, 189.

2. Первая мировая война и её экономические последствия

В ходе Первой Мировой войны происходит стремительное огосударствление экономики воюющих стран. Война оказалась чрезвычайно долгой и разрушительной. Это стало неожиданностью для всех воюющих стран. Дело в том, что опыт прошлых войн (франко-

прусской, балканских) заставлял ожидать обратного. Однако достигнутый высокий уровень военной техники не позволял получать быстрых военных успехов на фронтах Первой Мировой войны.

Для мобилизации ресурсов правительства воюющих стран вынуждены были отказаться от рыночных методов регулирования экономики в пользу командных. В Германии и Великобритании этот процесс охватил как отрасли промышленности, так и сельского хозяйства.

В Германии уже в августе 1914 г. был создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве, а в 1915 г. началось принудительное с индустриализацией отраслей (угольной, обувной, табачной и др.). С 1916 г. стал реализовываться «план Гинденбурга». В Великобритании с 1914-1915 гг. начинается введение госконтроля на транспорте и военных заводах, в 1915 г. создается министерство вооружений, а в 1917 г. вводится госконтроль над угольной промышленностью (см. табл. 3).

Огосударствление коснулось и сельского хозяйства. В Германии в феврале 1915 г. была введена хлебная норма, а в 1916 г. – карточки на продукты и одежду, началась «продразверстка». В Великобритании с 1916 г. началось нормирование продуктов, а в 1917 г. была введена государственная закупка сельскохозяйственной продукции. В 1917 году паёк солдата был рассчитан: германского на 2500 калорий в день, британского на 3800, а американского на 4200.

Таблица 11

Командные экономики военного времени (1914–1918)

Направления огосударствления экономики	В Германии	В Великобритании
Огосударствление промышленности	Август 1914 г. – создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве. 1915 г. принудительное индустриализация (угольная, обувная, табачная промышленность и др. отрасли) 1916 г. – «план Гинденбурга».	1914-1915 гг. – введение госконтроля на транспорте и военных заводах. 1915 г. – создание министерства вооружений 1917 г. – введение госконтроля над угольной промышленностью
Огосударствление сельского хозяйства	Февраль 1915 г. – введена хлебная норма. 1916 г. – введены карточки на продукты и	1916 г. – нормирование продуктов. 1917 г. – введена гос. закупка с/х продукции.

Направления огосударствления экономики	В Германии	В Великобритании
	одежду; началась «продразверстка».	
Милитаризация труда	Декабрь 1916 г. – введена труд. повинность для мужчин 17-60 лет.	Июнь 1915 г. – закон «О военном снабжении» (запрет стачек и др.)

Важной чертой огосударствления экономики стала милитаризация труда. В июне 1915 г. в Великобритании был издан закон о закон «О военном снабжении» (запрет стачек и др.). Еще дальше пошла Германия, где в декабре 1916 г. была введена трудовая повинность для мужчин 17-60 лет¹⁵.

Перед войной (в 1914 г.) США имели чистый долг перед странами Западной Европы в 3 млрд. долл.: 5,5 млрд. – инвестиции европейцев в американские ценные бумаги, 2,5 млрд. – капиталы США в др. странах).

К 1919 г. США впервые стали чистым кредитором. Великобритания была чистым кредитором до войны, но отказ России платить долги превратил ее в должника. Германия и др. проигравшие страны не имели долгов, т.к. не имели доступа к основному рынку капитала (США), но должны были заплатить огромные репарации¹⁶.

Таблица 12

Сальдо долгов и количество погибших

СТРАНЫ	Внешний долг, млрд. ф. ст.*			Количество погибших, млн. чел
	Актив	Пассив	Баланс	
США	1,9	0	1,9	0,04
Великобритания	1,7	0,8	0,9	0,49
Франция	0,4	1,1	-0,7	0,98
Россия	0	0,8	-0,8	1,7

* Источник: Keynes J.M. The Economic consequences of the peace. Edinburg, 1919. P. 254.

После войны союзники должны были США 10,4 млрд. долл. К 1921 году европейская задолженность США достигла 15 млрд. долл.

¹⁵ Harrison M, Broadberry S *The Economics of World War I*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.

¹⁶ Keynes J.M. The Economic consequences of the peace. Edinburg, 1919. P. 254.

По абсолютным величинам, и прежде всего, по количеству погибших Россия занимает первое место (см. табл.4). Однако, Россия обладала огромными людскими ресурсами, поэтому **относительные потери России** по сравнению с другими странами выглядят более скромными. Доля мобилизованных мужчин в возрасте 15-49 лет в России была наименьшей. Она составляла всего 39%, от мужчин данной возрастной группы, тогда как в Англии – эта доля составляла 50%, в Италии 72%, в Австро-Венгрии 74%, во Франции – 79%, а в Германии даже 81%. Поэтому на каждую тысячу мобилизованных в России приходилось лишь 115 убитых и умерших, тогда как в Австрии – 122, в Англии – 125, в Германии – 154, а во Франции даже 168 человек. На каждую 1000 мужчин в возрасте 15-49 лет Россия потеряла 45 человек, тогда как Англия – 62, Австрия – 90, Германия – 125, а Франция – 133¹⁷.

В результате Первой мировой войны происходят качественные изменения в капиталистической мир-системе. Они выразились

– **в начале смены лидерства в ядре**: ослаблении Великобритании, возвышении США;

– **в вызове странам ядра со стороны периферии**: образовании Советской России, усилении Японии, подъеме национально-освободительных движений (Турция, Мексика, Индия) и

– **в переходе к смешанной экономике**: росте государственной собственности, усилении государственного регулирования экономики.

Остановимся на последнем вопросе немного подробнее.

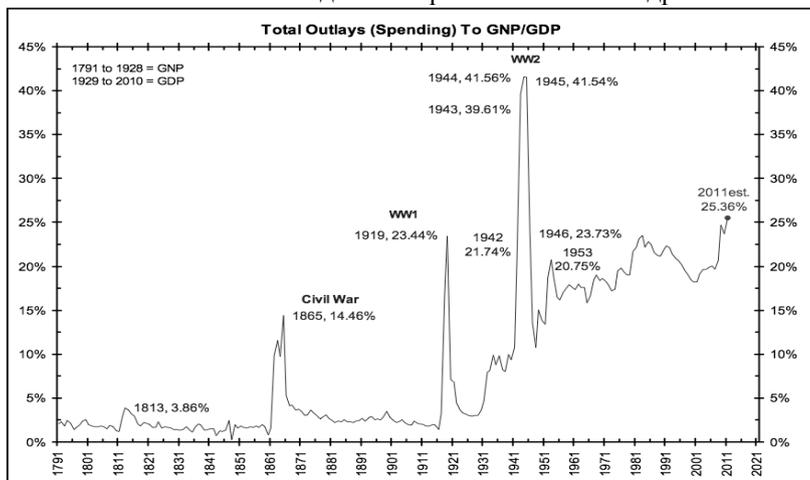


Рис. 2. Расходы Правительства США с 1791 по 2011 г. (в% к ВВП/ВВП)

Источник: www.ritholtz.com/blog/2011/07

¹⁷ Волков С. В. Забытая война. Статья. Сайт историка С. В. Волкова <http://www.swolkov.org/publ/27.htm> (2004).

3. Переход к смешанной экономике

Переход к смешанной экономике привел к тому, что во всех странах мира и, прежде всего, в США и Великобритании усилилось вмешательство государства в экономику. На рисунке 2 показана динамика расходов Правительства США с 1791 по 2011 г. Каждая крупная война (Гражданская, Первая и Вторая мировая война) способствовали заметному росту государственных расходов. Они поднимаются как бы на новый уровень и вернуть их к прежнему, несмотря на многочисленные попытки, оказывается фактически невозможно. Если до гражданской войны расходы правительства (за исключением англо-американской войны 1812–1815 годов) не превышали 2%. То после Гражданской войны (во время которой в 1865 они составили 14,46%) расходы поднялись почти до 4%. После Первой мировой войны (к концу которой в 1919 году расходы составили 23,44%) они опять поднялись на новый уровень, который подстегнула Великая депрессия. После Второй мировой войны они поднялись на новый уровень.

Ещё большее влияние оказали Первая и Вторая мировые войны на динамику расходов правительства Великобритании (см. рис.3). Если до Первой мировой войны они, как правило, не превышали 18-19%, то после войны были уже на уровне 27–28%. Следующим существенным подъёмом стала Вторая мировая война, после которой расходы уже колебались вокруг 40% отметки.

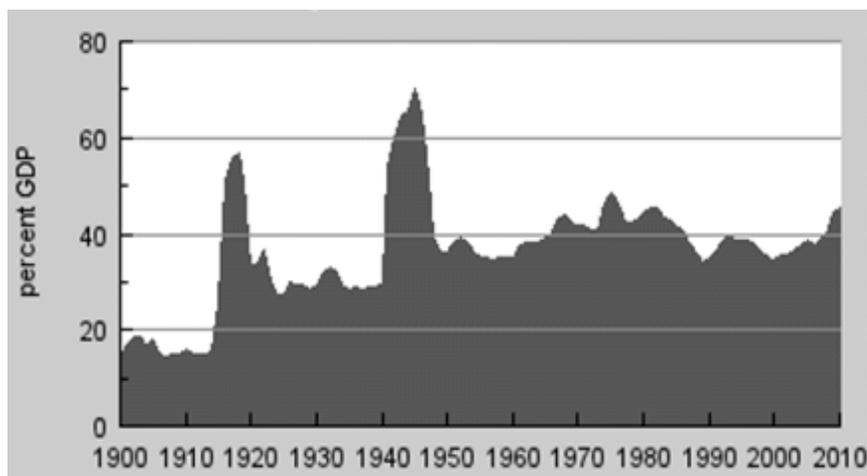


Рис 3. Расходы Правительства Великобритании с 1900 по 2010 г. (в% к ВВП)
Источник: www.ukpublicspending.co.uk

Уинстон Черчилль назвал период с 1914 по 1944 г. «второй тридцатилетней войной», подчеркивая тем самым зависимость между изменениями, произошедшими в годы Первой мировой войны, годами Великой Депрессии и Второй мировой войны¹⁸. Следствием неравномерности экономического развития в начавшемся процессе глобализации и либерализации стала первая мировая война. Попытка восстановить монетарную систему, разрушенную в годы Первой мировой войны, привела к Великой Депрессии, а она, в свою очередь, к развитию нацизма и Второй мировой войне. Основными чертами существовавших до Первой мировой войны финансовых систем было:

- множество частных коммерческих банков;
- финансируемая, в основном экспортом, открытая экономика;
- приверженность золотовалютному стандарту;
- ограниченное влияние государства;
- отсутствие глобальных финансовых институтов.

Результатом желания государства защитить банки от различных рисков стало создание неустойчивой банковской системы и, как следствие, рост бедности и экономическая нестабильность, ярким проявлением которой стала высокая инфляция. Все это способствовало разрушению той институциональной базы, на которой основывалась прежняя мировая экономика.

Появление трех центральных банков (федеральной резервной системы, европейского центрального банка и банка Японии) способствовали существенному уменьшению уровня инфляции. Изменение в регулировании банковской системы, национализация центральных банков и ограничение их функций, а так же защита банков от риска, как обязанность государства, начавшаяся в США в 1934 году, постепенно распространилась по всему миру. Монетарная политика, как в США, так и во всем мире потеряла свою ориентированность на долгосрочный период. Попытка реализовать Бреттон-Вудское соглашение привела к рождению Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка, которые стали активными участниками формулировки решения макро- и микроэкономических проблем как в развитых, так и в развивающихся странах. Тем не менее, нестабильность Банковского сектора привела к замедлению развития. Поддержка МВФ способствует тому, что неплатежеспособные и рискованные банки заимствуют средства, что привело к кризисам в Мексике, ряда азиатских стран и России. Были ли возможны такие институ-

¹⁸ History Matter: Essays on Economic Growth, Technology, and Demographic Change. Ed. by William Sundstrom, Timothy Guinnane, Warren Whatley. Stanford University Press; First edition, 2003.

циональные изменения в 1914-1944 г.г.? Предложение золота настолько ограничено, что даже без влияния этих шоков от политики золотомонетного стандарта пришлось бы отказаться. Сторонники политического детерминизма полагают, что нарушение обязательств долгосрочной монетарной политика является неминуемым результатом распространения демократии и ее давления на политическую жизнь общества.

Страхование вкладов, изменение роли банковской системы по всему миру, создание МВФ и Всемирного Банка были институциональными изменениями, причинами которых являлись шоки. Несомненно, что финансовые институты, существующие в современном мире, во многом были определены особой историей так называемой второй 30-ней войны.

Следует подчеркнуть, что финансовая система, сложившаяся после 1914-1944 гг. не статична. Все меняется в современном мире в условиях обостряющихся процессов глобализации. Некоторые реформы в современной экономике сложно не только предсказать, что и определить. Но, возможно, именно они станут теми шоками, которые повлияют на экономическую историю в будущем.

Опыт первой мировой войны и попыток выйти из Великой депрессии означал начало перехода от чисто рыночной экономики к смешанной и оказался чрезвычайно заманчивым для большевиков при строительстве новой экономики в Советской России.

4. Военный коммунизм

Еще до революции, в сентябре 1917 года, В. И. Ленин формулирует основные принципы, ведущие к огосударствлению экономики. В условиях надвигающегося голода и полной бездеятельности правительства он выдвигает идеи национализацию банков, синдикатов, отмены коммерческой тайны, принудительного объединения в союзы, государственно регулирование потребления. Тем самым создаются предпосылки для будущего социалистического огосударствления экономики под предлогом борьбы с финансовым крахом.

Неслучайно, что после Октябрьской революции 1917 года, была предпринята прямая попытка к переходу к военному коммунизму. "Военный коммунизм" представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране "средне-слабого" капитализма. Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, создан-

ных первой мировой и гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Военный коммунизм покоился на двух китах централизованной продовольственной диктатуре и милитаризации труда.

Централизованная продовольственная диктатура выразилась в Декрете о продразверстке, согласно которому, крестьян обязали сдавать государству «излишки», т.е. все, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых ему для посева и еды. Наркомпрод распределял собранное продовольствие и сельскохозяйственное сырье по губерниям.

Милитаризация труда выражалась в том, что мобилизованным оказалось все взрослое население страны. Призыву подлежали мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет; Детский труд (с 14 лет) использовался как исключение; Женщины с четырьмя и более детьми освобождались от всеобщей трудовой повинности; Мобилизация осуществлялась по годам рождения, через биржи труда и специальные агентства Главкомтруда¹⁹. Однако, с самого начала возникло дезертирство. На IX съезде РКПб Л.Д. Троцкий говорил о том, что из 1 150 тысяч рабочих 300 тысяч уже дезертировали²⁰. Главной причиной дезертирства была низкая оплата труда. Лишь в Москве, по данным Госкомтруда, она составляла 50% физиологического минимума, тогда как в других городах она составляла лишь 23%²¹. Она предопределила рост нелегального рыночного сектора. Поэтому, уже в условиях военного коммунизма возникает дихотомия натурального государственного централизованного сектора и партикулярного рассеянного рынка, которая стала типичной чертой социализма, а также дуализм легальной и нелегальной экономики (см. табл. 5).

Таблица 13

Двойной дуализм Советской экономики

	КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА (редистрибутивный продук- тообмен)	РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА (рыночный товарообмен)
ЛЕГАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	Плановое хозяйство	Колхозные рынки и др.
НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	“Клановый социализм”	Неформальный сектор

Источник: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под. ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 309.

¹⁹ Нуреев Р. М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) М.: КНОРУС. 2016. С. 109.

²⁰ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Росполитиздат. 1960. С. 93.

²¹ «Кульминация военного коммунизма» «Экономика и организация промышленного производства» 1989 №1 С. 172.

Политика НЭПа способствовала возрождению рыночных отношений, однако пример "военного коммунизма" не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика "военного коммунизма" показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.

5. Становление административно-плановой системы

В конце 20-х годов началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. «Чрезвычайные меры» становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело²².

В действительности же попытки повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве.

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота.

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после "военного коммунизма") насильственное свертывание товарно-денежных отношений. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои воз-

²² Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М.: Норма. Инфра-М 2017, с. 78-107.

возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 20-х годов это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием планомерной формы, но и частичной натурализацией экономики. Возникла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал "объединенным натуральным хозяйством"²³. Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возрастала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским способом производства. Проведение сплошной коллективизации привело к резкому снижению сельскохозяйственного производства (см. таблицу 6). Фактически первая пятилетка была более или менее выполнена лишь по одному показателю – размеру посевных площадей зерновых. Все качественные показатели выполнены не были. Особенно большой урон был нанесён животноводству. поголовье крупного рогатого скота сократилось на треть, а мелкого – в 2 раза. В результате, резко сократилось производство мяса, молока и яиц.

Директивное планирование фактически оказалось возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства при значительном ограничении и существенной деформации рыночных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни рыночных отношений, характерных для простого товарного хозяйства. Иным был уровень экономического развития. Тем не менее не следует забывать, что в переходный период политика приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. До известных пределов она может "абстрагироваться" от экономических закономерностей, диктуемых производственным базисом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и приводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу.

²³ См.: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1.4. Изд. М.-Л., Госиздат, 1925. С. 18.

Сельскохозяйственное производство в 1-ой пятилетке

	1928	1932/33 (по 5-лет. Плану)	1932
Все посевные площади, млн. га	113	141,3	134,4
в т.ч. посевные площади зерновых, млн. га	92,2	111,4	99,7
Валовый сбор, млн. т.			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1		6,6
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35%	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн. голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в т.ч. Коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3		43,8
Производство			
мясо, млн. т.	4,9		2,8
молоко, млн. т.	31		20,6
шерсть, тыс. т.	182		69
яйца, млрд. шт.	10,8		4,4

Новоявленная авторитарная власть находит опору в жестком централизме и мелочном администрировании. Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция контроля и учета за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народ-

нохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна крайняя гибкость в принятии и исполнении решений. Механизм адаптации к новым условиям крайне несовершенен, быстрая реакция возможна только в условиях крайней опасности. По существу, управление происходит по принципу, описанному еще в 20-е годы Л.Н. Крицманом и названному им "ударный нос и неударный хвост". "... К чему сводится наше "ударное" хозяйничанье? – писал Л.Н. Крицман. – Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. "Все на имярек". Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся вытащить "ударный" нос, обнаруживается, что увяз "неударный" хвост. Хвост медленно объявляется ударным, и история начинается с начала"²⁴.

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.), и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции. Лишь в 1960-1970-е годы происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 1980-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн. наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. При планировании от достигнутого межотраслевой баланс фактически основывается на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным.

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 80-х годов число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину-2,7-3,6 млрд., в

²⁴ Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М., Госиздат, 1921. С. 6.

том числе в центре утверждалось порядка 2,7-3,5 млн.²⁵ Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры. Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи ориентированной фактически на простое воспроизводство. Естественно поэтому, что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности 26 лет в 1989 году, превышая более чем в 2 раза, существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980-м году до 1,03 в 1989 году.²⁶ Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976-1980 годах они составляли 4,3%, то в 1981-1985-3,2%, а в 1986-1989 – всего лишь 2,7%.²⁷ Однако, если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными²⁸.

Таблица 15

Производство некоторых видов промышленной продукции в натуральном выражении 1975-1989 гг., млн. т

	1975	1980	1985	1989
Нефть, включая газовый конденсат	491	603	595	607
Уголь	701	716	726	740
Сталь	141	148	155	160
Прокат черных металлов	115	118	128	136
Железная руда	235	245	248	241
Цемент	122	125	131	140

Составлено по: Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М., Финансы и статистика, 1981. С. 156-159, 178; СССР в цифрах в 1989 году. М. 1990. С. 217, 221.

Это наглядно видно, если проанализировать не стоимостные, а натуральные показатели. Даже официальная статистика не в состоянии

²⁵ См.: Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов ЭКО, 1990, № 4. С. 49.

²⁶ СССР в цифрах в 1989 году. М., Финансы и статистика, 1990. С. 165, 200.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Подробнее см. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001, с.760-765.

была скрыть застой, который царил в основных отраслях промышленности (см. таблицу 7). Ещё в большей степени это было характерно для сельского хозяйства, где среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур колебался в 1970-е – 1980-е гг. вокруг одного и того же уровня (см. таблицу 8).

Торможению экономического развития способствовала и монополизация производств.

Процесс монополизации экономики начался уже в ходе форсированной индустриализации. Ее характерными чертами были широкое использование ручного труда, универсальной техники, опора на новое строительство.

Основным ресурсом был малоквалифицированный ручной труд, возникший в результате перелива трудовых ресурсов из деревни в город. Бывшие крестьяне и ремесленники быстро пополняли ряды рабочего класса. Этот фактор восполнял недостаток других ресурсов и определял особенности их использования. В частности, его приходилось учитывать при внедрении новой техники. Первичная индустриализация должна была широко использовать прежде всего такую технику, на которой могли работать привыкшие к простому физическому труду бывшие крестьяне. Этим условиям удовлетворяло универсальное оборудование. Оно предъявляло сравнительно невысокие требования к качеству рабочей силы и используемого сырья. Универсальное оборудование создавало предпосылки для массового производства ограниченного числа стандартных изделий.

Таблица 16

Среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур (во всех категориях хозяйства) в 1976-1989 гг., млн. т.

	1976-1980	1981-1985	1986-1989
Зерно	205	180,3	206,9
Хлопок-сырец	8,55	8,31	8,39
Сахарная свекла (фабричная)	88,7	76,4	88,9
Льноволокно, тыс. т	393	377	367
Картофель	82,6	78,4	74,4
Овощи	26,3	29,2	29,2

Составлено по: "СССР в цифрах в 1989 году". С. 235.

Индустриализация в СССР, как и во многих отстававших странах была направлена на преимущественное развитие первого подразделения, стремление создать прежде всего группу отраслей тяжелой

индустрии, как основу собственного машиностроения, собственной оборонной промышленности. В этих условиях наибольшее развитие получила не реконструкция существующих мощностей, а новое строительство. Оно было тем более необходимо, так как многие из создаваемых отраслей практически отсутствовали в царской России.

Широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран способствовали ориентации промышленности на внедрение универсальных технологий. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий. В самих технологиях не были заложены предпосылки для постоянного обновления выпускаемой продукции. Новые заводы и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические преимущества крупного производства над мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немало важным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметно "сверху", могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством.

Отрицательные последствия гигантомании не заставили себя долго ждать. Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда. Создание предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Игнорирование местных и национальных потребностей способствовало углублению дефицита товаров. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных причин инфляции. Ее углублению способствовала также ориентация на строительство предприятий первого подразделения. Неудивительно, что высокая монополизация производства затормозила в дальнейшем технический прогресс. Монопольные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись предприятия, были иного рода – они были связаны не с проблемой реализации вышеуказанной про-

дукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами: сырьем и комплектующими изделиями.

Трудности материально-технического снабжения отражаются на функционировании государственных предприятий, возникает такое парадоксальное явление, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий нарастают натурально-хозяйственные тенденции. Это выражается в том, что основное производство обрастает комплексом дополнительных и вспомогательных производств, помогающих ему преодолеть (до известных пределов) проблемы материально-технического снабжения, снять остроту обеспечения рабочих продуктами питания. В результате многие предприятия предпочитают универсальное оборудование специализированному, что приводит к росту затрат при более низком качестве продукции. Происходит как бы "вторичная" универсализация производства. Увеличение вспомогательных служб и производств способствует разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда. Главной функцией последнего становится обеспечение производства сырьем и материалами, а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняют перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок ведет к возрастанию сверхнормативных запасов, достигших к концу 1980-х годов 500 млрд. руб. Сверхнормативные запасы являются не только фактором, обеспечивающим ритмичность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ресурсом, который можно обменять на дефицитные средства производства. Развивается бартер.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретают свои самостоятельные интересы, нередко значительно отличающиеся от интересов как производителей, так и потребителей, общества в целом. Особенно наглядно это проявляется в торможении научно-технического прогресса.

Главными причинами торможения НТП были:

- 1) монопольный характер отраслевого производства;
- 2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций;
- 3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д.

В обществе не сложился экономический механизм воспроизводства, основанный на оперативном внедрении достижений научно-технического прогресса. Инициатива идет, как правило, не "снизу", а "сверху". Это приводит к тому, что нередко внедряются далеко не оптимальные варианты.

При чрезмерном огосударствлении экономики отсутствует реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой НИОКР растет число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработке приоритетных направлений в развитии науки и техники. Ускорению НТП препятствует сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. В результате 85% внедренных изобретений существует лишь в рамках одного предприятия, 14,5% на двух и только 0,5% изобретений внедрены на 3-5 предприятиях.²⁹

Многие предприятия и не заинтересованы в распространении тех достижений, которые позволяют им получать монопольные сверхприбыли. Торможение технического прогресса и сознательное ограничение производства (с тем, чтобы получить напряженный план) закономерно рождает экономику дефицита, которая наглядно демонстрирует ограниченность чрезмерного огосударствления советской экономики.

²⁹ См.: Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство. Плановое хозяйство. 1987, № 12. С. 65.

«Коллективный» Трамп: Америка в поисках выхода из глобального тупика

Пономарёва Елена Георгиевна «КОЛЛЕКТИВНЫЙ» ТРАМП: АМЕРИКА В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОГО ТУПИКА

Выборы в ведущих странах мира, тем более в США, уже давно перестали быть только их внутренним делом и являются важнейшим фактором мировой политики. Поэтому интерес к происходящему в Штатах объективен и обусловлен необходимостью аналитического осмысления ближайших и среднесрочных перспектив развития глобальной экономики, составной и неотъемлемой частью которой является Российская Федерация.

Относительно смены власти в Белом доме известный специалист по военной стратегии и геополитике, консультант Совета нацбезопасности и Госдепа США, советник Р. Рейган Эдвард Люттвак высказался предельно откровенно: «Трамп – это на 90% неизбежность американской внешней политики»³⁰. Стоить добавить – и политики внутренней, поскольку в условиях глобализации граница между ними носит пунктирный характер.

Действительно, политика американского истеблишмента последней четверти века привела к серьезным, а в ряде случаев – к катастрофическим мирополитическим изменениям. С одной стороны, государства перестали быть единственными, определяющими и системообразующими акторами мировой политики. Национальный суверенитет все чаще замещается суверенитетом корпоративным. Крупнейшие транснациональные компании, институты глобальной финансовой системы, международные сетевые сообщества превратились не только в независимых от государства игроков, но в диктаторов, определяющих потребности и возможности целых стран, в том числе США, и диктующих глобальную повестку дня.

Потенциальный конкурент США Китай, став благодаря неолиберальной глобализации экономическим гигантом, готов к геополитическому переделу, а в мусульманском мире на смену светским режимам пришли силы антимодерна. Выбранная демократами стратегия «управляемого хаоса» способствовала не только разрушению светских государств, но и рождению антисистемных сил, когда агрессия и дест-

³⁰ Люттвак Э. Трамп – не такой милый политик, как Обама. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-ne-takoi-milyi-politik-kak-Obama-18560>

рукция, архаизация и варварство, проникшие в Европу вместе с сотнями тысяч беженцев, уже не имеют границ. Политикой глобального экспансионизма Обама загнал Евросоюз в ловушку, способствовал его ослаблению и разбалансировке. Раскол американской элиты и поддержка Трампа в значительной мере связаны с нежеланием повторить такой европейский опыт. Отсюда и жесткая антимиграционная риторика, и стремление новой администрации уничтожить запрещенное в России террористическое новообразование под названием «Исламское государство» (ИГ).

С другой стороны, новая администрация или «коллективный» Трамп прекрасно понимает, что экспансионизм, ставший alter ego американской политики, начиная с Клинтона и заканчивая Обамой, – это не только плоды в виде военных баз, вассального менталитета лидеров других стран, дешевые товары и торжество доллара на всех континентах. В попытке «правильно» переустроить мир США брали на себя слишком много обязательств, не просто часто применяли силу, а использовали ее по странным и ненужным поводам, что привело к сокрушительным социально-экономическим итогам и колоссальным репутационным издержкам. Рост антиамериканизма по всему миру достиг пиковых значений, а в самих США имущественное расслоение достигло уровня 1914 года, когда 1% населения контролировал 90% национального богатства»³¹.

Экспансионизм – тяжелое бремя, грозящее надрывом сил. Для того чтобы совершить рывок и «сиять как пример для всех», о чем говорил Трамп в инаугурационной речи, нужна передышка. Нужно сосредоточить силы, перегруппировать их, оптимизировать ресурсы. Вся история США – это чередование двух тенденций, циклов: период экспансии, расширения (времена демократов Вильсона, Рузвельта, Трумэна, Кеннеди) сменяется периодом «сжатия», сосредоточения (времена республиканцев, за исключением Буша-младшего).

Трамп как реакция на политику экспансионизма означает, прежде всего, передышку, сосредоточение Америки на своих внутренних проблемах, это период переваривания «съеденного» и осмысления сделанного. Америка Трампа может быть понята как Америка, готовящаяся к новому прыжку, новым высотам. Отсюда и обращенность к внутренним проблемам. Хотя это вовсе не означает, что во время президентства Трампа они будут решены. Главное, что «одноэтажная Аме-

³¹ Безруков А., Ребро О., Сушенцов А. Дональд Трамп: профессиональный профиль нового президента США. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». С. 14. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14303/>

рика» получила сигнал – перемены будут, они неизбежны, а вот, когда – это уже другой вопрос. Может быть при Трампе, а может позже – через четыре или восемь лет.

В любом случае сосредоточенность на себе – для Америки временная мера, к тому же в условиях глобализации предполагающая решение внутренних задач в значительной степени за счет внешних факторов. Отсюда огромное внимание к Китаю и Ирану, реакция на миграцию и стремление (по крайней мере, риторическое уничтожить ИГ). Поэтому, учитывая политические и экономические реалии, вписанность Америки в мировую экономику и их взаимозависимость, не стоит представлять Трампа изоляционистом. Он будет проводить внешнюю политику усиления США. Способы такого усиления могут быть самими разными. Например, ослабление ЕС и Китая.

К сказанному следует добавить, что ростки нового глобального социально-технологического уклада серьезным образом уже в ближайшее время изменят как саму Америку, так и мировую экономику в целом. Роботизация производства, 4-я и последующие технологические революции, активное внедрение аддитивных технологий вызовут свертывание глобальных производственных цепочек, что на фоне тренда энергонезависимости приведет к релокации производства в богатых странах. Примат платежеспособности над факторами производства ускорит процессы регионализации – своего рода «огораживания» от глобализации, как способа ограничения допуска конкурентов к «своим» клиентам.

Тренд формирования эксклюзивных корпоративных зон, регион-государств (К. Омаэ), рынков-государств (Ф. Боббит), корпораций-государств (А. Фурсов) захватывает все новые и новые пространства. О безгосударственном мире ближайшего будущего как о «чуде», возможном при соединении инноваций и гибридной связки публичного с частным, зарубежного с отечественным, пишет и старший научный сотрудник Фонда «Новая Америка» (The New America Foundation) Парраг Ханна. К 2030 году привычный нам мир может трансформироваться в «Новое Средневековье»: доминантами будут «пара-государства» или «особые экономические зоны». Это будет мир городов, причем в основном приморских, нацеленных на морскую торговлю и не имеющих единого центра управления³².

Однако необходимо сразу подчеркнуть, что технологические возможности и новации не означают автоматического прихода, слова-

³² Ханна П. Как управлять миром? – М.: Астрель, 2012. – 320 с.

ми советского ученого-фантаста И.А. Ефремова, «Эры Встретившихся Рук» (ЭВР). Подавляющее большинство людей, оказавшихся на периферии торговых путей и не вместились в мегаполисы (парасоударства), будут проваливаться не просто в бедность (это само собой), но в стремительно упрощающиеся, архаизирующиеся социальные порядки, что в конечном итоге не может не вызывать давления на мир будущего, на *futurum* – там, где чисто и светло. Проблема неравенства выйдет на первый план и в самой богатой стране мира. Сохранение стабильности в условиях потенциальной дестабилизации и обострения социальных, этнорелигиозных, демографических конфликтов потребует более сбалансированного распределения, возрождения на новой технологической базе и новых организационно-управленческих принципах американской индустриальной мощи и усиления роли государства. Однако реализация этого, как и перераспределение денежных потоков невозможна без разрешения внутриэлитного кризиса, кульминационной точкой которого стало избрание Трампа.

В докладе Гарвардской школы бизнеса (сентябрь 2016 г.), посвященном исследованию конкурентоспособности США, особо подчеркнуто, что «дисфункциональная американская политическая система является сегодня самым главным препятствием на пути США к экономическому прогрессу»³³. Президентские выборы продемонстрировали не только высокий порог недоверия к лидерам и неспособность обеих партий к компромиссам, не просто отсутствие элитного консенсуса, но жесткое противоборство – своего рода «холодную войну» – трех ведущих групп власти и влияния. Дело в том, что США сегодня есть совокупность как минимум трех Америк.

Первая – Америка Уолл-стрит, бюрократического Вашингтона, Чикаго и Лос-Анджелеса. Это Соединенные Штаты одного процента жителей, это Америка банкстеров – хозяев эмиссионных центров, банков, хедж-фондов, страховых компаний, инвестиционных центров. Это «продавцы воздуха», которые концентрируют в своих руках огромные финансовые ресурсы. Если реальная мировая экономика (включая сферу услуг) составляет в денежном измерении 80 трлн долл., то мировой финансовый рынок – 800 трлн долл., а с деривативами – один квадриллион³⁴. И подавляющая часть этих средств управляется и распределяется американскими банками. Выразителем интересов Америки «ссудного процента» была Х. Клинтон.

³³ Цит. по Безруков А., Ребро О., Сушенцов А. Дональд Трамп: профессиональный профиль нового президента США... С. 17.

³⁴ Ларина Е.С. Умножающие скорбь. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 166.

Вторая Америка – это Америка позднеиндустриальная, или Америка корпоратократии, представителей отраслевых ТНК, порожденных второй промышленной революцией. Это владельцы и топ-менеджеры преимущественно нефинансовых и невысокотехнологичных, но именно производственных предприятий. Их представлял и на них в ходе избирательной кампании опирался Дональд Трамп. Его поддержал капитал, работающий в промышленности (в том числе, в ВПК), строительстве, сфере услуг и вступившее с ним в союз подавляющее большинство американцев, имеющих преимущественно европейских предков. Это так называемая старая добрая белая Америка, Америка «ржавого пояса». Противоречия между этими элитными группами формировались десятилетиями и достигли своего пика в 2016 году.

Однако картина элитных противоречий будет неполной, если не сказать о третьем сегменте современной Америки. Это формирующаяся последние 40 лет фракция «когнитариата» (от *cognito* – познание; словообразование по образцу термина «пролетариат»), Америка цифр, алгоритмов, «гикономиксов». Своего кандидата эта часть Америки не выставила – нет пока необходимых ресурсов. Недавно корпорация РЭНД, Токийский университет и Европейский центр оценки технологий выпустили доклад «Технологическое развитие 2025». Обращает на себя внимание следующий вывод: в мире существует 24 критические технологии. Те, кто обладает всеми этими технологиями, смогут осуществить новую технологическую революцию, запустить новую экономику. Так вот, у американцев сейчас есть 21 готовая технология, у японцев – 17, у ЕС – 14³⁵ (сколько у России, никто не знает). Иными словами, время «нетократов» пока не пришло. Однако это еще не все, что заставило «элиты знаний» устраниваться от выборов-2016.

Анализ высказываний владельцев и советников крупнейших ИТ-компаний и компаний, связанных с критическими технологиями, позволяет заключить, что они не просто ожидают, но уверены: в ближайшем будущем Америку и мир в целом поразит мощнейший кризис, в сравнении с которым события 2007-2009 гг. покажутся «улыбкой истории». Поэтому они не хотят в критический момент возложить на себя бремя власти – бремя ответственности. Логичнее использовать кризис для ослабления и устранения финансовой элиты. Однако они не просто ждут. Уже сейчас оформляется союз «гикономиксов» с наиболее продвинутой частью корпоратократии против банкстеров. Время и технологии работают против последних. Отступать им некуда, поэтому

³⁵ Ларина Е.С. Умножающие скорбь..., С. 170-171.

на чашу весов их ставленницы – Клинтон – не только в ходе избирательной кампании был брошен весь их американский и глобальный ресурс, но и сейчас «элитная» война, хотя и холодная, идет не на жизнь, а на смерть.

Предвыборная кампания 2016 года запустила процесс переоценки места, роли и возможностей США. И дело не в личности Трампа – американским элитным группам необходимо определиться в выборе новой парадигмы. Защищать ли всю созданную ими глобальную систему – вспомним слова Г. Киссинджера: «глобализация – лишь другое название американизации», стремительно прогрессирующую к «Новому Средневековью», либо спасти только ее часть, непосредственно интегрированную с Америкой, грубо говоря, англосаксонский мир.

За первый вариант голосуют банкстеры. Ко второму – склоняется «коллективный» Трамп. Величие Америки в понимании последнего – «ни в коем случае не глобальная ответственность, а способность показать всем пример успеха (очень в духе отцов-основателей), никому ничего не навязывая, а также демонстрация силы на случай, если этого требуют национальные интересы США»³⁶.

Таким образом приход Трампа в большую политику вовсе не означает отказ американского истеблишмента от завоеванного посредством «жесткой» и «мягкой» силы, но определен неизбежностью выбора новой парадигмы или хотя бы коррекции политического рынка США. Каков будет этот выбор зависит не столько от личности Трампа, сколько от «рыцарей» его «Круглого стола». Поэтому несколько слов о «коллективном» Трампе.

Во-первых, какими бы незаурядными личными качествами ни обладал президент, политическая система США устроена так, что он нуждается в как в поддержке ее крупных сегментов, так и в деньгах. По поводу роли последних очень хорошо выразился американский сенатор Марк Ханна (1837-1904): «В политике имеют значение только две вещи. Первая – это деньги, а какая вторая, не помню».

Итак, Трамп – не одиночка и не выскочка. Он человек системы или, если сказать точнее, определенной ее части. Стать президентом Соединенных Штатов мог только «коллективный» Трамп. Богатство и связи – неременный атрибут большой политики, а если таковые используются для обретения верховной власти, то верховная власть в свою очередь будет использоваться для удовлетворения интересов всех тех, кто способствовал восхождению новой политической звезды, ля

³⁶ Лукьянов Ф. Президент нашей мечты. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Prezident-nashei-mechty-18551>

защиты общих классовых интересов. Ф.Д. Рузвельт был мудрым и искиженным политиком, слов на ветер не бросал. Думаю, можно принять его высказывание за аксиому: «в политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано». Иными словами, победа Трампа – это не победа богатого выскочки, а операция спасения системы либо ее части.

Во-вторых, продвигая «своего» кандидата в президенты, заинтересованные группы уже имеют стратегию, план действий, результаты аудита ресурсов и возможностей. Более того, господство, влияние – это, прежде всего, идеи, под которые дают деньги, мобилизуют людей и активизируют технологии. Господство – это в первую очередь «мысли, от которых потом неудержимыми надстройками идут оружие и деньги. Побеждают идеи, а не золото и кулаки»³⁷. У команды Трампа такие идеи есть. Они продуманы и выверены – в этом проявился «бизнес-подход» нового президента США и его «коллектива» к политике.

В-третьих, законы развития общества, классовой борьбы и социальной солидарности никто не отменял. Будучи самым богатым президентом в истории США (4,5 млрд по данным Forbes на 2016 год³⁸), Трамп не будет предаваться альтруизму и раздавать деньги на улице. Его задача – оптимизировать экономические и политические институты, чем он уже занимается. Позиции и установки, высказанные им в инаугурационной речи, приобретают ясные очертания.

В ряду новостей, свидетельствующих о готовности подтвердить эти слова делами, решение о введении налога на мексиканскую нефть. Оно выглядит как защита собственных производителей нефти и нацеленность на «революцию» в сфере добычи шельфового газа и нефти. И пусть это противоречит правилам «свободной торговли» – для Трампа и тех, кто привел его к власти, эти правила ровным счетом ничего не значат. Главное – оздоровить экономику США, повысить национальный промышленный потенциал и тем самым реализовать свои интересы – интересы «коллективного» Трампа – первой в истории США администрации миллиардеров, ядром которой является пул нефтяников и финансистов.

По поводу администрации миллиардеров нужно сделать некоторые уточнения. Действительно, совокупное состояние новой администрации без советников на общественных началах, типа Шварцмана, огромное и оценивается 14-15 млрд долларов. Однако даже этот очень

³⁷ Свасьян К.А. Гнозис и политика // Политический класс. – 2009. – № 10. – С. 51.

³⁸ Трамп занимал 324 место в списке Forbes за 2016 год // The World's Billionaires. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/list/>

высокий показатель в несколько раз меньше, чем личные состояния Б. Гейтса (75 млрд долл.), У. Баффета (60,8 млрд долл.), Дж. Безоса (45,2 млрд долл.), М. Цукерберга (44,6 млрд долл.), Л. Эллисона (43,6 млрд долл.), М. Блумберга (40 млрд долл.), Чарльза и Дэвид Коч (39,6 млрд долл.)³⁹. Для этих людей и тем более тех, о состояниях которых Forbes не пишет, Трамп – такой же политический менеджер, как и другие президенты. Просто вектор развития меняется и нужны новые лица и новые идеи.

Что же касается команды Трампа, то даже при первом приближении к конкретным фигурам возможный вектор развития становится понятным. Так, Майк Пенс занял пост вице-президента под давлением согласованной позиции консервативного крыла республиканского истеблишмента (т. н. Движения чаепития), в котором клан Бушей играет одну из главных ролей, а также зятя Трампа Джаред Кушнера и дочери Иванки. Напомню, что значительный вес Бушей в политике определен нефтью и контролем над Техасом, где сосредоточена треть всех нефтяных запасов страны и расположены штаб-квартиры крупных нефтяных компаний. В конце прошлого года в штате открыли крупнейшее в США месторождение сланцевой нефти – Wolfcamp (проектная мощность: 20 млрд баррелей нефти, 400 млн кубометров газа и 1,6 млрд баррелей газового конденсата⁴⁰). Прав оказался Ильич, «политика есть самое концентрированное выражение экономики»⁴¹.

Госсекретарь (министр иностранных дел) Рекс Тиллерсон («Техасский Ти-Рекс») также связан с нефтяным бизнесом, а конкретно с одной компанией – Exxon Mobil. Карьера Тиллерсона, когда первый руководитель компании-гиганта всю жизнь (а точнее 41 год) работает в ней и проходит все карьерные ступени – уникальное явление в мировой корпоративной практике. Не будет преувеличением утверждение, что Exxon Mobil для Тиллерсона – сама жизнь.

Последнюю четверть века «Ти-Рекс» занимался преимущественно международными проектам. За его плечами сложнейшие переговоры в 54 странах, включая Россию. Учитывая пакет предложений и возможностей Exxon Mobil, можно с уверенностью утверждать, что Тиллерсон уже давно вхож в самые высокие кабинеты и знаком с самыми высокопоставленными чиновниками. Поэтому не стоит «Техасского

³⁹ Богатейшие люди мира – 2016: рейтинг Forbes. URL: www.forbes.ru

⁴⁰ Черных Е. Тихий переворот в США // Комсомольская правда. – 2017. – 24 февраля. URL: <http://www.kp.ru/daily/26646/3666237/>

⁴¹ Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., Т. 42. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – С. 278.

Рекса» воспринимать, как новичка в международных отношениях. Что же касается прямого его назначения, то есть мнение, что оно также не обошлось без клана Бушей. В частности, кандидатуру Тиллерсона активно лоббировали бывший министр обороны и директор ЦРУ Р. Гейтс и госсекретарь при Буше-младшем К. Райс.

Еще один нефтяник, связанный с Бушами и Движением чаепития – бывший вице-губернатор Техаса при Бушем-мл., трижды губернатор Техаса (2002, 2006, 2010 гг.), а ныне министр энергетики Рик Перри. Будучи одним из инициаторов создания федерального фонда финансирования исследований и разработок по добыче нефти и газа из сланцевых и битуминозных песков, Перри считается одним из отцов сланцевой революции в США. В настоящее время Перри – крупный акционер ведущей сланцевой компании Dakota Access Pipeline.

Министр финансов Стив Мнучин – представитель финансовых кругов и конкретно Goldman Sachs. Семья Мнучиных издавна входит в число влиятельных акционеров, а сам Стив много лет проработал в этом банке ⁴². Помимо финансов, Мнучин активно занимался кинопродюсированием: на его счету такие бестселлеры, как «Аватар», «Люди Х», «Безумный Макс: дорога ярости» и т. п. Именно на ниве финансирования кино Мнучин познакомился с Трампом. В ходе избирательной кампании он отвечал за финансы. Так что его назначение вполне логично.

Министр промышленности и торговли США – Уилбур Росс (личное состояние – 2,9 млрд долл. ⁴³) – не только еще один опытный финансист в президентской команде, но и старинный друг Трампа – более 30 лет они делают бизнес и дружат семьями. Четверть века проработав в инвестиционном банке Rothschild и занимаясь вопросами слияний и поглощений, а также вопросами банкротств и кризисного управления, Росс заработал говорящее прозвище – «Король банкротств». В 2000 г. открыл собственную компанию – WL Ross & Co. LLC, а в 2002 г. основал металлургическую компанию International Steel Group. Важно также, что Росс был советником мэра Нью-Йорка Р. Джулиани по вопросам приватизации и консультировал президента Б. Клинтона относительно вопросов российско-американской торговли ⁴⁴.

Несколько слов о советниках. Национальный экономический совет, председателем которого является Президент США, – весьма зна-

⁴² Ларина Е.С. Трамп и его одинокие волки. URL: <http://hrazvedka.ru/blog/tramp-i-ego-odinokie-volki.html>

⁴³ Сенат США утвердил У. Росса на должность министра торговли. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2243328.html>

⁴⁴ Ларина Е.С. Трамп и его одинокие волки...

чимая структура. Главная задача Совета – координация внутренней и внешней экономической политики США, подготовка аналитических докладов и проектов решений президента. Кстати, аналога такому Совету в нашей стране нет. Старшим советником Трампа по экономической политике и директором Совета стал Гэри Кон. Он также отличается постоянством и преданностью – практически всю жизнь проработал в Goldman Sachs.

Третий представитель Goldman Sachs и главный стратег Трампа, возглавлявший его предвыборный штаб, а после инаугурации президента создавший «новый теневой центр силы» – Группу стратегических инициатив – Стив Бэннон. Все чаще в масс-медиа Бэннона называют «теневым президентом». А он, поддерживает необходимый ажиотаж вокруг своего имени, эпатирует общественное мнение, сравнивая себя с В. Лениным и одобрительно высказываюсь о В. Путине как защитнике традиционных ценностей и национального суверенитета⁴⁵.

Крупнейший и наиболее удачливый в истории Америки рейдер и корпоративный «стервятник» с состоянием свыше 17 млрд долл. и также давний друг Трампа – 81-летний Карл Икан получил пост председателя Комиссии по реформе регулирования в области финансов и экономики.

Не вдаваясь в детали биографии Икана, отмечу лишь некоторые моменты. Преимущество в рейдерских атаках он отдает технологическим компаниям. В его сети попадали Motorola, Yahoo, Dell, Apple⁴⁶. В разгар финансового кризиса 2007-2008 гг. Икан инициировал (при негласном одобрении Трампа и еще нескольких «акул») создание движения Объединенных акционеров Америки. Суть идеи проста – объединить мельчайшие пакеты акций, а затем от их имени как миноритарный акционер приступить к захвату крупных корпораций, пострадавшими во время кризиса. Лозунг Объединения идентичен трамповскому слогану: «Вернем Америке величие».

Кстати, Бюро финансовой защиты потребителей, созданное администрацией Обамы, запретило работу этой организации, уличив ее в использовании чужих активов для достижения личных целей. И очень показательно, что именно Карл Икан был назначен на пост председателя Комиссии по реформе регулирования в области финансов и экономики. Дела не заставили себя ждать: подписаны указ о пересмотре за-

⁴⁵ Строкань С., Коростиков М. Дональд Трамп обрел стратега // Коммерсант. 7 февраля 2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3212164>

⁴⁶ Голубицкий С.М. Чужие уроки – 2009. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/179368/slug/chuzhie-uroki---2009>

кона Додда-Франка о регулировании крупнейших банков, ставшего главным регулятивным ответом в США на финансовый кризис 2008-2009 гг. и распоряжение о проведении анализа целесообразности сохранения Бюро финансовой защиты потребителей. А Министерство юстиции готовит разъяснения, которые поставят крест на возможностях Сената и Палаты представителей Конгресса США проводить независимый аудит ФРС.

В ближний круг Трампа, его Семью с большой буквы, входят наиболее доверенные и родные люди. Они имеют беспрепятственный доступ к президенту и участвуют в выработке важнейших решений. Состав команды: главный стратег – Стив Бэннон; глава аппарата Белого дома, главный оперативник – Райнхольд Ричард «Райнс» Прибус; старший советник Трампа по политическим вопросам – Стивен Миллер; Джаред Кушнер и Иванка Трамп (в Вашингтоне их называют «Джованка»). Также в эту тесную группу входят экономический советник Трампа Дэвид Мэлпэсс и министр финансов Стивен Мнучин.

Итак, кадровый расклад в кабинете 45 президента США говорит о многом. Здесь не была поднята тема военных кадров, которые в лице таких авторитетных генералов, как Д. Мэттис (министр обороны), Дж. Келли (министр внутренней безопасности), Г. Макмастер (советник по нацбезопасности, его кандидатуру поддержал М. Пенс) также будут играть важную роль в принятии и осуществлении политических решений. Отмечу лишь одно. Военная элита, в значительной степени поддерживаемая промышленным лобби, видит неизбежность не просто конкуренции, но конфронтации с Китаем. Поэтому им нужна возрождающаяся Америка.

Очевидно, что такой «коллективный» Трамп есть свидетельство грядущих трансформаций. Во-первых, грозящий виток кризиса требует концентрации усилий и единения не просто богатых, но богатых представителей финансового, энергетического, промышленного и военного секторов.

Во-вторых, доминирование в ряду высокопоставленных лиц представителей Goldman Sachs говорит о расколе в среде банкстеров – в случае чего спасать будут далеко не все крупные банки, но только банки лоялистов, которые не запятнали себя активной работой против новой команды.

В-третьих, под лозунгами возвращения Америке величия может происходить не просто перераспределение ресурсов, но невозможные ранее рейдерские схемы и банкротства. Грубо говоря крупные рыбы

будут пожирать мелких. Аристотель был мудрым философом: покупающие власть за деньги должны извлекать из нее прибыль.

В-четвертых, союз части банкстеров и нефтяников, промышленников и военных может стать рычагом, способным изменить вектор развития не только Америки, но и мировой политики в целом. Уже отменены обамовские ограничения добычи сланцевой нефти на территории США, расконсервированы угольные месторождения. Скорее всего, в ближайшем будущем будут отменены ограничения на добычу нефти на шельфе. По всей видимости, и другие, вредные с точки зрения нового президента США, экологические и не только ограничения в сфере энергетики будут сниматься или пересматриваться. Кроме того, уже сняты все ограничения на экспорт американской нефти. 3 февраля 2017 г. Сенат отменил правила раскрытия информации и сумм, которые американские нефтяные компании платят местным правительствам при разработке месторождений. Фактически, это решение означает легализацию и засекречивание (для широкой общественности) коррупционных механизмов.

Не исключена также возможность выхода США из международного Парижского соглашения по климату. К этому следует добавить ужесточение позиции по иранскому вопросу, отказ от трансатлантического и транстихоокеанского сотрудничества, а также усиление давления на Китай. Такие решения в условиях глобальной взаимозависимости не могут не отразиться на других участниках мировой экономики и России в том числе.

В совокупности все вышесказанное означает подготовку к грядущему и очень болезненному переделу нефтяного рынка. Дестабилизация и переформатирование этого сегмента мировой политики естественным образом спровоцирует «принцип домино» – начнет рушиться существующая система экономических связей, норм, правил, что приведет к политическим кризисам, увеличению региональных военных конфликтов. А там и до большой войны не далеко. Таким образом изоляционизм Трампа может обернуться не просто «Новым Средневековьем», но новым Темновековьем.

Слом бреттон-вудской системы как инструмент глобализации. Что дальше?

Хазин Михаил Леонидович

СЛОМ БРЕТТОН-ВУДСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУ- МЕНТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Слово «глобализация» стало настолько популярным, что уже никто не задумывается над его смыслом. Вместе с тем, вопрос о смысле этого слова далеко не прост. В частности, нужно отдавать себе отчет в том, что до 1988 года в мире было две глобализации, «западная» и советская и до середины 80-х годов было совершенно не понятно, какая из них победит. Поэтому первая часть моего доклада посвящена как раз объяснению того, что такое глобализация с точки зрения экономики и как экономические процессы, проходящие в мире, могут влиять на процессы глобализации.

Прежде всего отметим важное свойство современной модели экономического развития, появившейся в XVI веке. Теоретически, можно было бы сказать «модели капитализма», но это не совсем верно, поскольку при социализме была та же самая модель, связанная с постоянным углублением разделения труда. В реальности картина немножко более сложная (при феодализме разделения труда тоже присутствовало), для того, чтобы более адекватно описать ситуацию необходимо ввести новый термин.

Теперь нужно определить одно важное понятие. Придумал его О.Григорьев, а формулировка принадлежит мне. Итак **воспроизводственный контур – это такой набор производств, технологий и ресурсов (в том числе трудовых и природных) в рамках фиксированной в географических рамках экономической системы, который позволяет ей, во-первых, самовоспроизводиться, а, во-вторых, обеспечивать более или менее стабильный уровень жизни для большей части населения.**

Отметим, из этого определения следует, что в рамках произвольно взятых границ экономической системы (например, в рамках политических границ конкретного государства) воспроизводственный контур может вообще отсутствовать, что означает, что эта система включена в какую-то большую, несамостоятельную часть которой она является.

Теоретически, даже очень слабая в экономическом плане страна может накопить ресурс и в рамках чрезвычайного положения су-

ществовать достаточно долго, даже без внешней помощи. Однако такая ситуация вряд ли может считаться нормальной, не говоря уже о том, что выживать – это не значит воспроизводиться.

Теоретически, на территории страны могут быть несколько воспроизводственных контуров, однако для сегодняшней жизни подобная ситуация представляется несколько экзотической.

Далее, очень многие экономические системы, у которых был или есть такой воспроизводственный контур, используют внешние для нее источники для того, чтобы повышать жизненный уровень населения и/или ускорять развитие. Типичный пример – США, которые могут производить и нефть, и разный ширпотреб, но предпочитают закупать его в других странах для снижения издержек и, тем самым, увеличения реального уровня жизни населения. Кроме того, эта страна предпочитает покупать специалистов из-за пределов своего воспроизводственного контура (включающего систему образования).

Можно представить себе ситуацию, при которой каждое конкретное импортное заимствование некоторого воспроизводственного контура может быть компенсировано за счет внутренних ресурсов, однако общий их объем превышает возможности экономики самовоспроизводиться без внешнего участия – так что воспроизводственный контур, фактически, ликвидируется. В общем, говорить о том, каков воспроизводственный контур в той или иной экономической системе априори сложно – необходимо его тщательно исследовать. Но несколько примеров привести можно.

Например, современная Россия. В ней воспроизводственный контур отсутствует – даже сложное технологическое производство, которое еще существует (например, строительство атомных станций или космические полеты), использует и станки иностранного производства, и электронную элементную базу и т.д., причем собственное производство по целому ряду направлений принципиально отсутствует. В СССР все было иначе – где-то с 50-х годов прошлого века до конца 80-х, хотя доля импорта была, зачастую, велика, он мог быть компенсирован за счет внутреннего производства, замещение производилось либо ради повышения уровня жизни населения, либо для повышения эффективности и ускорения технологического развития предприятий.

Очень интересный вопрос – есть ли воспроизводственный контур в современных экономиках ряда стран, например, Японии и Германии и каков его масштаб. Сложность здесь связана как раз с упомянутым выше фактором – большой долей экспортных доходов. Какая их

часть категорически необходима для нормального внутреннего воспроизводства – большой вопрос, который требует серьезного изучения. Кроме того, эти страны явно зависят от импорта природных ресурсов и, как показал опыт II Мировой войны, в случае серьезных изменений в режиме мировой торговли, их воспроизводственный контур может серьезно пострадать. Отсюда, кстати, еще одно важное следствие: масштабы и параметры воспроизводственного контура могут существенно зависеть от состояния дел в мировой экономике. Но сам факт его существования от нее зависеть не должен.

Отдельно нужно сказать о частном спросе. Он составляет важную часть воспроизводственного контура, поскольку «закрывает» финансовые потоки, возвращает их в реальный сектор экономики. При этом часть спроса реализуется в рамках тех товаров и услуг, которые относятся к собственному воспроизводственному контуру, а часть – нет. Например, в нашей стране значительная часть доходов населения получается за счет перераспределения экспортных доходов от продажи нефти и в этом смысле они не могут быть учтены для расчета воспроизводственного контура для России. Впрочем, мы уже отмечали, что у нас он, фактически не существует.

Чем больше воспроизводственный контур, тем глубже может зайти углубление разделения труда, а значит, общее богатство системы. В этом смысле очень показателен пример с индийскими ткачами, поскольку после того, как англичане стали туда завозить ткани, они включили Индию в свой воспроизводственный контур. При этом, используя специфику логистики, просто начали вывозить прибыль, полученную на новых рынках, в метрополию. То есть, фактически, присваивали себе сверхприбыль, эффект от увеличения рынков и технологического рывка. А Индия лишилась ряда важных производств – и нескольких миллионов человек.

Вообще, распределение прибыли в рамках воспроизводственного контура составляет очень важную роль для понимания экономических отношений, но регулирование этого процесса, зачастую, находится за пределами экономики. После того, как расширяющиеся воспроизводственные контуры стали выходить за пределы государств (а это произошло сильно позже формирования Вестфальской системы в 1643 году), это вопрос решался, скорее, в рамках политических процессов, а значит, для чисто экономического исследования, является внешним фактором.

А вот в рамках феодального расширения такой проблемы еще не было – там роль политики была весьма и весьма ограничена. Хотя дру-

гие сложности, например, социальные, все равно имели место. В качестве примера можно привести английское «огораживание» – отметим, что в экономическом смысле его жертвы являются полным, хотя и чуть более ранним аналогом индийских ткачей.

Теперь, после описания понятия «воспроизводственный контур», можно вернуться к разговору о разделении труда, уже на более современном уровне. Прежде всего, нужно отметить, что «углубление разделения труда» не следует путать с «научно-технический прогрессом». Условно говоря, углубление разделения труда, о котором мы скажем ниже, есть некоторый процесс, характеризующий развитие экономической системы. А НТП – это общепринятое название той модели экономического развития, в которой этот процесс играет главную, хотя и не единственную роль. Теоретически, углубление разделения труда было и в доисторические времена, и в античности, и при феодализме – другое дело, что модель развития на него не опиралась.

Что касается «инноваций», то тут тоже есть проблемы. Например, представим себе маньяка-изобретателя, который изобрел способ продлить жизнь до 200 лет, причем этот способ никак не зависит от экономики той страны, в которой он живет. Ну, скажем, он придумал какой-то уникальный набор довольно простых трав и стал его продавать за очень большие деньги. Это, безусловно, инновация. А вот как она соотносится с разделением труда и НТП? Это большой вопрос. В частности, можно предположить, что в результате деятельности этого персонажа очень много людей станут покупать его чудодейственный бальзам, вместо того, чтобы покупать товары и услуги, что вызовет серьезную стагнацию экономики. Не говоря уже о том, что рост продолжительности жизни замедлит оборот рабочей силы, что также может оказать серьезное негативное влияние на экономику. Разумеется, этот пример носит достаточно абстрактный характер, но проблемы с инновациями он описывает достаточно четко.

Можно привести и еще один пример. Представим себе некоторую крупную корпорацию, которая для получения прибыли использует некоторую технологию, которую время от времени немножко модернизируя ее. И вдруг появляется изобретатель, который придумывает альтернативную, принципиально более простую и экономную технологию. Теоретически, в случае свободного рынка (который, правда, еще нужно найти), он должен на него выйти и вытеснить конкурента. На практике ему нужны деньги, ресурсы, и все это, в конкуренции с крупной корпорацией ему получить, скорее всего, не удастся.

Да и банки (в советы директоров которых, кстати, входят бенефициары упомянутой корпорации), которые хотят получить обратно свои займы, выданные этой корпорации, будут весьма и весьма осторожны в части финансирования такой альтернативы ... Ну, или предложат изобретателю за копейки продать свое изобретение этой самой корпорации. А ведь нашего изобретателя еще можно запугать, купить, посадить (можно, например, вспомнить, как Роберт Пири боролся с реальным открывателем Северного полюса Фредериком Куком; а если кто считает, что «это было давно», то вспомним дело Доменика Стросс-Кана), наконец, просто запутать в патентных спорах, поскольку выигрыш в суде в капиталистическом обществе при соотношении финансов участвующих сторон, различающемся на порядки, предопределен.

А ведь есть еще и общественные эффекты! У корпорации миллиардные доходы, которые, так или иначе, попадают тем или иным людям. Если на рынок выходит принципиальный конкурент, то эти люди перестают получать свои доходы, то есть сокращают свое потребление. А резкое сокращение цены в рамках новой технологии на первых порах невозможно, поскольку нужно отбивать затраты, которые при развитии очень высоки. Значит, выигрыша для потребителя на первом этапе развития технологии практически не будет. Иными словами, внедрение принципиально новых технологий на какое-то время может существенно сократить частный спрос, то есть уменьшить масштаб воспроизводственного контура. И если в экономике все хорошо, то можно и потерпеть, а если нет ...

Кто-то может сказать, что и это достаточно абстрактное рассуждение. Но можно привести пример энергетической реформы Обамы. Суть ее состояла в том, чтобы снизить энергетические издержки компаний и стимулировать возврат производителей обратно в США. Но структура экономики США довольно специфическая и выигрыш одних компаний от снижения издержек компенсировался проигрышем других, которые получали инвестиции от компаний энергетического сектора. И, судя по некоторым оценкам, потери экономики от уменьшения инвестиций превысили выигрыш от сокращения издержек.

Так что инновации инновациям рознь ...

Дальше посмотрим на определения из, так сказать, авторитетных источников. Первый – Большая советская энциклопедия: «Разделение труда, качественная дифференциация трудовой деятельности в процессе развития общества, приводящая к обособлению и сосуществованию различных её видов. Р. т. существует в разных формах, соответствующим

щих уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений. Проявлением Р. т. является обмен деятельностью.»

А вот – Википедия (я уж, простите, не стал смотреть, откуда они это определение стянули): «Разделение труда – исторически сложившийся процесс обособления, видоизменения, закрепления отдельных видов трудовой деятельности, который протекает в общественных формах дифференциации и осуществления разнообразных видов трудовой деятельности. Различают: – общее разделение труда по отраслям общественного производства; – частное разделение труда внутри отраслей; – единичное разделение труда внутри организаций по технологическим, квалификационным и функциональным признакам. Является причиной повышения общей производительности труда организованной группы специалистов (синергетический эффект) за счет: выработки навыков и автоматизма совершения простых повторяющихся операций, сокращения времени, затрачиваемого на переход между различными операциями».

Это хорошие определения, но они очень общие, то есть существуют моменты, которые они не проясняют. Например, чем отличается экономика феодализма (натурального хозяйства) от экономики капитализма? Мы, в рамках нашего обсуждения вопроса, уже начинаем нащупывать ответ на этот вопрос: они отличаются масштабом воспроизводственного контура и, главное, его устойчивостью. При феодализме свой воспроизводственный контур есть у каждой деревни. Тем более, у города – с близлежащими деревнями. И – он практически не меняется во времени, во всяком случае, эти изменения крайне медленные, для того, чтобы они достаточно явно проявились в жизни, нужны поколения.

Кстати, технологический прогресс, развитие инноваций, который, конечно, во времена феодализма есть, в частности, в сфере военной, идет практически независимо от чисто экономического воспроизводственного контура. Пример – Россия времен раннего Петра I. Он, помнится перелил колокола на пушки – не потому, что был «антихрист», а потому, что технологии производства пушек (которые в России тогда были вполне на мировом уровне) существовали независимо от воспроизводственного контура, в котором необходимое для войны количество металла просто не могло быть произведено в рамках регулярного экономического процесса.

Кстати, аналогичная ситуация в сегодняшней России. У нас еще есть технологии производства широкофюзеляжных самолетов, типа Ил-96, который до сих пор вполне конкурентен на мировых рынках. Но воссоздать массовое производство этих самолетов мы, в рамках нашего

воспроизводственного контура, не можем, можем лишь строить 1-2 самолета, которые на рынок влияют слабо.

Этот пример позволяет нам, наконец, дать описание того, чем отличается модель развития, в которой мы живем сегодня, от той, которая была до нее (при феодализме, например). Итак, **современная модель развития характеризуется тем, что углубление разделения труда (то есть появление новых технологий, трудовых навыков и прочих элементов дифференциации трудовой деятельности) активно используется для расширения воспроизводственного контура в рамках экономической системы.** Или, иначе, в которой разработка и внедрение инноваций является принципиальной частью воспроизводственного контура.

А теперь еще одно утверждение, которое восходит к Адаму Смиуту. Если экономическая система замкнута, то по мере того, как она включает в воспроизводственный контур все доступные ресурсы, углубление разделения труда в ней останавливается. Мы не будем здесь расшифровывать ни того, как может происходить включение новых ресурсов в воспроизводственный контур, ни инструментов оптимизации самого контура (желающие могут изучить политику СССР 1960-85 гг.), важно, что, с какого-то момента, единственным инструментом продолжения развития остается расширение рынков!

То есть – глобализация! И в результате, мы понимаем, что кризис 70-х годов на Западе и кризис 80-х годов в СССР был экономически одним кризисом, построенном на одном механизме (снижении эффективности экономики в условиях исчерпания механизмов оптимизации воспроизводственных контуров при ограничении роста рынков), который для СССР закончился крахом, а для Западной экономики сменился возможностью расширения, которая приостановила кризис на 10 лет (90-е годы прошлого века). Беда в том, что сегодня этот кризис начался снова.

Причем, в отличие от ситуации 90-х годов, нет даже теоретической возможности расширения. Более того, на самом деле все еще сложнее, поскольку политика кредитного стимулирования частного спроса («рейганомика») привела к серьезным структурным диспропорциям в экономике США (и мира), которые практически неизбежно приведут к острому кризису, по образцу 1930-32 гг. И это значит, что воспроизводственный контур нынешней мировой экономики не просто неустойчив, но и в принципе не может сохраниться в среднесрочной перспективе. равновесие между частным спросом и частными доходами находится на уровне ниже нынешнего уровня спроса (то есть, фак-

тически, мирового ВВП) где-то процентов на 30-35. Это уровень спада начала 30-х который привел к «Великой» депрессии.

Для так называемых «развитых» стран ситуация еще хуже, поскольку для них уровень падения ВВП будет еще ниже. Но вопрос социально-политических проблем этих стран не входит в тему настоящего доклада, а главный вывод, который мы должны сделать из вышесказанного: неизбежное снижение частного спроса приведет к тому, что уровень разделения труда должен будет сократиться (напомним, что средняя заработная плата в США сегодня, еще до начала полномасштабного спада, находится на уровне примерно 1958 года) и единый до того воспроизводственный контур должен будет распасться на несколько. Как, например, было в 30-е годы XX века, когда таких контуров было пять (Британский, Германский, Американский, Японский, Советский).

Иными словами, «западная» глобализация (составной частью которой является единая, глобализированная финансовая система, построенная на долларе, институционализированная в рамках Бреттон-Вудской системы), в результате кризиса должна быть не просто остановлена, она должна повернуться вспять. И сделать тут ничего нельзя, поскольку ресурс частного спроса недостаточен для сохранения единого воспроизводственного контура.

Главный вывод из вышесказанного состоит в том, что объективный экономический кризис разрушает единую глобализированную экономическую систему и, как следствие, будет разрушена и мировая долларовая система, построенная на фундаменте Бреттон-Вудских соглашений. А это значит, что во всех регионах мира нужно будет строить альтернативные системы, которые, в связи со спецификой кризиса (падением частного спроса) будут ориентированы на поддержку регионального частного спроса.

Таким образом, мы сегодня живем в эпоху конца Бреттон-Вудских соглашений и в самое ближайшее время должны разработать и внедрить альтернативные финансовые технологии.

Современные тенденции глобального экономического развития

Хубиев Кайсын Азретович СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В XXI век человечество вступало в надежде на то, что откроются новые горизонты и сформируются социальные и технологические факторы для новых этапов прогрессивного исторического развития, которые отразятся на судьбах стран, народов и отдельных граждан. С разрушением СССР объединенными усилиями его внешних и внутренних противников мир стал однополярным, и вся ответственность за мировое развитие перешла на сторону капитализма, который представлен группой развитых стран. Была разрушена, как утверждалось противниками СССР, «империя зла». Теперь уже никто не мешал создавать «империи добра». Четверть века – достаточный исторический срок, чтобы миру были предъявлены результаты «добрых дел». И мир увидел эти «добрые» дела: безнаказанное разорение одних стран; превращение других стран в полигон для реализации провокационных технологий внутреннего раздора, в том числе и в виде «цветных революций», сопровождаемых гражданскими войнами; развертывание технологий экономических войн и т.п. Попытки навязать всему миру «либеральные ценности» капиталистического общественного устройства не сделали мир безопасней, справедливей.

Капитализм не только не преодолел прежде накопившиеся проблемы мирового экономического развития, а обременил их новыми: терроризм, массовая миграция населения стран, разоренных войнами, спровоцированными «империями добра». Осознание этих фактов получает достаточно широкое распространение и усиливаются сомнения в перспективах доминирования ценностей однополярного мира. Вопрос о необходимости изменения основ общественного устройства ставится даже на мировых форумах, организованных элитой капиталистических стран, в частности, Давосских форумах, Римском клубе. В нарастающем поиске альтернатив социально-экономического развития предлагаются разные варианты концептуальных подходов: природно – циклическое безотходное производство с удовлетворением «витальных» потребностей; солидарное присвоение средств и результатов производства; конвергенция и др.

Дополнительный шанс на социально-экономическую альтернативу получает и обновленный социализм, включающий элементы названных выше подходов. Во второй половине XX и начале XXI века произошли существенные изменения в области производительных сил. Они тянут за собой и изменения в организации экономики и общественных отношениях. В политико – экономическом плане происходят новые процессы функционального обобществления производства и обращения, включая финансы, основанные на новых производительных силах, в особенности на информационных технологиях; развиваются процессы концентрации промышленного и финансового капитала и его централизация в том числе и в глобальном экономическом пространстве. Складывается новый этап развития капитализма – транснациональный государственно-монополистический капитализм. В области социально-экономических отношений происходят существенные изменения в коренных отношениях капитализма. Изменяется содержание и структура товарного хозяйства. С одной стороны, рыночные отношения «осваивают» новые пространства, ранее неохваченные (спорт, образование, интеллектуальная деятельность); с другой стороны, в сферу общественных благ переходят блага и сферы, прежде безраздельно принадлежавшие рынку. Кроме того, сфера рыночного хозяйства все более осваивается планированием по мере концентрации производства и развития маркетинга. В отношениях наемного труда и капитала происходят разнонаправленные противоречивые процессы. С одной стороны, капитал изобретает новые технические средства подчинения труда, в связи с чем, например, возникли предложения облагать налогом роботы и иные новейшие технические средства и технологии. С другой стороны, в сфере инновационных технологий наемная форма труда проявляет свою неэффективность и возникают отношения партнерства и совладения. Эти и иные новые процессы требуют адекватного отражения в теории. В данной работе мы попытаемся внести свой посильный вклад.

Сначала остановимся на новых явлениях мирового экономического развития, которые еще не освещены экономической теорией, затем перейдем к обсуждению основных контуров новой социальной модели общества.

На рубеже веков на общем фоне развития производительных сил, включая технологический прогресс, развития инфраструктуры и современных средств коммуникаций, складываются новые тенденции глобального экономического развития, еще недостаточно изученных теоретически.

Усилилась борьба за **новый торгово – экономический передел мира**. Внешне это проявляется в образовании новых экономических союзов государств. Разворачивается новый тип конкуренции между странами. Это не сопоставление экономической мощи отдельных стран, это не борьба транснациональных компаний и глобальных сетей, хотя и они в этом участвуют. Это конкурентная борьба экономических союзов стран. Доминируют здесь США, которые создали многочисленные межгосударственные объединения и активно в них участвуют. Последними глобальными инициативами в этой области являются: проекты ТТП и экономического партнерства с ЕС. В этих двух проектах стремление США к глобальному мировому экономическому господству достигло своего апогея.

ТТП (Транстихоокеанское партнёрство) – международная торгово-экономическая организация, целью которой является создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это недавно созданная организация. Соглашение о создании Транстихоокеанского партнёрства было подписано двенадцатью странами 4 февраля 2016 года в Окленде, Новая Зеландия.

Данная структура должна стать альтернативой АСЕАН и АТЭС, ее создание является продолжением американской политики по сохранению контроля над Тихоокеанской зоной, созданию экономического блока для противостояния растущему влиянию Китая и России. Это главный мотив создания данной организации.

По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с Японией) в мировом ВВП может достигнуть 38–40% и четверть оборота мировой торговли (при этом лидируя по объему доли в мировом ВВП, но уступая в обороте мировой торговли торговому блоку АСЕАН+6 при условии участия Китая в АСЕАН):

Многолетняя подготовка в условиях секретности скрывала суть новых методов борьбы, направленной прежде всего против Китая. Например, соглашение регулирует большой круг вопросов охраны интеллектуальных прав (доменные имена в Интернете, регистрация и защита товарных знаков, охрана авторских и смежных прав, ограничения в производстве дешёвых аналогов запатентованных лекарств и др.), связанных с сельским хозяйством, телекоммуникациями, финансовыми услугами, таможенным сотрудничеством и тарифами, взаимными инвестициями и т.д. Очевидна направленность на монополизацию результатов НТП, с тем, чтобы ограничить доступ конкурентам к средствам технологического развития. Поскольку экономические достижения Китая во многом основаны на эффективном использовании вторичных технологий и товарных аналогов введение в действие планов ТТП явится тяжелым ударом по китай-

ской экономике и приведет к серьезным противоречиям международного уровня. Еще существеннее выглядят средства борьбы (с Китаем прежде всего) через «трудовые и экологические стандарты», поднятием их до определенного, «международного» уровня. Предполагается давление на конкурентов через «экспорт», стандартов развитых стран, созданных, в том числе, и за долги развивающимся странам, о чем будет сказано ниже.

Предполагаемое регулирование споров между транснациональными корпорациями и правительствами приведет к верховенству ТНК США над национальными правительствами. Полной информации о содержании ТТП нет, поскольку еще не раскрыты все документы его учреждения, но известно главное, цель – борьба с растущим влиянием Китая на мировую экономику, борьба за доминирование США.

Угроза успешно продвигаемому проекту возникла неожиданно, в результате непрогнозируемых результатов президентских выборов в США. Д. Трамп заявлял неоднократно, что США выйдут из этого партнерства, а став президентом нормативно реализовал эти свои планы. Это может означать, что США отказываются от политики мирового доминирования и сосредотачиваются на своих внутренних делах. Однако окончательные выводы делать рано, поскольку идеология глобального доминирования овладела значительной частью американской элиты, едва ли она сможет от нее легко отказаться. Идеология партнерства имеет и экономическую подоплеку. На продвижение проекта потрачено много средств и ожидаются большие выгоды. Можно спрогнозировать борьбу в США за и против ТТП с разными вариантами исхода. Об этом свидетельствует протестное движение против политики нового президента США.

Те же политические и экономические цели преследуются и другим глобальным политическим проектом, затеянным США. В июле 2013 года США и Европейский союз начали готовить соглашение о создании Трансатлантического торгового союза. Теоретическое обоснование данного проекта является для европейских партнеров привлекательным и впечатляющим. Свободная экономическая зона должна принести пользу странам по обе стороны Атлантики. Экономика США должна ежегодно получать дополнительные 90 млрд. евро, а бюджет Евросоюза будет пополняться дополнительными 100 млрд. евро. По расчетам Европейской комиссии в Европе появится 400 тысяч новых рабочих мест, а каждая европейская семья получит прибавку к доходам в размере 545 евро.

Остальной мир тоже не должен остаться в накладе. По экспертным данным благодаря трансатлантическому таможенному союзу объем глобальной экономики должен ежегодно увеличиваться на 100 млрд. евро, обещают европейские чиновники. Возникает простой во-

прос: откуда и за счет чего выльются эти дополнительные блага на весь мир, если этот проект торговый, а не производственно-технологический? Торговля – это обмен товаров, а не их производство. Ответ напрашивается исходя из того, что в этом союзе не планируется членство России и Китая, других развивающихся стран. Более того, этот проект создан против них.⁴⁷ Это еще один проект с потенциалом глобального доминирования. Он тоже охватывает около 40% мирового ВВП и четверть мировой торговли. Если сложить эти два проекта организационная завершенность идеологии глобального доминирования станет очевидной. Это соглашение еще не заключено.

И у него тоже проявились угрозы – «Брексит», обострение миграционной проблемы и террористических угроз, разногласия внутри ЕС, и, наконец, изменение внешнеполитической ориентации в США в связи с избранием нового президента.

Итак, мы можем сделать первый вывод: в XXI веке наступил новый этап борьбы за экономический раздел мира, за его ресурсы и рынки сбыта. Истории известен трагический опыт, когда мировые экономические войны перерастают в мировые военные конфликты. В этой ситуации перед Россией встают две задачи: борьба за свои экономические интересы и упреждающий характер борьбы за предотвращение исторически продемонстрированной агрессивной сути капитала. Нынешнее руководство России проявляет усилия в этом направлении, о чем говорит, в частности, проходящее налаживание сотрудничества с АСЕАН, создание ЕАЭС и расширение зоны сотрудничества.

Развитие производительных сил – неумолимая историческая закономерность, как и процессы обобществления, следующие за ними. Однако альтернативны цели и результаты социально-экономического и политического овладения этими процессами.

В последнее время появились новые тенденции контрциклического характера движения мировой экономики между развитыми и развивающимися группами стран. Если раньше экономический кризис охватывал развитые страны, а развивающиеся страны покорно следовали за первыми, то теперь мировая экономическая динамика все чаще демонстрирует признаки «контрциклических качелей», что свидетельствует о том, что

⁴⁷ Когда в конце 1990 года ЕС принял решение ужесточить требования к импортируемым продуктам, экспорт в Европу зерновых, сухофруктов и орехов из Африки сократился на целых \$670 млн. Для компаний с развивающихся рынков негативный эффект требований перевешивает позитивный эффект от открытости границ. По мнению экспертов, если будет создан трансатлантический союз, то наиболее уязвимыми станут товары из Китая, Индии, России и других развивающихся стран.

мировые ресурсы уже распределены и перераспределены и у капитала уже нет возможностей развиваться за счет колониального пространства.

Приведенный ниже график показывает разнонаправленные темпы роста ВВП развитых стран (черным цветом) и развивающихся стран (серым цветом).

Еще более показательным являются темпы роста инвестиций в развитых странах (черным цветом) и развивающихся стран (серым цветом), представленные в Таблице 2

Если внимательно присмотреться к горячим точкам в мире, то можно увидеть, что войны сопровождаются перераспределением ресурсов и денежных потоков. В этом находит свое яркое проявление «добрая» природа капитализма. На этом фоне актуальным представляется поиск альтернатив социально-экономического устройства общества на принципах отношений доверия и сотрудничества, в том числе и на уровне международных отношений.

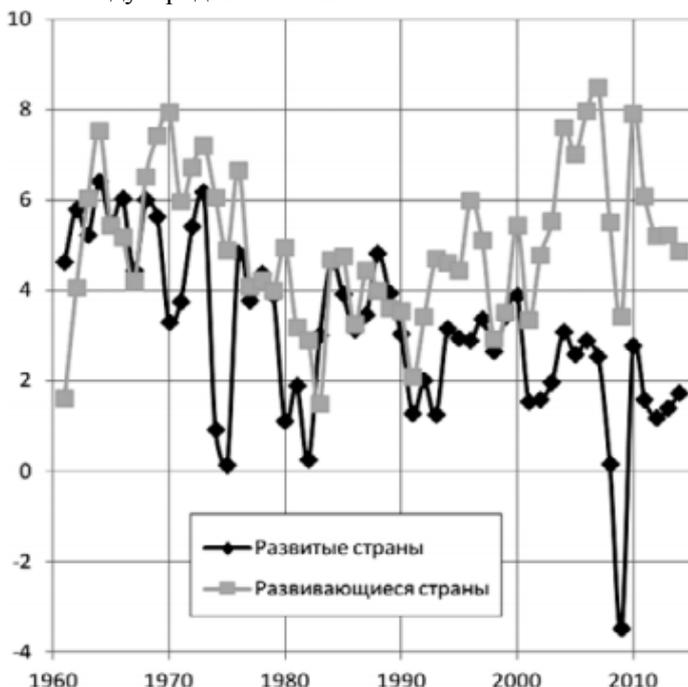


Рис. 4. Динамика годовых темпов роста в развитых и развивающихся странах в 1961–2014 гг., в%

Источник: А.В. Коротаяев, С.Э. Билога. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. В журнале – Вестник Института экономики РАН. №4 2016 г. с.25

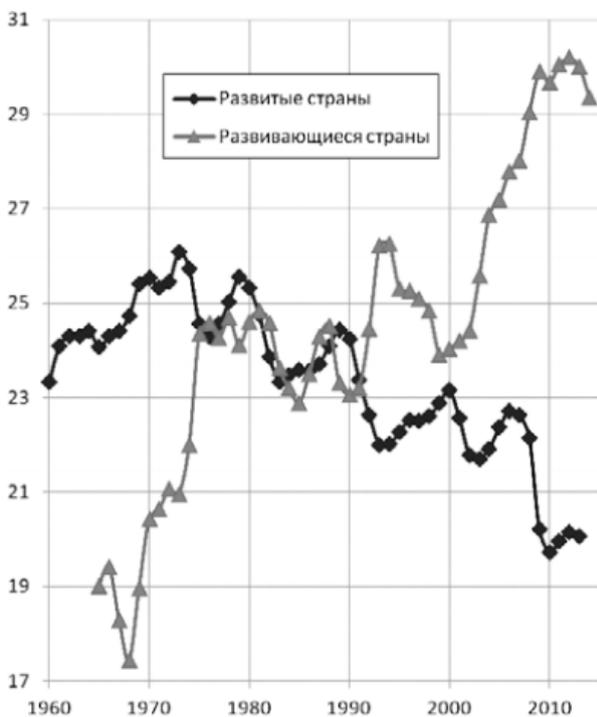


Рис. 5. Динамика доли инвестиций в ВВП развитых и развивающихся стран в 1960–2014 гг., в%

Источник: А.В. Коротаяев, С.Э. Билюга. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. В журнале – Вестник Института экономики РАН. №4 2016 г. с.27

Современная мировая экономика может быть охарактеризована как долговая экономика.⁴⁸ В среднем развитые страны имеют долг (только государственный) «зашкаливающий» за годовой ВВП. Причем если до середины прошлого века долговой кризис выражался в том, что развитые страны были кредиторами развивающихся стран, то теперь наоборот, развивающиеся страны являются кредиторами развитых стран, что может создать ложную видимость того, что развивающиеся страны содержат в долгой кабале развитые страны. Как раз все наоборот. Развитые страны за

⁴⁸Япония – 242,3 %, Греция – 174 %, Италия – 133,1 %, Португалия – 125,3 %, Ирландия – 121,0 %, США – 107,3 %, Сингапур – 106,2 %, Испания – 99,1 % Великобритания – 95,6 %.
Источник: Энциклопедия кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/gosudarstvennyi-dolg?page=0,1>

чужой счет вышли в лидерство как по развитию технологий, так и по уровню социального обеспечения. Подняв социальные стандарты и создав привлекательные условия труда, они концентрируют человеческий капитал высшего качества и поддерживают лидерство за счет привлеченных интеллектуальных ресурсов развивающихся стран, т.е. стран-кредиторов. Эксплуатация развивающихся стран приобрела в современных условиях более тонкий и изощренный характер. Развитые страны за счет кредиторов концертируют интеллектуальные ресурсы развивающихся стран, которые содействуют отработке этих долгов. Проблеме долговой экономики посвящена монография коллектива авторов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.⁴⁹ Превращение долговой экономики в глобальную проблему, несущую высокие риски для всей мировой экономики и финансовой системы, исследуется и зарубежными авторами.⁵⁰ Работу в этом направлении необходимо продолжить, имея в виду воспроизводственные деформации и риски на уровне национальных экономик и мировой экономики.

Несовершенство основ современного социально-экономического устройства общества актуализирует вопрос о типах исторически развивающихся отношений. Для их анализа мы исходим из классических положений формационного развития общества.

Мы считаем важным выделить вклад Дж. Гелбрейта и П. Соркина в разработку основ альтернативной общественной системы. Мы начнем с Дж. Гелбрейта, поскольку им основное внимание уделено исходному уровню общественной системы, которую он определял, как конвергенцию, содержательно имея в виду схождение общественных систем (капитализма и социализма) к единому основанию – новому индустриальному обществу на базе новых технологий и крупного корпоративного производства. Дж. Гелбрейт последовательно развивал важное теоретическое положение о том, что развитие производительных сил на новом индустриальном уровне наталкивается на ограничения рыночной системы и требует планового ведения хозяйства.⁵¹ В

⁴⁹ Долговая экономика как феномен XXI века. Под ред. А.А. Пороховского. М., 2014

⁵⁰ Митч Файерстейн. Планета Понци. Как политики и банкиры крадут наше будущее, как вы можете выжить, что будет дальше. Москва. Международные отношения. 2014.; Джон Молдин, Джонатан Теппер. Развязка. Конец долгового суперцикла и его последствия, © John Mauldin and Jonathan Terper, 2011, © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

⁵¹ «Планирование существует потому, что описанный (рыночный-К.Х.) механизм перестал быть надежным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее — на месяцы и даже годы вперед. Но через несколько месяцев или лет вполне может оказаться, что

концепции Гелбрейта планированию отводится ключевая роль и основные функции, которые традиционно отводились рыночному механизму: активное влияние на спрос, ценообразование, сбережения, инвестиции и др. Здесь важно отметить, что субъектом планирования является крупная компания. Особую роль при этом играет вертикальная интеграция, которая рыночные отношения интегрируемых организаций превращает во внутрифирменные плановые отношения. Исходным основанием планирования является компания, но само планирование не ограничивается ее рамками, а выходит далеко за ее пределы, например, активно влияя на спрос, ценообразование. Дж. Гелбрейт осторожно относится к участию государства в планировании на уровне фирмы, последняя должна действовать самостоятельно и независимо. Но между государством и фирмой нет жестких границ, а складывается сложная система координации, о чем будет сказано ниже.

Планирование у Гелбрейта органически связано с институтом собственности и власти. Эта важная проблема рассматривается в исторически развивающемся контексте. Собственность и экономическая власть эволюционировали в зависимости от доминирующих факторов производства: земля, капитал, техноструктура. Он делает фундаментальный вывод о том, что развитие производительных сил и технологический прогресс «бесшумно устраняют» частную собственность из экономического процесса. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения»⁵². А решения принимает техноструктура. И ей принадлежит реальная власть, хотя формально собственниками является акционеры. Реальная собственность и власть «бесшумно» отнята у капиталистов – собственников и «передана» техноструктуре потому, что успешное функционирование крупных корпораций полностью зависит от «мозгового центра» специалистов, в том числе и высочайшей квалификации.⁵³ В их числе может оказаться и собственник, но как носитель иного качества – высокопрофессионального специалиста и члена команды. Качество реально функционирующего капиталиста оставляется за собственником мелких и средних

потребитель не проявит готовности покупать соответствующую продукцию». Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. АСТ, 2004, с 45

⁵² Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. АСТ, 2004, с. 154

⁵³ «Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц — от руководителей современного промышленного предприятия до основной массы рабочей силы — и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями». Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. АСТ, 2004 с. 98

предприятий, где нет высоких профессиональных требований и командной работы.

Основное внимание Дж. Гелбрейта было сосредоточено на вопросах технотрактуры и планирования. Вопросы основного отношения капитализма (отношение наемного труда) затрагивались, но не стали предметом специального исследования. Между тем, данное отношение, являющееся осевым для капиталистического устройства экономики, тоже претерпевает изменения и требует теоретического исследования направлений его развития. В данном случае в качестве отправного пункта начнем с определений типов отношений П. Сорокиным. Все формы человеческих взаимоотношений распадаются, по его версии, на три основных класса:

- взаимоотношения по типу семейных (*familistic*), пропитанные взаимной любовью, преданностью, самопожертвованием;
- свободные договорные (*contractual*) соглашения сторон для взаимной пользы, лишённые любви, ненависти, насилия, но выгодные для договаривающихся сторон;
- принудительные (*compulsory*), которые одна сторона навязывает другой против ее желаний и интересов.⁵⁴ Если несколько переформулировать, то эти отношения могут быть названы: доверительные, договорные и принудительные. Если учесть, что принудительные отношения как исторический тип остался в историческом прошлом, то за историческое будущее могут конкурировать два оставшихся.⁵⁵

Даже ушедший в историю реальный социализм существенно продвинулся в направлении первого типа отношений, основанных на доверии и сотрудничестве. Основой рыночно-капиталистических отношений является второй тип отношений – договорные. Каковы их преимущества и недостатки, на какой тип отношений следует ориентироваться общественному развитию? В реальности функционирует комбинация договорных и доверительных отношений. Социализм, построенный в СССР, существенно продвинулся в развитии отношений на основе доверия и сотрудничества, но и он сопровождался договорными отношениями.

⁵⁴ Питирим Сорокин. Главные тенденции нашего времени. М., Наука 1997. -с.64-65; 181-183

⁵⁵ Сразу отметим некорректность сведения всех типов общественных отношений к тоталитарным и свободным (договорным). При такой классификации социализм явно или неявно причисляется в тоталитарно-принудительное общество. Принудительные отношения были в докапиталистическую эпоху. В современных условиях, если даже они встречаются, то не более как рудимент. Поэтому их обсуждение в современных условиях актуально для тех, кто в принудительные отношения причисляет социалистические.

Сейчас в мире господствует тип договорных отношений, но в самое последнее время в западной литературе все чаще говорится о доверии как конкурентном преимуществе. Это достаточно широкая трактовка доверия и к теме нашего исследования прямого отношения не имеет. Фундаментом договорных отношений является абсолютизированная суверенность индивида (соответственно в теории господствует принцип методологического индивидуализма). В соответствии с этим принципом индивид полностью обособлен и обставлен защитными системами. Развитое законодательство защищает его личные и имущественные права. Для этого нужна громоздкая чиновничья, правоохранительная и судебная система, институт адвокатов. Защитный пояс индивидуализма разрастается и дорожает. Создаются и постоянно совершенствуются технические системы защиты данного типа отношений. На смену элементарным замкам, которые при социализме не везде использовались, пришли бронированные двери, системы сигнализации и видеонаблюдения. Сформировалась армия частых охранников (по разным оценкам их в России около 800 тыс. человек). Современная договорная система сильно обременена транзакционными издержками. Она очень дорогая и соответствует интересам субъектов с высокими доходами. Гражданину со средними доходами эти издержки непосильны, поэтому договорная система отношений – это фундамент для социальных слоев с высокими доходами. В любом случае эти издержки ложатся бременем на все общество.

С переходом к рыночно-капиталистической системе на глазах современников бронировались двери, обрешечивались окна и витрины, учреждения и жилые дома обрастали охранной сигнализацией, системой видеонаблюдения, охранниками и консьержами. Все эти специфические затраты являются вычетом из общественного благосостояния.

Доверие и сотрудничество соответствуют интересам абсолютного большинства, как бы не называлось общество, основанное на этих принципах. Для сознания, привыкшего мыслить только денежными категориями и образами, можно сказать, что это менее затратные, а стало быть экономически более эффективные отношения.⁵⁶ Кроме того, отношения доверия и сотрудничества в наибольшей степени соответствуют общественной природе человека.

⁵⁶ Специалисты гуманитарных наук очевидно лучше опишут иные, неэкономические достоинства этих отношений. Но каждому, кто в сознательном возрасте жил в советское время, хорошо помнится, что в этот период были более благоприятные условия существования индивидов в обществе. Была более безопасная обстановка на улицах, транспорте; было меньше преступности; алкоголизма, наркомании, проституции. Между людьми было больше доверия и свободного сотрудничества.

Буржуазное общество, базирующееся на договорных отношениях, абсолютизирует денежные ценности, а деньги – это всеобщая форма богатства, где в единичном (деньги) представлено всеобщее (разнообразный состав общественного богатства). Поэтому деньги в своем возрастании не знают границ. Высшая степень успеха измеряется количеством индивидуализированных денег. Казалось бы, те, кто выше других взойшли на денежный олимп, обрели более высокий смысл существования в координатах индивидуализированных ценностей. Тогда трудно понять, почему многие капиталистические олимпийцы имеют драматические судьбы, включая суицидальные?⁵⁷ Прямая причинно-следственная, а тем более количественно определенная связь, между денежным богатством и «человеческим богатством» (гармоничным развитием человеческой личности) обнаруживается далеко не всегда.

Общество, основанное на доверии и сотрудничестве, – не аскетическое общество. В нем тоже люди трудятся для повышения своего благосостояния. Но, во-первых, на исключительно трудовой основе; во-вторых, не для накопления богатства, особенно денежного. Альтернативой богатству является достаток, как материальная основа развития личности в избранных им направлениях.⁵⁸

Теперь рассмотрим некоторые основные проблемы, которые следует решать на базе отношений доверия и сотрудничества.

Далее... О том, что реформа образования имеет разрушительные последствия, говорится много. Указываются направления, по которым идут разрушительные процессы. Затрагиваются и причины. Самой фундаментальной основой лидерства советского образования были доверие и сотрудничество между обучающими и обучаемыми. Этот фундамент сильно деформирован индивидуализацией и обособлением

⁵⁷ Ложная самоцель денежного фетишизма с трагическими результатами: Адольф Меркле (Германия), Борис Березовский (Россия), Скот Янг (Англия), Райтис Гаймис (Латвия), Рахат Алиев (Казахстан), Михаил Демин (Приморский край), Сергей Поляков (В.Новгород); губернаторы Белых, Гейзер, Хорошавин; федеральный министр Улюкаев; полковник Захарченко и многие другие. Есть сверхбогатые люди другого типа. Бил Гейтс стал миллиардером не потому, что к этому стремился. Он продвинул общество в цивилизационном развитии и стремился именно к этому. Богатство пришло как сопутствующий фактор. Но не оно является главным элементом достоинства его личности, а результат его труда. Да и отношение к деньгам у него несколько иное, скорее благотворительное, чем олигархическое.

⁵⁸ Мы отдаем себе отчет в том, что понятие достаток – категория историческая и требует наполнения. В общем виде, на наш взгляд, человек должен иметь нормальное для каждого исторического периода жилье, одежду, питание; иметь возможность с помощью государства вырастить и выучить детей. А остальное время тратить на развитие способностей, творчество. Если же по каким-то обстоятельствам отдельным людям удастся заработать больше достатка, то его богатство должно измеряться не количеством денег, а количеством людей, которых он поднял до уровня среднего достатка.

обучающих и обучаемых. Индивидуализм все глубже проникает в поры образовательного пространства, разрушая плодотворные остатки советской системы, практически доказавшей свою эффективность. Отдельного обсуждения требует положение преподавателей всех уровней системы образования в альтернативах доверия и сотрудничества, с одной стороны, коммерциализации и «оптимизации», с другой.

Собственность. На новых принципах уместно разнообразие форм собственности, обеспечивающих трудовые доходы и возвышающие достоинство труда: индивидуальная, семейная, коллективная, партнёрская, общинная, государственная и др. Экономическим критерием уместности и необходимости той или иной формы является объем ресурсов и производства, при которых достигаются минимальные общие средние и удельные издержки и максимальная производительность.

Разрабатывая комплексный подход к конвергентной экономической системе, Дж.Гелбрейт не мог обойти проблему собственности⁵⁹. Нельзя не обратить внимание на то, как ставится вопрос о собственности и власти. Применяя исторический подход, Дж. Гелбрейт ставит вопрос: при каких условиях власть могла бы перейти к труду? Значит и такой вариант допускается, тем более, если это произойдет столь же «бесшумно», как и переход власти от капиталистов техноструктуре. Впрочем, в работах автора иногда техноструктура трактуется широко, охватывая всех специалистов компании. Мысль об основаниях передачи власти труду не доведена до определенности. Можно полагать, что во времена написания «Нового индустриального общества» еще не было созревших для этого условий. Нам представляется, что в XXI веке появляются признаки преодоления наемной формы труда в инновационном секторе.

Подытоживая столь важный вопрос как отношения собственности, следует отметить, что постановка Дж. Гелбрейтом вопроса о переходе собственности к труду (трудящимся) благородна, имея в виду среду его обитания, учебы и работы. Но его представления о «бесшумном» переходе собственности и экономической власти к техноструктуре справедливы лишь отчасти, но в основном наивны. Можно привести

⁵⁹ «Один аспект взаимоотношений между факторами производства остался, однако, менее изученным: почему власть оказывается связанной с одними факторами, а не с другими? Почему собственность на землю обеспечивала в свое время полную власть над господствующей формой производственного предприятия и вместе с этим в обществе в целом? Почему при других обстоятельствах было признано, что власть и над предприятием, и в обществе в целом должна принадлежать собственнику капитала? При каких обстоятельствах власть могла бы перейти к труду?» *Гелбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество. АСТ, 2004 с. 81

много критических аргументов. Например, если случаются разногласия между менеджментом и акционерами по поводу принятия решения о слияниях и поглощениях (очень важный вопрос преобразования собственности) последнее слово остается за акционерами. То же самое происходит при распределении прибыли и решении аналогичной важности вопросов. Конечно, технoструктура владеет оперативными решениями и «прихватывает» властные решения. Но верховенство собственности и власти остается за акционерами, включая смену менеджмента. В этом случае последние могут в лучшем случае рассчитывать на «золотой парашют», да и то по решению реальных собственников.

Инновационная экономика требует привлечения высококвалифицированного и высокообразованного персонала на ключевые и ответственные позиции. Собственно, этой категорией персонала и создается инновационная экономика. Парадокс, однако, состоит в том, что содержание, характер и результаты деятельности этой категории работников выходят далеко за пределы, ограниченные рамками положения наемных работников. Инновационно мыслящие и действующие работники выполняют даже предпринимательские функции, формально будучи наемными работниками. Наблюдение за карьерным ростом выпускников университетов показывает, что многие из них занимаются созданием новых продуктов (в широком смысле), разрабатывают новые схемы бизнеса, находят новых партнеров и новые рынки, разрабатывают новые инвестиционные проекты и реализуют их с получением конечного результата – добавочной прибыли. Перечисленные выше и аналогичные виды деятельности не могут быть сведены к исполнительским функциям, характерным для наемных работников. Инновационная деятельность создает новые источники доходов для работодателей. Уровень образования и квалификации работников инноваторского типа позволяет им оценить результаты своей же инноваторской деятельности. Некоторые результаты их инноваторской деятельности приносят норму прибыли, измеряемую сотнями, а в отдельных случаях даже тысячами процентов. При этом естественно возникают вопросы о справедливости распределения доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников.

Некоторые работодатели тоже обращают внимание на получение доходов, не являющихся результатом их деятельности. Правда, отношение разное. Они принимают это как должное. Они привычно присваивают результат чужого труда так как это принято в рамках отношения к наемному труду. Другие, более дальновидные предпринима-

тели, заботятся о том, чтобы инновационный источник дохода продолжал приносить «золотые яйца» в обозримой перспективе, поскольку природа инновационной деятельности такова, что она может создать схемы нелегального «самостимулирования», справедливого распределения ими же созданного дохода, и это тоже будет соответствовать природе инновационной деятельности.

Возможны разные варианты «самостимулирования». Например, вступить в сговор с топ-менеджментом партнеров и заложить в схему сделок систему взаимных откатов; создать параллельные аффилированные организации и уводить туда часть сделок и потоки доходов. Возможны многие другие схемы специфического оппортунистического поведения. Появились даже высокооплачиваемые консультанты по финансовым и организационным схемам, реализации корыстных интересов для предпринимателей, топ-менеджеров и других категорий. В их числе и схемы оппортунистического поведения (тоже своеобразная инновационная деятельность). Это своеобразная форма разрешения противоречия наемного труда для инновационной деятельности, но ее нельзя считать позитивной и перспективной.

Противоречие наемного труда, связанного с оппортунистическим поведением, наблюдается давно. Сложилась определенная практика разрешения названного противоречия со стороны предпринимателя. Она обобщена в целых теориях: «агентские отношения», «революция управляющих» и др. Предмет нашего исследования отражен в неинституциональной теории агентских отношений. Она охватывает широкий круг вопросов оппортунистического поведения. Для того, чтобы оценить эвристический потенциал неинституциональной теории применительно к решению противоречивой проблемы инновационной деятельности в рамках наемного труда, необходимо кратко рассмотреть ее основные моменты с тем, чтобы обосновать свою позицию и сформулировать собственные выводы.

Агентские отношения, рассматриваемые в институциональной теории, при ближайшем рассмотрении являются иным выражением отношения наемного труда и капитала. В обоих случаях в отношении вступают два лица, имеющих существенно отличную социально – экономическую определенность. Первое из них называют принципалом, который обладает и распоряжается ресурсами, необходимыми для предпринимательской деятельности. Второе лицо – агент, который выполняет в пользу принципала определенный вид и объем работ или услуг. Его существенное социально – экономическое отличие от первого состоит в том, что у агента нет ресурсов, но есть способность к ин-

новационной деятельности. Заметим, что на самом деле отношение принципал-агент – это иное название отношения наемного труда и капитала. Их единственным родовым признаком является концентрация ресурсов на одном полюсе и их отсутствие на другом, где имеются способности к инновационной трудовой деятельности, но отсутствуют условия для ее реализации. Принципиально важно то, что на основе указанной поляризации возникает экономическая власть одних субъектов и экономическая зависимость других, со всеми вытекающими последствиями, включая распределение дохода. Недостатком обращения Дж. Гелбрейта к отношению власти является то, что в тени осталась парная с ней категория экономической зависимости.

Это отношение, как бы оно ни называлось, получает правовую форму, которая не может отразить все возможное содержание реального процесса. Основными моментами, фиксируемыми в договоре, являются: для агента – цели, ресурсы для их достижения, вознаграждение, контроль и санкции; для принципала все эти моменты имеют симметричную форму. Говоря о симметричности отношения, следует заметить, что экономические позиции и интересы сторон противоположны. Именно поэтому возникает момент контроля и санкций, которые не являются внутренне необходимым моментом самого инновационного экономического процесса. Также заметим, что в рамках исследуемого отношения, как бы оно ни называлось, не выделяется специфика инновационной деятельности. Ей не могут быть внутренне присущи отношения контроля и санкций. Более того, инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ, и получение дополнительных источников дохода не может вписаться в социальные рамки наемного труда. Творение нового предполагает свободу от контроля, а тем более санкций. Природа инновационной деятельности требует принципиально иных отношений, объемлющих соучастие в процессе распределения результатов со стороны обоих участников экономических отношений.

В рамках институциональной теории отмечается неполнота договора между принципалом и агентом, говорится о его дополнении традициями, ожиданиями и т.д. Но обходится вопрос о противоречии природы инновационной деятельности, сущности отношения принципал-агент (наемный работник-работодатель; наемный труд-капитал; собственник-несобственник). Тем более ни одна из теорий, методологически связанная с неоклассикой (мейнстрим), не может прийти к выводу о необходимости преодоления наемной формы труда по причинам отнюдь не научного характера. Между тем ее преодолевает сама прак-

тика. Для доказательства этого тезиса проследим противоречивое развитие агентских отношений.

Внутренняя логика агентских отношений состоит в следующем. Стороны вступают в отношения из-за ограничений, с которыми они сталкиваются. Принципал не в состоянии реализовать все свои предпринимательские планы и проекты, привести в движение все свои ресурсы с эффективным результатом. Чем больше у него ресурсов, тем больше необходимость в услугах агентов. Но причина возникновения отношения не только количественная. Принципал не может профессионально охватить все функции, связанные с его предпринимательской деятельностью, что убедительно показано Дж. Гелбрейтом. Чем разнообразней и диверсифицированней область деятельности, тем существеннее данное ограничение. У принципала количественные возможности (ресурсы и их спецификация) сталкиваются с качественными ограничениями (способность их эффективной аллокации).

У агента противоположные ограничения. В отсутствии собственности на ресурсы (средства производства) заключена коренная причина принятия одним из субъектов отношения социально-экономической определенности агента (наемного работника). В противном случае лицо, обладающее не только способностями к труду и инновациям, но и средствами для их реализации приобретет иную социально-экономическую определенность, не обремененную экономической властью над собой и зависимостью со своей стороны.

Нашему анализу и выводам противоречат постулаты неоклассической теории, состоящие в том, что любой индивид может реализовать свои способности, **заимствуя** на рынке ресурсов все для него необходимое, если даже у него нет собственных. Лукавство подобных рассуждений обнаруживается при первом соприкосновении с реальностью, состоящей в том, что **заимствовать** ресурсы можно только под уже существующие накопленные активы, находящиеся в собственности заемщика и могущие служить материальной основой гарантии заимствования (залогом). Но именно отсутствие собственности толкает агентов в положение (наемных работников). На это положение обречены все молодые специалисты, начинающие свою трудовую деятельность.

Сформулированное двустороннее противоречие находит форму разрешения, но противоречивость не устраняется. Именно поэтому возникает проблема контроля, оппортунистического поведения и агентских издержек.

Принципал, отчуждая ресурсы, передаваемые агентам, сталкивается с некоторыми проблемами: эффективная аллокация ресурсов, свя-

занная с функциональными и креативными способностями агента, и оппортунистическое поведение, порожаемое следующими обстоятельствами: агент может стать принципалом, наняв своего агента, у агента образуются собственные цели, отличные от целей принципала, для достижения которых используются ресурсы принципала.

Кроме креативных данных у агента есть преимущество в том, что по сравнению с принципалом он располагает большей информацией о технологии предпринимательского процесса. На этом основана идея техноструктуры. Разрыв в информации и возможности ее использовании для оппортунистических целей вызывает необходимость контроля и затрат, связанных с ним.

Последней логической ступенью для перехода к изложению своей позиции осталось рассмотреть ограниченность теории агентских отношений применительно к предмету нашего исследования.

Во-первых, ограниченность данной теории исходит из методологических основ неоклассической теории методологического индивидуализма. Индивид, прибегающий к оппортунистическому поведению, оценивает эффективность контроля и вероятность разоблачения; он сам соотносит выгоды от оппортунистического поведения и возможные потери от санкций. Ставка на индивидуальный самоконтроль принимающего решение агента – очевидное ограничение теории агентских отношений. Она оказывается в тупике перед элементарным вопросом: почему некоторые агенты не приемлют оппортунистического поведения, даже имея абсолютную уверенность в том, что санкции не последуют.

Не имея признаков общей теории, данный подход ограничивается анализом совокупности фактов оппортунистического поведения, опираясь на маргинальный подход: сопоставление предельных издержек от контроля со стороны принципала и предельных выгод от предотвращения ущерба (упущенной выгоды) в результате контроля. Выводы соответствуют уровню анализа, соответствующего неоклассической теории. С агентом следует прекратить контрактные отношения, если предельные издержки больше предельного дохода. Вывод справедлив, если рассматриваются случаи банального отлынивания, воровства или даже более сложных схем присвоения ресурсов принципала агентом, коррупции по отношению к третьим лицам (клиентам) и т. д. Не очень большой потенциал агентских отношений используется исключительно в социальных рамках наемного труда.

Неоинституциональная теория не содержит теоретического методологического потенциала исследования оптимизации социальных

отношении вообще и общественной формы труда инновационной деятельности, в частности, в тесных рамках агентских отношений. Инноватор не ворует ресурсы принципала, не берет взятки у клиентов. Он множит ресурсы принципала либо повышением его конкурентоспособности, либо созданием новых источников дохода. Он претендует на часть созданных им же благ, или на часть своего же неоплаченного труда. Если этого не делает принципал, то инноватор сам изобретает способы улавливания, хотя бы части дополнительно созданных им благ. Как инноватор он в состоянии создать соответствующие схемы, организации и механизмы.

Предположим, что принципал, пользуясь теорией агентских отношений, обнаруживает специфическое, в данном случае, оппортунистическое поведение. Кажется естественным с его стороны прекращение отношений с данным агентом, чье оппортунистическое поведение обнаружено. Но тогда принципал лишится вместе с агентом создаваемых им дополнительных предпринимательских благ в виде конкурентных преимуществ и дополнительных источников доходов. Такое решение противоречило бы главной цели и сути его деятельности, хотя и кажется логичным с позиций теории агентских отношений. Вместе с тем, понимая утрачиваемые выгоды, связанные с увольнением агента, принципал не может мириться с оппортунистическим поведением в рамках отношения наемного труда. Каков же оптимальный выход из данной ситуации?

Объективная логика экономического развития требует перехода к другим отношениям. Каким? В рамках наемного труда (то же самое в отношении принципал-агент) практикуются бонусы. Даже самое их умелое построение означает лишь частичное разрешение противоречия в рамках прежнего отношения. К тому же, решение о введении бонусных поощрений принимает сторона, обладающая экономической властью. Другая сторона в этом отношении бесправна. Поэтому далеко не все субъекты, обладающие экономической властью, принимают решения о бонусных поощрениях. Следовательно, встает задача перехода к иным отношениям, снимающим отношение экономической власти и зависимости. Прежде всего напрашивается **отношение партнерства**, когда добавочно получаемый доход, полученный от инновационной деятельности агента, делится в определенных пропорциях теперь уже не принципалом и агентом, а между партнерами. Количественное соотношение пропорций раздела дополнительного дохода является теперь уже результатом расчетов и переговоров между равноправными партнерами.

Если же вчерашний агент вкладывает к тому же и свои ресурсы, которые могут быть накоплены из заработной платы за определенный период, в реализацию предпринимательского проекта, то их отношения приобретают форму *партнеров-совладельцев*. Не увольнение разоблаченного инноватора, а преодоление архаичного для инновационной деятельности отношения наемного труда и переход к новым отношениям партнерства или совладения выгоден и оптимален для сторон, участвующих в экономическом процессе. В рамках новых отношений происходит преодоление безвозмездного присвоения чужого неоплаченного труда на основе экономической власти одних и экономической зависимости других. Важно то, что происходит это на основе технического прогресса, высокого образования и квалификации, т.е. на переднем крае развития экономики. Можно высказать предположение: в той мере, в какой будет прогрессировать экономика, в той мере наемная форма труда все очевидней будет проявлять свою архаичность и неэффективность. Модернизация экономики на основе инноваций потянет за собой утверждение новых отношений соучастия в общественном производстве.⁶⁰

Конечно, пока речь идет лишь о первых признаках появления и утверждения принципиально новых отношений, которые лягут в основу нового социально-экономического устройства общества. Наш вывод о преодолении принципал-агентских отношений не является экзотическим и подтверждается

⁶⁰ Одной из форм перехода от наемного труда к отношениям партнерства можно считать уже созданные и функционирующие виртуальные организации. Они объединяют пространственно разрозненных работников через электронные технологии. Их рабочим местом являются не цеха и офисы, а подключенный к интернету компьютер. Помимо экономии на транспортных и офисных издержках (особенно с учетом пробок на дорогах) работники в этих организациях состоят в особом режиме отношений принципал-агент.

Во-первых, здесь использование ресурсов принципала не имеет существенного значения. Компьютер и программное обеспечение доступны и самому агенту. Во-вторых, здесь нет проблемы контроля и санкций. Стороны оговаривают условия совместной работы и распределения дохода. Форма организации как юридического лица и трудовой контракт, заключенный между принципалом и агентом, имеют больше формальное значение. Реально это скорее сотрудничество партнеров. Конечно, есть мотивы, привязывающие агента к принципалу (например, бренд, наработанный опыт, отлаженное функционирование компьютерных технологий и т. д.). К переходным формам можно прибавить и так называемое стратегическое стимулирование труда топ-менеджмента. Стимулирующая часть оплаты труда привязывается к конечным результатам реализации проектов, роль которых в разработке и осуществлении которых у отдельных категорий работников велика. Итоговыми бонусами выступают заранее оговоренная доля конечного дохода или переход во владение определенной долей акций. Эти формы стимулирования и распределения дохода выходят за пределы распределения по принципам наемного труда. Приведенные формы распределения мы считаем примерами зарождения переходных отношений, подтачивающих фундаментальные основы капиталистической экономики. Подобных примеров практика накопила немало и их количество будет множиться по мере развития «новой» экономики.

общественно значимыми событиями в XXI веке. Напомним, что в более чем в 80 странах произошли массовые выступления против несправедливого распределения доходов. В США, считающимися лидером экономического развития на основе наемного труда, протесты приняли форму борьбы против финансового капитала (движение «захват Уолл-Стрит»). Возможно со временем придет осознание общности проблемы. Нельзя не отметить событие, возникшее в студенческой среде США. Студенты Гарвардского университета, отказавшиеся посещать лекции Г. Менкью, одного из самых популярных экономистов, среди целого ряда претензий отмечают односторонность и предвзятость преподаваемого им вводного курса экономической теории, прославляющей существующий порядок вещей, в том числе с несправедливым распределением доходов. Одной из движущих сил протестного движения, получившего название «арабская весна», также было требование справедливого распределения доходов.

В основе несправедливого распределения доходов лежит наемная форма труда или отношение принципал-агент. В свою очередь, данная общественная форма труда обусловлена характером и способом соединения агента с условиями реализации его способностей (ресурсами). Соответствующей является и логическая цепочка преодоления несправедливого распределения доходов. Инновационная экономика и инновационный характер труда практически подводят к преодолению наемной формы труда. Изменения в производительных силах императивно влияют на изменения экономических отношений. На языке политической экономии речь идет о об элементах подрыва основного отношения рыночно-капиталистической экономики в рамках сохранения ее пока как функционирующей системы.⁶¹

⁶¹ «Мы выходим на улицы сегодня, чтобы присоединиться к бостонскому маршу протеста против акционирования высшего образования как части глобального движения Захвата. Так как «Экономикс» носит предвзятый характер, способствует и символизирует растущее экономическое неравенство в Америке, мы уходим с ваших занятий сегодня в знак протеста против недостаточного внимания базисной экономической теории, и чтобы оказать поддержку движению, которое меняет американский дискурс экономической несправедливости». Необходимость существенного изменения социально-экономических отношений под воздействием развивающихся производительных сил на рефлексивном или интуитивном уровне отмечается некоторыми субъектами экономического процесса. Один из кандидатов в Президенты РФ призывал к изменениям в Трудовом кодексе, дающим право «добровольного» удлинения рабочего дня с целью больше заработать в рамках той же наемной формы труда. Ему, естественно, в голову не может прийти мысль о том, что стимулировать добровольное удлинение рабочего дня можно эффективнее осуществить через переход к отношениям партнерства и совладения. На Давосских форумах мировая элита периодически затрагивает необходимость перехода к новым формам социально-экономического мироустройства, в частности, к «демократическому капитализму». Но что это такое содержательно? Идет ли речь о некоторых парораспределительных мерах (пенсии, пособия и т.п.) или об изменении в корен-

В настоящее время идет поиск новой модели социально – экономического развития, более справедливого и соответствующего высшим ценностям человека и общества. В этом поиске научные наработки выдающихся предшественников, творивших в прошлом веке, служат ценной базой для последующих изысканий. Это относится и к прошлому практическому опыту. Фундаментальный труд Дж. Гелбрейта «Новое индустриальное общество» нельзя отнести к технократическому производству. В нем поставлены острые социальные вопросы, связанные с экономической дифференциацией и неравенством, возможностям перехода экономической власти к труду как фактору производства и его носителям – работникам. Это фундаментальные вопросы общественного устройства. Объединяя их с функциями планирования, власти, государства Дж. Гелбрейт применяет обобщающее понятие «социализация». Это и есть, на наш взгляд, общее итоговое определение конвергенции, которая рассматривается им как *система*.⁶² Практика будет опытным путем «нащупывать», а разные отрасли науки продолжают поиск более совершенной модели развития общества, гармонично сочетающего в себе качества экономической эффективности и социальной справедливости, основанные на принципах доверия и сотрудничества. Возможно человечество будет двигаться к такой модели через целый ряд переходных этапов и ступеней. Особая роль в этих исследованиях, перспективной направленности, принадлежит экономической теории, которая должна опережать практику выявлением закономерностей, открывающих человечеству возможности и направления к новому уровню цивилизации, основанному на более совершенном экономическом порядке.

ных отношениях капиталистического мироустройства? От ответа на эти вопросы зависит принципиальные позитивные и нормативные позиции экономической теории.

⁶² «То, что большинство отдельных явлений, ведущих к социализации (если позволительно употребить это самое неприятное слово) развитой корпорации, реально существует признают даже наиболее консервативно настроенные люди. Контроль такой корпорации над ценами на ее продукцию, ее воздействие на поведение потребителя, бесшумное устранение акционеров от власти, государственное регулирование совокупного спроса, стремление к стабилизации цен и заработной платы, значение финансируемых государством научных исследований и конструкторских работ, а также государственных закупок, связанных с нуждами военных ведомств, роль управления по исследованию космического пространства и смежных государственных учреждений, влияние корпорации на эти виды государственной деятельности и современная роль образования — все это более или менее признанные факты реальной жизни.

Чего избегают, так это размышлений о выводах, которые напрашиваются, если свести все эти факты воедино, рассматривать их как систему. Однако невозможно допустить, что здание осталось таким, как раньше, если главные опоры и перекрытия индустриальной системы изменились. Если части изменились, то изменилось и целое. Если в результате этих изменений развитая корпорация оказалась неразрывно связанной с государством, то данный факт нельзя не включить в число ее характерных признаков». Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. АСТ, 2004. с.561

Что бы об этом сказали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин

Цаголов Георгий Николаевич

ЧТО БЫ ОБ ЭТОМ СКАЗАЛИ Г.В. ПЛЕХАНОВ И В.И. ЛЕНИН

Наша конференция проходит в 100-летнюю годовщину русской революции 17-го года. 2 марта, ровно век назад, царь Николай II отрёкся от престола. СМИ пестрят материалами о событиях вековой давности и их акторах. Но почему так мало говорится о главных из них – Георгии Валентиновиче Плеханове и Владимире Ильиче Ульянове-Ленине? Разве не они были главными «героями» того периода, оказавшего решающее влияние на всю последующую историю России, да и всего мира? Хотя в дни Февраля оба находились в эмиграции, именно их социал-демократическая деятельность раскачала лодку самодержавия так, что она пошла ко дну. Мысли Плеханова и Ленина интересны и сами по себе. Но из них можно извлечь немало полезного и для понимания нынешней ситуации и решения тех проблем, которые стоят перед нашим обществом. Предположим, что эти две фигуры воскресли – что бы в этом случае они сказали о том, где сейчас находится Россия и к чему ей надо стремиться?

Напомним, что Георгий Валентинович Плеханов прежде был вначале народником и был вынужден эмигрировать в Европу. Там он стал основоположником русского марксизма. Плеханов был старше Ленина на 13 лет. Он не раз встречался с Энгельсом, который высоко оценивал его деятельность, сделанные им переводы работ Маркса и Энгельса на русский язык. С организацией в 1889 году II Интернационала Плеханов становится одним из его лидеров. К числу духовных воспитанников Плеханова принадлежал и Ленин, который познакомился с ним 25 лет отроду в Швейцарии в 1895 году. Они вместе учреждают и руководят газетой «Искра», готовят второй съезд РСДРП.

Когда-то Плеханов был для Ленина кумиром. Несколько лет они были единомышленниками, но затем их взгляды и пути разошлись. Тем не менее, для социал-демократического дела они оба сделали больше всех других. Раскол начался на II съезде РСДРП в 1903 году. Причиной тому послужили разные точки зрения об оптимальной структуре, численности и характере партии. Ленин стал вождем большевиков, а Плеханов перешел, хотя и не сразу, в лагерь меньшевиков лидером которых оказался прежний друг Ленина Юлий Мартов. Противостояние Ленина и Плеханова усилилось с началом мировой империалистической войны. Ленин ратовал за превращение её в войну гра-

жданскую. Он исходил из разработанной им концепции возможного прорыва капиталистической цепи в наиболее слабом её звене, и полагал, что Россия в силу сложившихся обстоятельств является именно таким звеном. Плеханов считал, что рабочему классу и крестьянству все же следовало поддержать русскую буржуазию и царские власти в борьбе с Германией и её союзниками – главными зачинщиками войны.

Кульминационный момент их раздора произошел после Февраля 1917-го года, когда оба вернулись из эмиграции в Россию. Ленин, сразу же выступил с «Апрельскими тезисами», призывающими к перерастанию свершившейся буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Плеханов назвал эти тезисы «бредом», добавляя, что «действия большевиков красноречиво доказывают, что горе от ума – не их горе». Он был уверен, что «русская история ещё не смогла той муки, из которой со временем может быть испечен пшеничный пирог социализма». Но победил Ленин. Время показало, что его идея имела под собой немалые основания.

С горечью встретив Октябрьскую революцию, Плеханов предрек, что за этим последует гражданская война и экономическая разруха, что через пять лет это выльется в монополию одной партии на власть, а через десять лет – в диктатуру одного человека. Все это и многое другое имело место. В 1921 году Ленин вынужден был отступить от «военного коммунизма» к НЭПу. Впоследствии революция стала пожирать своих детей, произошел по выражению Троцкого термидорианский переворот, а общество стало превращаться в нечто подобное некогда существовавшему азиатскому строю, где государство-Левиафан на базе общественной собственности на землю подвергало эксплуатации своих подданных.

Большевики не предвидели будущей угрозы перерождения власти в партийно-государственную номенклатуру, не подконтрольную народу и таящую в себе побеги будущей гибели далекого от идеалов марксизма строя. Да, это все так. Но ведь это лишь одна сторона медали. Есть и другая – грандиозные успехи. В кратчайшие сроки была проведена индустриализация, а по темпам промышленного роста Советский Союз шел впереди планеты всей. И все это происходило на фоне небывалого по своим размерам в истории капитализма экономического краха. В нашей стране были изжиты кризисы и ликвидирована безработица. Миллионы людей получили доступ к бесплатной медицинской помощи и образованию. Резко повысился культурный уровень населения. Проведя мобилизацию, СССР разгромил Гитлера и одержал победу в Великой Отечественной войне, а затем быстро восстановил

народное хозяйство. Мы первыми запустили искусственный спутник Земли и первыми направили человека в космос. Советский Союз стал одной из двух супердержав. Граждане страны с уверенностью смотрели в завтрашний день.

В 1991 году в нашей стране произошла ещё одна революция – антисоциалистическая. Она смела не только государственно-бюрократический режим, но и сами основы социализма, все то положительное, что было сделано за годы Советской власти. Конечно, и Плеханов и Ленин были бы принципиальными противниками реставрации капитализма у нас в 1990-х годах. Начатая с расшатывания политической системы «перестройка» Горбачева нанесла делу Ленина нокаутирующий удар. Политика же Ельцина-Гайдара была, по сути, «большевизмом наоборот». Можно выразиться так: если раньше мы находились на боку – в бюрократическом социализме, то затем просто перевернулись на другой бок и оказались в бюрократическо-олигархическом капитализме.

Могло ли быть иначе? Мировой опыт дает на этот вопрос положительный ответ.

Перестроечные процессы в Китае начались задолго до наших реформ – в 1978 году, но не с политики, не с расшатывания власти, а с экономики, где стали проводится постепенные преобразования. Китайская гомеопатия сработала. Поэтому там не было никаких экономических провалов. У нас долго звучали призывы к выдержке трудностей «переходного периода к рынку». Да и сейчас нередко повторяют это. Но все это давно закончилось. Четверть века назад в стране возник капитализм, вначале криминальный, или бандитский, затем олигархический и, наконец, бюрократическо-олигархический. В Китае же после начала реформ никаких кризисов не было, темпы роста оказывались самыми быстрыми в мире, и отсутствовала дискредитация прежних руководителей. Портреты Мао и сегодня смотрят на нас с юаня и не только. Да у его были ошибки. Но, как говорят сменившие его руководители Поднебесной, на 30% он ошибался, а на 70% оказывался прав. Напомним и то, что китайские коммунисты в штывы встретили демарш Горбачева. И где теперь Китай? Так что наша судьба могла сложиться совершенно иначе. Но у нас живуч большевизм. Он был и в 1917 году и имел место в 1990-х. А нужен срединный путь, о чем несколько позже.

Несмотря на вражду и разрыв личных отношений между Плехановым и Лениным у них было много общего. И даже после кончины Плеханова в 1918 году Ленин, несмотря на сказанные в его адрес обидные слова давал Плеханову самые высокие оценки. Представляется,

что и Плеханов и Ленин указали бы на необходимость эволюционного перехода к новому социализму, сочетающему в себе плановое хозяйство, некоторые другие элементы социализма и определенные положительные черты капитализма. Какие имеются основания для таких утверждений?

В своих последних работах, творчески развивая марксизм, Плеханов высказывает очень интересные мысли, которые нам могли бы быть очень полезны сегодня. Он предрекает, что в связи с прогрессом производительных сил в будущем концепция диктатуры пролетариата утратит свою силу, а наиболее передовой и многочисленной прослойкой общества станет интеллигенция. Это произойдет потому, что сами производительные во все большей мере нуждаются в знаниях и интеллекте. А раз интеллигенция будет возвышаться, значит, возможно и то, что она повернет развитие общества в гуманистическом направлении, а классовые противоречия станут смягчаться.

Эта идея позже стала высказываться и другими титанами мысли. 50 лет назад в книге «Новое индустриальное общество» известный американский экономист Дж. К. Гэлбрейт пришел к выводу, что именно «сословие педагогов и ученых» способно в будущем преобразовать мир в лучшую сторону. И произойдет это потому, что развивающиеся производительные силы общества все больше нуждаются в интеллектуальном труде.

Гэлбрейт высказал и другую революционную мысль, явно неувоенную теми, кто проводил в нашей стране «демократические реформы». На Западе, как известно, утвердилось мнение, что главным регулятором экономики капитализма является рынок, из чего вытекает превосходство покупателя над производителем. Гэлбрейт доказал обратное. Рыночные отношения остались лишь во второстепенной части экономики. В доминирующем же мире крупных корпораций и вытеснила «планирующая система».

Дело в том, что власть в большом бизнесе перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов и других носителей знаний, которых Гэлбрейт называет техноструктурой. Решения принимаются ими коллегиально, а не единолично собственниками фирмы, как раньше. Стремясь отгородиться от превратностей рынка, техноструктура с помощью рекламы и других средств оказывает на потребителя мощное воздействие, навязывая ему все новые модификации своей продукции. Между тем малый и средний бизнес по-прежнему не располагает такими возможностями воздействовать на рынок. Он с трудом выживает в острой конкурентной борьбе между

собой и под гнетом большого бизнеса. Свершившиеся изменения льют воду на мельницу технотехники, но не всего общества. Чтобы произошло последнее, Гэлбрейт призывает к внедрению централизованного планирования, охватывающего основные пласты американской экономики. При этом, по мнению Гэлбрейта, в этом заинтересована и часть рыночной системы, поскольку такие её области, как медицина, образование или искусство, нуждаются в защите и государственном регулировании.

Итак, рыночные отношения существуют, но не самой сердцевине современной экономики. В центральной же её части господствует планирующая система, подминающая рынок и заставляющая потребителя служить производителю. Произошли, стало быть, радикальные перемены, противоречащие исходным постулатам западных (а теперь и наших) учебников по экономике, в том числе и наиболее известному из них лауреата Нобелевской премии по экономике Поля Самуэльсона. Это учебники для учебников, но не учебники, отражающие изменившуюся реальность. В итоге всеобъемлющего и глубоко анализа Гэлбрейт приходит к выводу, что ««новый социализм»... навязывается обстоятельствами»⁶³. Социалистический тренд не только желателен, но и неизбежен. За эти «крамольные» мысли он был подвергнут остракизму. Ему, второму после Кейнса великому экономисту XX века, не присудили Нобелевскую премию. Но, уверен, его имя переживет имена большинства её лауреатов.

С упомянутой идеей Плеханова и мыслями Гэлбрейта соседствует и тезис о возможности эволюции капитализма в направлении смешанного общества «с развитой, – как писал Плеханов, – системой социальной защиты». Прочитируем его слова: «Я не вижу нужды в попытках предвосхитить конкретные черты последней стадии, на которой элементы капитализма и социализма могут долго идти рядом, в чем-то конкурируя, а в чем-то дополняя друг друга. В дальнейшем капитализм может умереть сам, медленно и безболезненно, но потребуются для этого как минимум столетие, а возможно, и не одно»⁶⁴. Это ли не предтеча теории конвергенции, разработанной Гэлбрейтом, или нового интегрального общества, продолжающей его идеи и получающей теперь все большее признание?⁶⁵

⁶³ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 570.

⁶⁴ «Независимая газета», 30 ноября 1999 г.

⁶⁵ Подробнее об этом говорится в книге «Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика». Под ред. Г.Н. Цаголова. Коллектив авторов: О.Т. Богомолов, Г.Г. Водолазов, С.Ю. Глазьев, С.М. Меньшиков, Г.Н. Цаголов и др.

Между прочим, первым кто ввел практику конвергенции в мире, был никто иной, как Ленин. После Октября 1917 года большевики, руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Неготовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугубленный мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспеченного режима. Но Ленин не был бы собой, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил был введен НЭП. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открыли шлюзы капитализму. В итоге образовалась многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы ещё продолжался НЭП. Но он умер и вскоре почил и НЭП.

В статье «О кооперации», входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»⁶⁶. Что конкретно Владимир Ильич имел под этим в виду остается тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Именно НЭП дал первый пример эффективности, благотворной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему НЭП был так быстро свернут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм «беспримесное» плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы.

Между тем знамя конвергенции подхватили другие страны – и на Западе, и на Востоке. Под влиянием Октябрьской революции и опыта канувшего в Лету социализма в нашей стране весь мир социализировался. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире.

Дж.М. Кейнс первым заявил, что без государственного вмешательства капитализм потерпит крах. На него сыпались беспочвенные упреки в агитации за социализм, хотя он хотел лишь упрочить и про-

⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.

длить существование буржуазного общества. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских странах. Но больше других в этом направлении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам. В этих странах, проводивших в отличие от нас грамотные реформы, компартии превратились в социал-демократические организации, проводящие преобразования не под лозунгами усиления классовой борьбы, а напротив привлекающие к социалистическому строительству все основные слои населения, включая и верхушку буржуазии. Руководители этих стран не выкинули плановое хозяйство, а держат руль в руках, и регулируют экономику так, что сохраняют нужный баланс между социализмом и капитализмом.

Сегодня это самая эффективная и оптимальная система. Что будет через сто лет, мы не знаем. Но именно эта система должна быть ориентиром для нашей страны. Почему? Потому, что она наиболее эффективна. Потому, что она одновременно все же как-то решает и проблемы и быстрого экономического роста, и социальной справедливости, и развития личности. Это – не коммунизм, и это не капитализм, а это нечто среднее, что возникло и что, видимо, может представлять собой ту самую систему общества, которое приходит на смену и чистого капитализма и чистого социализма. Его можно обозначить как новое интегральное общество. Так распорядилась история.

Спрашивается, каково же историческое место этого общества нового типа? Думается, что это седьмая по счету формация. Почему? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации научными авторитетами справедливо упоминалась ещё и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов, и зиждилась на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о «восточной деспотии» особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Факты непреложно свидетельствуют: седьмая формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека. В её основе находится *биполярная, взаимодополняющая планово-рыночная система*. План и рынок не непримиримые антиподы, а разные способы экономи-

ческого регулирования. Коллизии возникают как раз там и тогда, когда действует лишь один из них.

Теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в результате ошибочно проведенных реформ в системе координат зависимого от Запада бюрократическо-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путем пока ещё сохраняются.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение плановости в виде ее инструмента – планового хозяйства. В экономике необходимо постоянно поддерживать оптимальный баланс между плановыми и рыночными началами.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с помощью «невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Но разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Жизнь человека зависит и от процветания того общества, в котором он живет, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность. Марксисты же всегда акцентировали на справедливости и социальных аспектах, ставя их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Эта теория дает ключ к нахождению новой идеологии России. С утверждением этой концепции и принятием её на вооружение появляется возможность верной интерпретации нашей истории, понимания допущенных просчетов, видении нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Наша страна, как известно, ушла от прежней приторной идеологии. И в этот нет ничего плохого. Недавно я вновь посмотрел фильм «Ленин в 1918». Он был выпущен в 1939 году. Все делалось под Сталина. Там уже и Бухарин плохой, а будущий вождь необычайно мудр и велик. Нам такая идеология не нужна. Но это не значит, что нам вообще не нужна какая-либо идеология. Сказать, что у нас теперь совсем нет идеологии, было бы неверно. Она у нас есть, но она буржуазная. А нам требуется идеология нового интегрального общества. Одно из ее требований заключается в том, что мы должны восстановить планирование в тех пределах в которых оно вместе с рынком благотворно работает на общество. Тогда мы может сказать: да мы осознаем нашу

историю. Мы отдаем дань гениальности тех людей, которые её творили, но которые совершили и определенные ошибки. А эти ошибки в 90-х годах прошлого века были неверно «поправлены», вследствие чего мы оказались в условиях бюрократическо-олигархического капитализма. Теперь же нам надо выйти из этого состояния. Причем желательно без революции – эволюционно. Но мы теперь видим ориентир, мы должны двигаться к золотой середине.

Литература

1. Безруков А., Ребро О., Сушенцов А. Дональд Трамп: профессиональный профиль нового президента США. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». С. 14. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14303/>
2. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Башмаков В.И. Средний класс в структуре материальной обеспеченности российского общества. Уровень жизни населения регионов России. №3 (201), 2016
3. Богатейшие люди мира – 2016: рейтинг Forbes. URL: www.forbes.ru
4. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1.4. Изд. М.-Л., Госиздат, 1925.
5. В зеркале системной экономической теории (Часть 1). Вопросы экономики. 2015. №12. С. 107—123.
6. В.Н. Бобков и др. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ. –М.: ТЭИС, 2014. -96с.
7. Волков С. В. Забытая война. Статья. Сайт историка С. В. Волкова <http://www.swolkov.org/publ/27.htm> (2004).
8. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 159 с.
9. Голубицкий С.М. Чужие уроки – 2009. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/179368/slug/chuzhie-uroki---2009>
10. Губанов С. Вероятна ли мировая рецессия-2012? // Экономист. 2012. №1.
11. Губанов С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) // Экономист. 2015. №10.
12. Губанов С. Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. 2017. №3.
13. Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. 2002. №7.
14. Губанов С. Рост без развития (анализ итогов I полугодия) // Экономист. 2003. №9. С. 32.
15. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. АСТ, 2004
16. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Росполитиздат. 1960.
17. Джон Молдин, Джонатан Теппер. Развязка. Конец долгового суперцикла и его последствия. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013
18. Долговая экономика как феномен XX! века. Под ред А.А. Пороховского. М., 2014
19. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.

20. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. Вопросы экономики, 2013. №6. С. 4—28.
21. Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц». Вопросы экономики. 1996. №4. С. 28—34
22. Клейнер Г. Устойчивость российской экономики
23. Клейнер Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 2). Вопросы экономики. 2016. №1. С. 117—138.
24. Клейнер Г. Нанoeкономика. Вопросы экономики, 2004, №12.
25. Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: АНХ Дело, 2008.
26. Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М., Госиздат, 1921.
27. Кузнецов А.В. Тайная власть Британской короны. Англобализация. М.: Книжный мир, 2016. 288 с.
28. Кульминация военного коммунизма. «Экономика и организация промышленного производства» 1989 №1.
29. Ларина Е.С. Трамп и его одинокие волки. URL: <http://hravzedka.ru/blog/tramp-i-ego-odinokie-volki.html>
30. Ларина Е.С. Трамп и его одинокие волки...
31. Ларина Е.С. Умножающие скорбь. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 166.
32. Ларина Е.С. Умножающие скорбь..., С. 170-171.
33. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., Т. 42. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – С. 278.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.
35. Литература.
36. Лукьянов Ф. Президент нашей мечты. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Prezident-nashei-mechty-18551>
37. Люттвак Э. Трамп – не такой милый политик, как Обама. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-ne-takoi-milyi-politik-kak-Obama-18560>
38. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. Макаров)
39. Марко Ричерри. Социальная прекаризация и устойчивое развитие: размышление на тему опасных противоречий. В кн. Неустойчивость занятости (прекаризация): общее и особенное с учетом интеграционных усилий государства и общества. Гл. научн. Ред. В.Н. Бобков. М.: Издательство МАГИСТР –ПРЕСС, 2015 – 448с.
40. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
41. Митч Файерстайн. Планета Понци. Как политики и банкиры крадут наше будущее, как вы можете выжить, что будут дальше. Москва. Международные отношения. 2014.
42. Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М., Финансы и статистика, 1981.
43. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. Под ред. Г.Н. Цаголова. Коллектив авторов: О.Т. Богомолов, Г.Г. Водолазов, С.Ю. Глазьев, С.М. Меньшиков, Г.Н. Цаголов и др.
44. Новые материалы к работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М.: 1935.

45. Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов ЭКО, 1990, №4.
46. Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М.: Норма. Инфра-М 2017.
47. Нуреев Р. М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) М.: КНОРУС. 2016.
48. Нуреев Р.М. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). М.: МОНФ, 2001; 2-е изд. 2003.
49. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов. М.: РОССПЭН. – 1998.
50. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.
51. Питирим Сорокин. Главные тенденции нашего времени. М., Наука 1997. - с.64-65; 181-183
52. Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. М.: ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
53. Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
54. Политическая экономия как экономическая философия [Текст]: учебное пособие. Рук. авт. колл. Б.А. Денисов.- М.: ГУУ,2009.- 170с.
55. Принципы Стратегии экономического развития России до 2025 года. Проект. – М.: ТПП РФ. 2017. 13 января.
56. Реформирование мировой финансовой архитектуры и российский финансовый рынок: монография / Е.А. Звонова, М.В. Ершов, А.В. Кузнецов, А.В. Навой, В.Я. Пищик: под ред. Е.А. Звоновой. М.: РУСАЙНС, 2016. 430 с.
57. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. с. 408.
58. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rflms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rflms>).
59. Росстат. Выборочные обследования организаций (без субъектов малого предпринимательства), за апрель 2015г., проводится 1 раз в два года. <https://yandex.ru/search/site/?text>
60. Росстат. Индикаторы достойного труда. 2015 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/ind-dtr.xls. Дата обращения 21.03.2017
61. Росстат. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#. Дата обращения 28.09.2016
62. Свасьян К.А. Гнозис и политика // Политический класс. – 2009. – №10. – С. 51.
63. Сенат США утвердил У. Росса на должность министра торговли. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2243328.html>

64. Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство. Плановое хозяйство. 1987, №12.
65. СССР в цифрах в 1989 году. М. 1990.
66. Стратегия роста. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. – М.: Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. 2017. 28 февраля
67. Стратегия роста. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. – М.: Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. 2017. 28 февраля. С. 50.
68. Строкань С., Коростиков М. Дональд Трамп обрел стратега // Коммерсант. 7 февраля 2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3212164>
69. Трамп занимал 324 место в списке Forbes за 2016 год // The World's Billionaires. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/list/>
70. Финансовая мощь государств и корпораций. Livejournal. 21 апреля 2016. URL: <http://spydell.livejournal.com/611917.html> (дата обращения: 09.03.2017).
71. Ханна П. Как управлять миром? – М.: Астрель, 2012. – 320 с.
72. Хунбин С. Война валют. М.: РОО «Русский выбор», 2015. 528 с.
73. Цит. по Безруков А., Ребро О., Сушенцов А. Дональд Трамп: профессиональный профиль нового президента США... С. 17.
74. Черных Е. Тихий переворот в США // Комсомольская правда. – 2017. – 24 февраля. URL: <http://www.kp.ru/daily/26646/3666237/>
75. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
76. Энциклопедия кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/gosudarstvennyi-dolg?page=0,1>
77. Cockshott W.P., Cottrell A. Economic Planning, Computers and Labour Value. Working Paper, January 1999. URL: <http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/aer.pdf> (дата обращения: 09.03.2017).
78. Credit Rating Controversy. Council on Foreign Relations. February 19, 2015. URL: <http://www.cfr.org/financial-crises/credit-rating-controversy/p22328> (дата обращения: 09.03.2017).
79. Dzarasov, R. Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System. 320pp, Pluto Press, 2013
80. Feinstein, C. H., Temin, P. and Toniolo, G., The European Economy Between the Wars. Oxford: Oxford University Press, 1997.
81. General. International Labour Conference 104th Session, 2015
82. Harrison M, Broadberry S. The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
83. History Matter: Essays on Economic Growth, Technology, and Demographic Change. Ed. by William Sundstrom, Timothy Guinnane, Warren Whatley. Stanford University Press; First edition, 2003.
84. Keynes J.M. The Economic consequences of the peace. Edinburg, 1919.
85. Mintz B.A, Schwartz M. (1985). The power structure of American business: University of Chicago Press.
86. The future of work centenary initiative. Report of Director
87. UK Financial and Related Professional Services: Meeting the challenges and delivering opportunities. TheCityUK. August 2016. 60 p.

88. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011, vol. 6, no. 10, pp. 1–6.
89. Wallerstein I. The Modern World-System. T. I. 1974; T. II. 1988; T. III. 1989.
90. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. October 2016.
91. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance. UNCTAD, 2015.
92. World Investment Report 2016: Investor Nationality: Policy Challenges. UNCTAD, 2016.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Альпидовская Марина Леонидовна – д.э.н., доцент, профессор
Департамента экономической теории Финансового университета

Бобков Вячеслав Николаевич – д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Генеральный директор ОАО «ВЦУЖ»; главный научный сотрудник РЭУ им. Г.В. Плеханова

Болдырев Юрий Юрьевич – к.э.н., член редакционного совета
Российского экономического журнала

Губанов Сергей Семёнович – д.э.н., главный редактор журнала
«Экономист»; профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

Кашицын Виктор Валентинович – к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Клейнер Георгий Борисович – д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета

Кузнецов Алексей Владимирович – д.э.н., с.н.с., профессор
Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета

Нуреев Рустем Махмутович – д.э.н., профессор, научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета

Пономарёва Елена Георгиевна – д.полит.н., профессор, Профессор кафедры сравнительной политологии Факультета Политологии МГИМО (У) МИД России

Хазин Михаил Леонидович – к.э.н., Фонд экономических исследований «Михаила Хазина», президент

Хубиев Кайсын Азретович – д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Цаголов Георгий Николаевич – д.э.н., профессор, академик РАЕН и Международной Академии менеджмента, профессор Международного университета в Москве

**ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ:
диалектика идеалов и реалии конфронтации**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать 26.10.2017.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>

